Дб
60
Г70

МЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ
ИСТОРИИ НАРОДОВ
★ СССР ★

ГОРОДСКИЕ ВОССТАНИЯ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ XVII в.

СОЦЭКГИЗ · 1936

05

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ
по истории СССР

ГОРОДСКИЕ ВОССТАНИЯ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ XVII в.

ДБ
60
F.70

СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ

Составитель и автор вводной статьи и примечаний К. В. БАЗИЛЕВИЧ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1936 ЛЕНИНГРАД

9(47)
Б 17

Сборник документов о городских восстаниях 1648 г. впервые дает подобранный материал по 4 городским восстаниям указанного периода, причем в сборнике даны все опубликованные материалы по этим восстаниям и вновь выявленные архивные документы. Выбор городов, охваченных восстаниями, определялся, с одной стороны, качеством сохранившихся источников, а с другой, необходимостью отразить характер восстания соответственно разнице местных условий — московского центра, торговых городов севера и городов южной окраины. Вводная статья ориентирует в экономических и социальных условиях движения и в характере источников.

Предназначенный для семинарской работы, сборник будет полезен и для научного работника и для самообразования.

12062.
И.
Кабинет истории
Государ. п. ... ая
историческая
библиотека
585325
М

ВВЕДЕНИЕ

1

Изучая классовую борьбу в городах Московского государства XVII в., нельзя не отметить ее обострения к середине столетия, начавшегося выступлениями в посадах ремесленников, мелких торговцев и плебейских элементов, а также, в некоторых случаях, стрельцов. Особенно бурными оказались три года: 1648—1650 годы, когда волна, поднявшаяся в столице в июне 1648 г., захлестнула почти всю страну. Напряженная классовая борьба в московских городах развивалась в условиях двойного гнета, созданного развитием товарно-денежных отношений внутри феодально-крепостной системы.

Большинство московских городов XVII в., если исключить мелкие пограничные пункты, имевшие преимущественно военное значение, являлось центрами мелкого ремесленного производства и обмена. Условия их развития определяются, в соответствии с указанием Ленина, «усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок»[1].

В этих условиях выделяются районы, специализировавшиеся на производстве определенного продукта. Ремесло еще больше отделяется от сельского хозяйства и становится товаропроизводящим, а город вместе с тем постепенно утрачивает свой сельскохозяйственный облик. На городском рынке помимо продуктов крестьянского хозяйства, привозившихся из окрестных деревень и сел, заметную роль играют товары местного городского ремесла, рассчитанные на широкий сбыт. Развитие товарно-денежных отношений и связанное с ним развитие торговли происходили на базе феодального способа производства. Непосредственным производителем в сельском хозяйстве остается крепостной крестьянин, вносящий ренту землевладельцу (барщина, на-

[1] *Ленин*, Собр. соч., т. I, изд. 2-е, стр. 73.

туральные оброки, а также денежные платежи). Непосредственным производителем в городе является мелкий ремесленник. Крестьянин, вывозивший часть произведенных в своем хозяйстве продуктов на рынок, редко лично имел дело с потребителем, так как спрос со стороны местного населения не мог быть большим. Лишь крестьяне ближайших к городу деревень и сел имели возможность вести мелкую торговлю с возов, минуя посредничество скупщика.

В несколько лучшем положении были городские ремесленники, не только производившие, но часто и торговавшие продукцией своего производства. Однако и для них возможности самостоятельной торговли были весьма ограничены. Общественная диференциация труда и развитие рыночных связей между отдельными пунктами вели к тому, что производитель и потребитель все дальше и дальше отдалялись друг от друга: между ними становился скупщик. Еще в большей зависимости от скупщиков находилась торговля, обслуживавшая колонии и внешний рынок.

Таким образом, чем больше развивались товарно-денежные отношения, тем больше усиливалась эксплоатация со стороны торгового капитала крестьян, поставщиков продукции сельского хозяйства и домашней промышленности, и городских ремесленников. В то же время с развитием торговли увеличивалась диференциация внутри торгового класса. Самый состав торгового населения был пестрым, и в нем лишь постепенно образовывалось постоянное купеческое ядро. При узости местного рынка и неустойчивости рыночной конъюнктуры большие преимущества получал крупный купеческий капитал, использовавший выгоды от ведения широких операций одновременно во многих пунктах. Почти вся крупная торговля была связана с экспортными операциями, также требовавшими больших оборотных средств. Поэтому в зависимость от скупщиков и крупных купцов попадали не только непосредственные производители, но и мелкие и даже средние слои торгового населения. Недостаток оборотных средств, при общем медленном кругообращении торгового капитала и при постоянно меняющейся рыночной конъюнктуре, заставлял их в поисках денег обращаться к крупным купцам на невыгодных, кабальных условиях; очень часто, теряя самостоятельность, они становились приказчиками и торговыми агентами последних.

Но, несмотря на развитие рынка, город этого времени был вполне феодальным городом. Его экономическая основа состояла из некапиталистических форм производства. Торговля была опутана множеством разнообразных пошлин,

исторически сложившихся в течение нескольких столетий; существовало большое число мелких монополий, стеснявших со всех сторон развитие промыслов и местной торговли; владения светских и духовных феодалов — преимущественно монастырские и боярские — вплотную подходили к городской территории и часто даже вклинивались в черные посадские земли; у городского населения отнимались пашни, сенокосы, рыбные ловли и лесные угодья. Посадские жители, чтобы избежать тяжелого посадского тягла, отдавались под покровительство крупных феодалов, становясь их «закладчиками». Они селились на «белой земле» феодалов, освобожденной от посадских налогов и повинностей, или «обеляли» свои старые участки земли, передавая их крупным привилегированным землевладельцам. Поэтому рядом с посадом возникали поселения торговых людей и ремесленников, освобожденных от несения посадских повинностей («белые слободы») и успешно конкурировавших с посадом. На этой почве происходила постоянная борьба между черным посадским населением и различными привилегированными категориями населения, занимавшегося торговлей и городскими промыслами, но не участвовавшего в платеже налогов и в несении натуральных повинностей, падавших на посадскую общину. К нему принадлежали: население частновладельческих слобод, беломестцы, мелкие разряды служилых людей (стрельцы, пушкари, воротники и пр.). Таким образом происходил разрыв между делением населения по производственному и сословному признакам.

Условия, стеснявшие развитие мелкого производства и торговли (монополии, тяжелые посадские налоги, конкуренция со стороны беломестцев и пр.), касались главным образом низших и отчасти средних слоев посадского населения. Мелкий торговец и ремесленник были объектами двойной эксплоатации — со стороны феодального государства и со стороны крупного купеческого капитала. Вследствие неустойчивого положения рынка им постоянно грозило разоренье, что заставляло ценой потери самостоятельности искать покровительства и защиты у крупного землевладельца или у богатого купца. Только относительно небольшая часть низших слоев торгового и ремесленного населения с трудом пробивалась в высшие разряды купечества, бо́льшая же часть легко пауперизировалась, пополняя кадры городского плебса. Этим объясняются большая подвижность посадского населения и неоднократно отмечавшийся факт количественного уменьшения посадского населения даже в крупных городах, бывших центрами ожи-

вленной и обширной торговли. При этом однако не следует упускать из виду, что в XVI—XVII вв. понятие «посадский тяглец» было понятием не столько социально-экономическим, сколько фискальным и юридическим (человек, входивший в состав посадской общины как плательщик посадского налога). При изучении городского населения необходимо учитывать все население, занимавшее городскую территорию, включая собственно «город» в древнерусском понимании этого термина (крепость), посад и слободы.

Положение низших слоев посадского населения несомненно ухудшилось к сороковым годам XVII в., причем это ухудшение было результатом как усилившейся эксплоатации со стороны феодально-крепостного государства, так и нажима со стороны развивающегося купеческого капитала. В начале сороковых годов произошло большое увеличение прямых посошных налогов. Особенно сильно возрос самый тяжелый налог — «стрелецкие деньги», причем хлебный оклад его был повышен в 7 раз[1]. Увеличение налогов больше всего коснулось посадов и частновладельческих земель. При этом правительство назначало лишь общую сумму налогов на данный год в абсолютном выражении, предоставляя самой посадской общине развертывать их между отдельными тяглецами. Состоятельный слой торговых людей, пользуясь своим экономическим положением и общественным влиянием, стремился переложить тяжесть налогов на малоимущие слои.

В результате быстрый рост недоимок и разброд населения должны были показать правительству, что платежеспособные силы населения были подорваны, что народные массы не могли дольше вынести тяжести обложения. В конце царствования Михаила Феодоровича правительство как будто начало понимать опасность создавшегося положения; в отдельных случаях оно вынуждено было пойти на длительную погодовую разверстку недоимок. Но экономическое положение государства продолжало оставаться очень тяжелым. И после воцарения Алексея Михайловича правительство настаивает на полном сборе налогов, усиливая репрессивные меры за недоимки. В 1647 и 1648 гг. в города Новгородской четверти были посланы грамоты с требованием взимать за прошлые годы недоимки (четвертные, данные и оброчные деньги, деньги за стрелецкие хлебные запасы и всякие доимочные деньги) с посадских людей и с крестьян «нещадно». Кроме того требовалось «править» деньги на крестьянах за беглых, «чтоб доходов нисколько в доимке

---

[1] *С. Веселовский*, Сошное письмо, т. I, стр. 175.

не было». Однако, несмотря на суровые меры, сбор недоимок происходил очень плохо: «и из городов воеводы и приказные люди писали... что посадские и уездные сошные люди в государевых в доимочных доходах в день стоят на правеже». От правежа «торговые люди промыслов своих, а пахотные крестьяне пашни отбыли»[1]. Повидимому эта мера была распространена на все государство. Не довольствуясь поручениями воеводам, правительство посылало для сбора недоимок еще и особых сборщиков со стрельцами, являвшихся по существу настоящими карательными экспедициями.

Происходившее одновременно описание уездов и городов обнаружило ужасающий рост пустоты — убыль крестьянских и посадских дворов. Чтобы скрыться от царских сборщиков, население снималось целыми деревнями, пряталось в лесах и уходило на новые места. Поэтому дальнейшее увеличение прямого посошного обложения привело бы к обратным результатам. Разброд посадского населения носил несколько иной характер: здесь, как мы видели, мелкие торговые и ремесленные люди стремились выйти из тягла путем поселения на «белой земле» вотчинников и монастырей, в непосредственной близости от посадов, иногда сохраняя даже свои старые земельные участки. Неудача со сбором прямых налогов увеличивала значение косвенного обложения, в особенности налогов, падавших на торговую и ремесленную деятельность населения.

Правительство Б. И. Морозова понимало, что эффективность налоговой политики в области косвенного обложения связана с ростом платежеспособных и тягловых сил посадского населения. Это требовало, во-первых, точного учета всех тяглецов и возврата тех из них, которые сумели выйти из посадского тягла, и, во-вторых, уничтожения привилегий в области обложения. В первом случае правительство предприняло сыск и возвращение в посадское тягло «беломестцев» и «закладчиков», причем по размеру и по охвату территории этот сыск значительно отличался от подобных сысков, произведенных в тридцатых и в начале сороковых годов. Во втором случае было произведено частичное уничтожение льгот в уплате торговых пошлин (отмена тарханов).

Однако действительная заботливость правительства касалась именно состоятельных групп купечества. Так, в 1646 г. торговые люди представили обширную декларацию

---

[1] *П. Смирнов,* Несколько документов к истории Соборного уложения и Земского собора 1648—1649 гг.

о своих нуждах, в которой просили ограничить иностранную торговлю внутри страны, наносившую им большой вред. В том же году появился первый протекционный тариф, имевший целью оградить русскую крупную торговлю от конкуренции европейских и восточных купцов. Тогда же был значительно усилен состав привилегированных купеческих сотен (гостей, гостиной и суконной сотен) путем перевода в них состоятельных посадских тяглецов, что наносило чувствительный ущерб посадской общине, терявшей самые платежеспособные силы.

Особый интерес представляют мероприятия в области косвенного обложения. В 1646 г. правительство сделало попытку ввести большой соляной налог, имея в виду заменить им основные прямые налоги. Согласно указу от 7 февраля 1646 г., налог на соль вводился в размере 2 гривен с пуда, а с астраханской и яицкой соли, употреблявшейся для соления рыбы, — по гривне с пуда. В самой редакции указа заметна тесная связь между новым соляным налогом и неудачными результатами в области прямого обложения: «...та соляная пошлина всем будет ровна, и в избылых никто не будет, и лишнего платить не станет, а платить всякой станет без правежу собою; а стрелецкия и ямския деньги сбирают неровно, иным тяжело, а иным легко, и платят за правежем с большими убытки, а иные и не платят, потому что ни в розряде в списках, ни в писцовых книгах имян их нет, а живут всегда везде в избыли»[1]. Сбор соляной пошлины был сосредоточен в приказе Большой казны у Б. И. Морозова, И. П. Матюшкина и дьяка Назария Чистого. Вполне естественно, что наивная надежда на то, что население будет по какой угодно цене покупать соль, не оправдалась. Произошло резкое сокращение в потреблении соли, сопровождавшееся развитием контрабандной торговли. В качестве примера мы приведем отрывок из донесения таможенного головы г. Устюжны Железнопольской: «И в нынешнем в 154-м году (1645—1646 гг.) приезду торговых людей с товары с солью и с иными товары в Устюжне нету, а которые... люди и приезжают з деньгами для железново товару и оне покупают товары по волостям и по деревням в Углецком уезде версты по две и по три и по пяти и по шти от Устюжны, а нам сиротам твоим государевы таможенные пошлины не платят»[2]. Всей своей тяжестью соляная пошлина должна была лечь на мелкого потребителя, ко-

---

[1] Акты Археографической экспедиции, т. 4, № 5.
[2] ГАФКЭ. Приказные дела старых лет, 1645 г., № 67.

торому теперь приходилось платить за соль в два раза выше ее обычной цены. Правительству очень скоро пришлось убедиться в полной неудаче нового налога; последний был отменен 10 декабря 1647 г.

Для системы изыскания всевозможных источников косвенного обложения интерес представляет и другой оригинальный налог, введенный приблизительно в одно время с соляным: казенные клейменые аршины, при покупке которых население уплачивало особый высокий сбор в пользу казны[1]. Тяжесть этого налога падала также на низшие слои торгующего посадского населения.

Рассматривая развитие системы прямого и косвенного обложения с середины тридцатых годов XVII в., мы видим определенную социальную направленность финансовой политики московского правительства. В первые двадцать лет царствования Михаила Феодоровича господствовали чрезвычайные сборы в виде определенного процента с имущества и доходов, носившие общее название «пятинных денег»[2]. Они собирались 7 раз. Последние и самые тяжелые сборы «пятинных денег» были произведены во время войны с Польшей 1632—1634 гг. Затем чрезвычайные сборы прекращаются на двадцать лет, до начала польской войны в 1654 г. Взамен, как указывалось выше, было усилено прямое поземельное (посошное) обложение. Чрезвычайные сборы с оценки имущества были очень неприятны крупному купечеству, которому даже при утайке части оборотов торговли все же приходилось платить большие суммы. В интересах этого крупного купечества и осуществлялась система косвенного обложения, формально равная для всех, но в действительности падавшая своей тяжестью на малоимущие слои населения и выгодная феодальным землевладельцам и состоятельному слою торговых людей.

Финансовая политика правительства Морозова затронула и низшие разряды служилых людей.

Предпринимая решительные меры в отношении сбора прямых налогов и вводя новые косвенные налоги, правительство Морозова в то же время стало сокращать расходный бюджет приказов, урезывая или вовсе лишая денежного жалованья целые категории служилых людей. В этот список постепенно вошли: московские послы, иностранные офицеры, дворцовая прислуга, подьячие и сторожа воеводских изб в городах, казенные кузнецы и плот-

---

[1] *Адам Олеарий*, Описание путешествия в Московию.

[2] От слова «пятая деньга», т. е. 20% от общей стоимости имущества; брались также «десятая деньга» (10%) и «двадцатая деньга» (5%).

ники, пушкари, стрельцы [1]. Провинциальная администрация, лишившись содержания, поспешила отыграться на населении. Взяточничество и различного рода злоупотребления достигали ужасающих размеров не только в глухой провинции, но и в самой столице.

Подводя итоги рассмотрению социально-экономического положения городов в отмеченном выше широком понимании этого термина, надо еще раз подчеркнуть общие выводы относительно социальной характеристики населения и развития в нем классовых противоречий. Вся тяжесть натуральных повинностей и денежных платежей падала только на часть городского населения — на посадскую общину. Привилегированные землевладельцы расхватывали лучшие угодья (пашни, выгоны, леса), раньше принадлежавшие посаду. Феодальная эксплоатация посадского населения путем государственных налогов шла в интересах класса феодальных землевладельцев и крупного купечества. Тяжесть эксплоатации еще больше усиливалась при раскладке и сборе налогов, так как мирские выборные должности принадлежали «лучшим» и «прожиточным» людям, которые, опираясь на свое общественное положение и многочисленную зависимую от них клиентуру, перекладывали налоги на малоимущие слои посадского населения. Одновременно с феодальным методом эксплоатации развилась эксплоатация мелких ремесленников и торговцев со стороны крупного купеческого капитала. В результате мы наблюдаем к середине столетия массовое разорение и обеднение низших слоев городского и в особенности посадского населения. Эксплоатируемые элементы городского населения состояли из мелких, отчасти средних, слоев торгового населения, ремесленников и городского плебса. К ним близко стояли некоторые слои служилых людей «по прибору», также занимавшиеся промыслами и торговлей (стрельцы, пушкари и пр.). Рост недовольства среди этой категории населения в рассматриваемое время вызывался также особыми причинами, к числу которых следует отнести уменьшение денежного жалованья и развитие косвенных налогов.

2

Движение 1648 г. особенно бурно развернулось в Москве.

Москва в середине XVII в. была самым большим городом, не только политическим центром страны, но и

[1] Подробно см. у *П. Смирнова,* Правительство Б. И. Морозова и восстание в Москве 1648 г.

самым крупным экономическим центром. Она состояла из нескольких концентрически расположенных городов, возникавших по мере ее исторического роста и развития. В центре был Кремль, внутри которого находился царский дворец и были расположены в своей основной массе центральные административные учреждения (приказы), лепившиеся друг около друга. Наибольшее число жилых дворов принадлежало попам и причту многочисленных кремлевских соборов; тут же стояли дворы некоторых крупнейших бояр и гостей. К Кремлю примыкал Китай-город, сплошь застроенный рядами лавок, — московский торговый центр. По переписи 1626 г. насчитывалось 657 лавок кроме пустых лавочных мест[1]. Следующая часть Москвы носила название Белого города, стены которого были возведены в конце XVI в. На его территории большинство дворов принадлежало боярам, московским дворянам, духовенству и приказной администрации (дьякам и подьячим). Здесь же находился ряд монастырских и черных слобод. Основная масса торгового и мелкого ремесленного населения располагалась слободами в пределах «земляного города», окруженного валом, построенным в голодные годы при Борисе Годунове, и за его чертой. В XVII в. всего в Москве насчитывалось около 150 слобод черных, дворцовых, казенных, монастырских, иноземческих и военных (стрелецкие, казацкая, пушкарская и др.); это число постоянно изменялось в зависимости от появления новых поселений и соединения мелких слобод вместе.

Общая численность московского населения может быть установлена только приблизительно. На основании неполных данных переписной книги 1638 г. и более подробных сведений, относящихся к самому концу столетия, можно предполагать, что в середине XVII в. церкви принадлежало около 1 000 дворов (в это число не входят дворы монастырских слобод), боярам и московскому дворянству — 2 500—3 000 дворов, дьякам и подьячим — до 1 500 дворов, гостям и торговым людям гостиной сотни — 250—300 дворов. Более точные и полные сведения мы имеем относительно слободского населения. В середине столетия в дворцовых и казенных слободах было приблизительно 3 400 дворов; в монастырских — 1 800 дворов; в черных слободах, по данным 1653 г., когда число черных дворов было увеличено путем отписки по Уложению 1649 г. частновладельческих слобод, — 3 428 дворов; в иноземческих — около 500 дворов.

---

[1] *М. Довнар-Запольский*, Торговля и промышленность Москвы в XVI—XVII вв.

Точный размер военных слобод нам не известен, но, исходя из численности московского гарнизона, можно с вероятностью предположить, что в них было не меньше 11 000 дворов[1]. В общем итоге для всей Москвы мы получаем не менее 25 000 дворов. Общая численность московского населения в то время должна была превышать 100 000 чел. По территории и численности населения Москва резко выделялась среди остальных больших русских городов XVII в. Она была одним из самых крупных городов Европы того времени, что вполне подтверждается рассказами современников-иностранцев.

Приведенное распределение дворов дает некоторое, хотя и неполное, представление о соотношениях между различными категориями московского населения. В этом вопросе труднее всего учесть плебейские элементы города, за редким исключением не попадавшие в переписи. К ним нужно отнести многочисленных нищих, скитавшихся «по миру», ярыжек, вольных гулящих людей, питавшихся случайной работой, отчасти дворников, соседей и захребетников, живших по чужим дворам. Многочисленную группу составляли также не поддающиеся учету холопы и крепостные крестьяне. В больших боярских дворах дворня состояла из нескольких сотен человек. Некоторое конкретное представление о населенности этих дворов можно получить по материалам, относящимся к чумной эпидемии в Москве в 1654 г. В то время на дворе у Б. И. Морозова жило 362 чел., у кн. Я. К. Черкасского — 533 чел., у Н. И. Романова — 486 чел. и т. д.[2]. Население большого боярского двора тогда превосходило размер небольшого провинциального посада. Выше мы видели, что собственно торговому и мелкому ремесленному населению слобод (без армии) принадлежало около 9 000 дворов, т. е. несколько более одной трети всего числа дворов. Черное посадское население Москвы занимало в ней совсем небольшое место. Нам поэтому становится понятной та борьба, которую вели черные слободы между собой и с дворцовыми и казенными слободами за каждого тяглеца.

Среди ремесленного населения Москвы насчитывалось свыше 200 различных специальностей, что указывает на большую общественную диференциацию труда, особенно в производстве металлических изделий и продуктов питания. Большая дробность мелких производств служит по-

---

[1] *С. К. Богоявленский*, Московские слободы и сотни в XVII в. (Московский край в его прошлом, ч. 2).

[2] *С. Соловьев*, История России, кн. 2.

казателем непосредственной связи ремесла с рынком. Население слобод, положенное в посадский оклад, было очень неоднородным: в нем были представлены все градации перехода от людей, стоявших на грани полной нищеты, с трудом тянувших посадское тягло, до крупных купцов, занимавшихся большими и разнообразными торговыми операциями. Особенно много разбогатевших торговых людей было в привилегированных слободах, в частности в Кадашевской дворцовой слободе, поставлявшей полотняные изделия для нужд царского дворца.

Москва с ее огромным населением, с большим числом богатых домов бояр, гостей и приказной администрации, с большим неземледельческим населением слобод естественно обладала и емким внутренним рынком, обслуживавшим потребности столицы. В то время среди высокого столичного феодального общества заметно усиливаются притязания на роскошь, удовлетворявшиеся товарами восточного и западноевропейского рынков. Московские гостиные дворы и лавки в изобилии доставляли тонкие шелковые ткани, лучшее английское и голландское сукно, драгоценные самоцветы, изделия из серебра, южные пряности. Но московский рынок имел и общее центральное значение для страны, так как на нем сходились десятки торговых связей с различными городами. В Москве производились крупные закупки иностранных и русских товаров и совершались сделки на их поставку.

Вполне понятно, что развитие классового антагонизма, вызванное рассмотренными выше условиями, достигло в Москве с ее стотысячным населением большой силы.

По отдельным замечаниям иностранцев, присматривавшихся к московской жизни, и по раздававшимся кое-где угрозам можно проследить приближение того взрыва, который произошел в столице в первых числах июня 1648 г.

Источники по истории московского восстания по характеру значительно отличаются от источников по другим городским восстаниям, где основной материал составляют документы следственного дела, раскрывающие иногда во всех деталях фактические подробности событий. После июньского восстания в столице правительство не решилось на открытое обвинение и следствие над его участниками. Задабривая одних мелкими подарками, денежными выдачами и водкой, оно тайком казнило и ссылало других, являвшихся в его глазах более опасными. Но еще в течение многих месяцев продолжалось то «бунташное время», которое заставляло действовать с большой осторожностью. Поэтому актовый материал о восстании в Москве чрезвы-

чайно беден; мы не можем даже установить по именам отдельных активных участников. Однако этот недостаток до известной степени восполняется литературными памятниками в виде описаний и воспоминаний о московских событиях, часть которых принадлежала непосредственным очевидцам. Восстание в столице произвело огромное впечатление на современников, начиная от самого царя Алексея и кончая теми приезжими случайными очевидцами, которые были захвачены движением и потом далеко по стране разнесли сенсационные известия, что в Москве «чернь встала на бояр». С большим вниманием и интересом присматривалась к происходящему в русской столице иностранная колония. Иностранцы оставили ряд описаний июньского восстания различной полноты и различной достоверности.

Среди них на первое место по точности передаваемых фактов следует поставить донесения шведского резидента в Москве, «ученого магистера», как его называют русские документы, Карла Поммеренинга. Последний приехал в Москву в конце августа 1647 г., приблизительно за год до восстания. Его донесения шведской королеве Христине, напечатанные в русском переводе К. Якубовым по подлинникам, хранящимся в Государственном архиве в Стокгольме, охватывают время от 15 сентября 1647 г. по 4 мая 1650 г.[1]. Они отличаются большой обстоятельностью и касаются самых различных вопросов, относящихся к области внешней политики, внутреннего положения в стране, организации и вооружения армии, торговли и пр. В первом донесении, написанном всего через двадцать дней после прибытия в Москву, Поммеренинг, сообщая собранные им сведения, касавшиеся преимущественно организации московских войск, писал: «Надеюсь всеподданнейше, что ваше королевское величество всемилостивейше простит мне, что я на этот раз не могу узнать и сообщить никаких более достоверных и подробных известий и подтвердить их надлежащими документами, так как я еще чужой и незнакомый (здесь)». Эта фраза хорошо передает отношение Поммеренинга к характеру сообщаемых им известий. С течением времени его донесения становятся все более и более содержательными, причем Поммеренинг обнаруживает хорошую осведомленность даже относительно мелких событий царского двора. И хотя он жалуется в донесении на то, что у него совсем нет помощников и что он, не владея русским языком, находится «среди крепко дисципли-

[1] *К. Якубов*, Россия и Швеция в первой половине XVII в.

нированного народа», но это заявление нельзя принимать в буквальном смысле.

В действительности Поммеренинг располагал в Москве достаточной агентурой и несомненно имел связи с московскими приказами. Некоторую часть нужных сведений он мог почерпнуть из рассказов, ходивших в иностранной колонии Москвы среди немецких, шотландских и голландских офицеров и купцов, в том числе и шведов. Москва была полна всевозможных слухов, передавая которые, Поммеренинг добросовестно указывал на степень их достоверности. Иногда он сообщает несколько разных версий по какому-либо вопросу. В одном из донесений он жалуется на то, что «часто рассказы известных людей противоречат друг другу». Но помимо слухов, являвшихся общим достоянием, Поммеренинг неоднократно упоминает об известиях, полученных им от «достоверных людей». Например, передавая некоторые подробности о ходе русско-польских переговоров, он при этом добавляет, что они были ему рассказаны «одним знатным достойным веры человеком», который непосредственно слышал их от польского посла. Если не во всех, то в некоторых случаях эти «достоверные люди» повидимому принадлежали к представителям московской правящей бюрократии, может быть даже к руководящим правительственным кругам. Иначе была бы непонятна осведомленность Поммеренинга относительно действий правительства, сохранявшихся в строгой тайне. Так например, он знает, чем занимается Боярская дума, о чем говорил «канцлер» с крымскими послами, несмотря на то что в последнем случае для лучшего сохранения тайны переговоры велись без писцов. Наконец на связь его с центральными правительственными учреждениями указывают те русские документы, которые он каким-то образом получал и пересылал королеве. Все это придает сообщениям Поммеренинга большую историческую ценность.

Вполне естественно, что восстание в русской столице должно было привлечь самое пристальное внимание шведского резидента. Но в этом случае он явился не только непосредственным очевидцем уличных событий, но и жертвой, так как 3 июня во время разгрома боярских и купеческих домов толпа подожгла его двор, причем, по его словам, он «едва и сам ушел». Первое донесение о восстании было написано им спустя приблизительно месяц.

За это время Поммеренинг мог дополнить свои личные впечатления о событиях рассказами, слухами и другими источниками. Это позволило ему дать в своем донесении связный очерк всего восстания. В дальнейших донесениях,

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
И. К. П. Кабинет истории

написанных во вторую половину 1648 г. и в начале 1649 г., Поммеренинг постоянно касался событий, связанных с московским восстанием, описывал положение в столице, перемены среди правительства, настроения стрельцов, казни и ссылки и пр. Эти сообщения представляют ценнейший исторический материал, имеющий огромное преимущество непосредственных записей.

К донесению Поммеренинга от 6 июля был приложен шведский перевод русской челобитной, поданной царю во время крестного хода 2 июня. Шведский текст и обратный русский перевод были напечатаны П. Смирновым в работе «Челобитные дворян и детей боярских всех городов в первой половине XVII века». Изучение шведского перевода привело П. Смирнова к выводу, что перевод был сделан недостаточно точно, с некоторыми сокращениями и с вольной передачей русских выражений и терминов на шведском языке. Однако за шведским переводом, за исключением отдельных, более испорченных мест, настолько чувствуется русский текст XVII в., что можно узнать и даже с большой вероятностью восстановить первоначальный подлинник, потерявший свое своеобразие при переводе на иностранный язык. Внешняя критика этого источника позволяет притти к выводу, что перевод был сделан действительно с подлинного русского документа. Большое значение его для изучения июньских событий определяется тем, что ни одна из челобитных, поданных царю 1 или 2 июня, в русском подлиннике или в списке до сих пор не найдена. Так как, по согласному утверждению современников, они не были приняты царем и окружавшими его лицами, то они не могли сохраниться в официальных делах. Кроме того большинство их, если не все, было уничтожено на месте. Возможно, что Поммеренинг пользовался черновиком или одним из списков, ходивших по рукам.

Важнейший вопрос при анализе этого документа — это вопрос о том, к какой социальной среде принадлежали его авторы, от имени какого класса они выступали, какие классовые интересы они защищали. Сообщение Поммеренинга можно понимать в том смысле, что полученная им челобитная была подана «простым народом», однако это требует критической проверки как на основании анализа самого документа, так и посредством сопоставления его с другими источниками. Необходимо отметить, что 1 и 2 июня могло быть подано несколько челобитных от различных общественных групп населения.

Помимо донесений Поммеренинга в Государственном архиве в Стокгольме хранится шведская рукопись неизвест-

ного автора под названием: «Краткое и правдивое описание опасного мятежа, происшедшего среди простого народа в городе Москве 2 июня 1648 г.». Шведский текст и русский перевод были изданы в «Чтениях в Обществе истории и древностей российских» 1893 г., кн. 1. При сравнении этого анонимного шведского сочинения с донесениями Поммеренинга обнаруживается большая близость их в передаче фактических событий и даже одних и тех же деталей. Вместе с тем анонимное шведское сочинение, составленное в форме повествования, содержит ряд существенных дополнений, не находящихся в донесениях Поммеренинга, и сообщает очень ценные подробности, указывающие на то, что оно было составлено независимо от донесений Поммеренинга и при этом лицом, хорошо осведомленным в московских событиях. Весьма возможно, что автором его был кто-нибудь из шведов, находившихся во время восстания в Москве, может быть лицо из состава шведской миссии.

Самостоятельное значение имеет голландское сочинение неизвестного автора, изданное в Лейдене в 1648 г. (так называемая Лейденская брошюра). Уже год издания показывает, что описание было составлено под свежим впечатлением московских событий. Для характеристики этого источника очень ценным является то, что автор передал некоторые выражения по-русски латинскими буквами, может быть не понимая точного смысла услышанных им выкриков и угроз. В этом нельзя не видеть того характера непосредственности, который мог принадлежать только описанию, составленному очевидцем и притом очень скоро после самых событий. На это же указывает самый характер изложения. Описывая московский пожар, автор замечает: «Во время этого ужасного пожара в квартал, где жили мы, иноземцы, и русские, пришло несколько поджигателей с твердым намерением зажечь и другие части города; однакож этому помешали мы, зорко сторожившие». Свой рассказ он закончил обещанием сообщить о новых происшествиях, если они произойдут. В передаче некоторых фактов анонимный автор Лейденской брошюры стоит близко к шведским источникам, но в других случаях он сообщает подробности, которых нет в последних.

Наконец последний иностранец, писавший о московском восстании 1648 г., — Адам Олеарий. В отличие от рассмотренных авторов он был лишь современником, но не очевидцем московских событий. Адам Олеарий был человеком разносторонней образованности: он занимался астрономией, физикой и математикой, был историком, знал восточные языки. В первый раз он побывал в России в со-

ставе гольштинского посольства в 1634—1639 гг. В Москве он получил предложение остаться на русской службе. В царской грамоте, адресованной Олеарию в 1639 г., было написано: «Ведомо нам, великому государю, нашему царскому величеству учинилось, что ты гораздо научен и навычен астрономии, и географии, и небесному бегу, и землемерию и иным многим надобным мастерствам и мудростям, а нам, великому государю, нашему царскому величеству, мастер годен». После некоторого колебания Олеарий отверг это предложение. В 1643 г. Олеарий вновь был в Москве. В 1647 г. появилось первое издание его сочинения о путешествии в Московию, в 1656 г. — второе, значительно дополненное. Во втором издании мы уже находим подробный рассказ о восстании в Москве в 1648 г. Таким образом Олеарий составлял за границей свою повесть об этих событиях вероятно тогда, когда подготовлял книгу для нового издания. Поэтому для критики сообщений Олеария с точки зрения их достоверности и точности большое значение приобретает вопрос о его первоисточниках. Ответ на него следует искать, с одной стороны, в сопоставлении рассказа Олеария с изложением событий у шведских авторов, а также в русских источниках, а с другой стороны, в анализе текста Олеария. Возможным источником его сведений были рассказы иностранцев, очевидцев московских событий. В этом отношении особенно интересен рассказ о «черном монахе», бросившем труп Леонтия Плещеева в огонь для прекращения пожара. По словам Олеария, эту сцену видели несколько немцев. Почти аналогичное сообщение мы находим у Поммеренинга, который в первом же донесении о московских событиях писал королеве, что один монах бросил труп Плещеева в огонь «в той надежде, что огонь вследствие этого потухнет». У Олеария нет той ясности и последовательности в описании отдельных моментов восстания, какие мы находим у Поммеренинга и в шведском описании. Повидимому хронология отдельных моментов к тому времени, когда Олеарий получил интересующие его сведения, уже начала путаться в памяти очевидцев. В его рассказе есть некоторый налет легендарности, который мог появиться по истечении некоторого времени в результате постепенного развития рассказов о московских происшествиях. Поэтому при использовании сочинения Олеария необходимо особо строгое критическое отношение к сообщаемым им фактам.

Каждое из четырех известных нам иностранных описаний московского восстания имеет свои особенности, содержит

иногда противоречия, а иногда и важные и ценные дополнения. Эти противоречия, так же как и совпадения и дополнения, могут служить ценным материалом для взаимной проверки, для внутренней критики самых источников. Большую помощь в этой работе должны оказать русские описания восстания.

Нам известны 5 кратких летописных записей о московском восстании. Из них самой обстоятельной является запись Толстовского сборника Ленинградской публичной библиотеки. Ее особый и для нас очень ценный характер вытекает из отношения неизвестного автора к описываемым событиям. Автор стоит на стороне восставшего «мира». Бояре, пострадавшие во время восстания, в его глазах являются изменниками и поджигателями. Таким образом мы имеем не официальную версию, а запись, сделанную лицом, сочувствовавшим, по крайней мере в основном, восстанию и расправе с теми, кто вызвал в народе «великую досаду».

Большое значение этого источника заключается также в последовательной датировке всех основных моментов восстания, позволяющей проверить сообщения других источников, в частности иностранных, и распутать ту хронологическую путаницу, которая получилась в результате ошибок и противоречий. Наконец очень ценным следует признать сообщение о переговорах бояр, посланных царем, с народом по поводу требований о выдаче Б. И. Морозова и П. Т. Траханиотова.

Особый характер этого источника становится еще яснее, если сравнить его с другими русскими летописными известиями. Например автор описания восстания в хронографе по списку Ундольского видит в погроме бояр и гостей возмущение народа «по действу дияволю».

За Толстовским сборником по степени подробности идут записи о московском восстании в Псковской первой летописи и в Новом летописце по списку Оболенского. В Псковской летописи помещено ценное сообщение о высылке в первый день восстания для переговоров с толпой кн. М. М. Темкина и окольничего Б. И. Пушкина, что подтверждает правильность аналогичных известий в анонимном шведском сочинении. В ней также дано более подробное, чем в других памятниках, перечисление разграбленных боярских домов. В Новом летописце по списку Оболенского сохранилось интересное сообщение о перемещении в составе правительства, произведенном непосредственно после июньского восстания.

Несмотря на краткость русских литературных источников по сравнению с записками иностранцев, они дают полную

возможность установить точную последовательность событий и проверить ряд сообщений иностранных источников.

Среди русских источников особое место занимает рассказ келаря Троице-сергиевского монастыря Симона Азарьина, известного церковного писателя XVII в. Рассказ под названием «О обидящих святыя места и о гневе божии», как видно из заглавия, преследовал строго поучительную цель и был включен в его «Книгу о чудесах пр. Сергия». Под именем «некоего вельможи» Симон Азарьин вывел окольничего П. Т. Траханиотова, с которым у монастыря существовали давние споры по вопросу о монастырских землях и крестьянах. В повести рассказывается, что П. Т. Траханиотов, обижавший монастырь, неоднократно получал доказательства нерасположения к нему со стороны умершего еще в XIV в. основателя монастыря Сергия Радонежского и был наконец не без невидимого участия последнего казнен народом во время восстания. В рассказе дано любопытное описание бегства и поимки П. Т. Траханиотова и содержится ряд интересных подробностей для его характеристики.

Как указывалось выше, документальный материал, относящийся к июньскому восстанию в Москве, чрезвычайно беден. В настоящем сборнике мы помещаем письмо Семена Колтовского, обрисовывающее настроение мелкого дворянства, взволнованного известием, что «сильных побивают ослопьем да каменьем», и сказку томского казака Ивашки Лаврентьева, интересную как для характеристики отношения далекой и глухой провинции к известиям о восстании в столице, так и по некоторым подробностям, переданным в рассказе очевидца.

Таким образом иностранные и русские источники о московском восстании содержат большой материал для изучения важнейших вопросов, связанных с историей одного из самых крупных городских движений XVII в. Важнейшим вопросом является вопрос о классовой характеристике участников восстания и о его основной движущей силе. Анализ источников дает нам очень сложную картину народного движения, на основном фоне которого нарисован запутанный узор фактического хода событий, сопровождавшихся актами проявления недовольства и возмущения со стороны разных социальных групп, оппозиционно настроенных к правительству Морозова. Однако эти параллельные и часто переплетающиеся действия не должны закрывать от нас лейтмотив восстания, который проступает сквозь литературный стиль иностранных повествований и русских летописных памятников. Именно он придает восстанию характер широкого антифеодального классового движения.

Донесения Поммеренинга позволяют проследить и развитие событий после восстания. Последнее было прекращено не в результате подавления открытой силой, а ценой значительных уступок, имевших целью, «чтобы миром утолилися»: Л. Плещеев и П. Траханиотов были выданы восставшим и убиты; «дядька царя» Б. И. Морозов после долгих колебаний был сослан в Белоозеро с торжественным обещанием никогда не допускать его возвращения в Москву; была произведена почти полная смена правительства во всех главнейших московских приказах. Были сделаны также важные уступки в отношении сбора налогов. 12 июня состоялся царский указ с боярским приговором: «Которые посадцкие люди и уездные пахотные крестьяне в доимках в данных и оброчных доходех и за стрелецкие хлебные запасы в деньгах на прошлые годы, за беглых крестьян с пустых участков и за скудостью стоят на правеже, и от того правежу торговые люди промыслов своих, а пахотные крестьяне пашни отбыли, — с правежу спустить, а доимку выбирать исподволь»[1]. 10 июня, за день до ссылки Б. И. Морозова, правительству была подана челобитная от имени дворянства и посадских людей о созыве Земского собора, которую оно поспешило немедленно удовлетворить. Земский собор официально открылся 1 сентября. О его составе мы знаем по подписям под Соборным уложением. Всего имеется 315 подписей; кроме того 25 членов Собора не подписались под Уложением, что составляет около 8%. Число подписавшихся членов Собора нужно признать совершенно достаточным для его правильной социальной характеристики. Собор имел следующий состав: 14 представителей высшего духовенства, 40 представителей от бояр, столичного дворянства и высшей бюрократии (в том числе 15 бояр и 10 окольничих), 153 представителя провинциального дворянства, 94 представителя торгового и посадского населения (в том числе 3 гостя и 12 представителей московских сотен и слобод), 15 стрельцов и 21 неизвестный[2]. Это типичный состав Земского собора, в котором господствуют дворянство и городская купеческая верхушка. Блок дворянства и купечества сыграл решающую роль в работе Земского собора по всем важнейшим вопросам. К ним следует отнести: уничтожение срока давности для сыска крестьян, конфискацию земель, соприкасавшихся с посадской территорией, со включением в состав посадов находившихся на них слобод и с возвра-

---

[1] *П. Смирнов,* Несколько документов к истории Соборного уложения и Земского собора 1648—1649 гг.

[2] *В. Латкин,* Земские соборы древней Руси, стр. 217.

щением в посады закладчиков. Одновременно можно отметить ряд других мероприятий, осуществленных в интересах торгового населения. Еще в конце июля посадские люди разных городов, принадлежавшие повидимому к числу съехавшихся делегатов Земского собора, а также представителей московских слобод и сотен, просили о возвращении в посадские общины переведенных из них в Москву в привилегированные купеческие сотни (в гости, гостиную и суконную сотни) лучших посадских людей. В ответ на эту челобитную последовал указ, согласно которому посадские люди, взятые в 1647 г. в гостиную и суконную сотни, должны были попрежнему жить в посадах своих городов и нести вместе с остальными посадскими людьми тягло и разные местные повинности. Впоследствии торговые люди гостиной сотни, протестуя против отобрания у них обратно в посады людей, переведенных в гостиную сотню в 1643, 1644 и 1647 гг., писали: «А мы, холопи твои, тебе государю бити челом против их челобитья в то смутное время за боязнью не смели»[1].

Получило известное удовлетворение и провинциальное дворянство. В дни восстания в Москве оказалось большое число дворян и детей боярских, съехавшихся туда вследствие мобилизации дворянской армии, объявленной в конце апреля в ожидании нападения крымских татар. По предположению П. Смирнова, основанному на общей численности поместной армии, в столицу должно было собраться не менее 10 000 городовых дворян и детей боярских, не считая сопровождавших их вооруженных крестьян и холопов[2]. Как бы ни были условны расчеты о численности этой армии, это во всяком случае была серьезная сила, поведение которой могло оказать решительное влияние на общее положение в столице. Кроме того известие о восстании привлекло в Москву большое число челобитчиков-дворян, подававших жалобы на различные злоупотребления местной администрации и прошения о своих нуждах. Из подсчета дворянских челобитных, произведенного П. Смирновым и С. Бахрушиным, видно, что с начала восстания до 19 июня включительно было подано 11 челобитных, а с 20 июня по конец июля было подано 60 челобитных.

Сообщение Поммеренинга о том, что мелкому провинциальному дворянству были отданы вотчинные земли «казнен-

---

[1] Дополнения к актам историческим, т. 3, № 47. Акты Археографической экспедиции, т. 4, № 32.

[2] *П. Смирнов*, Правительство Б. И. Морозова и восстание в Москве 1648 г.

ных и других больших господ», подтверждается русскими документами, из которых видно, что в июле действительно были розданы в поместья земли П. Траханиотова[1]. Вскоре после ссылки Б. И. Морозова были повидимому удовлетворены и денежные требования дворянства. Наконец, необходимо было успокоить и московских стрельцов, часть которых несомненно участвовала в июньском восстании. Интересные сведения по этому вопросу мы находим у Поммеренинга[2].

Этими мероприятиями правительство по существу лишь укрепляло свою основную классовую базу, консолидируя силы феодального блока. И уже в конце октября вернувшееся к власти морозовское правительство, имея на своей стороне большинство Земского собора в лице дворянства и купечества, перешло в наступление против тех слоев московского населения, которые приняли непосредственное участие в июньском движении. В это время в провинции замирали последние отголоски московского восстания. Выступления в Козлове, Курске, Соли Вычегодской, Устюге Великом и в других городах были подавлены. Оппозиционные настроения мелкопоместного дворянства и средних слоев посадского населения, получивших удовлетворение по важнейшим вопросам, исчезли. Кроме того обострившаяся классовая борьба в городах, в связи с выборами в Земский собор и городскими волнениями, должна была еще больше содействовать развитию лояльных настроений среди мелкого дворянства и средних слоев посадского населения. Перед лицом классового врага — крепостного крестьянства и низших слоев городского населения — стирались внутренние противоречия между феодалами-землевладельцами и крупным купечеством.

Поэтому ближайший период после восстания очень важен для правильной оценки всего движения, роли и участия в нем различных классов и слоев населения. К сожалению, источники этого периода по данному вопросу очень недостаточны. К донесениям Поммеренинга мы можем прибавить два русских документа, небольших по объему, но значительных по содержанию. Это — следственные дела Андрюшки Ларионова и Савинки Корепина. Оба дела издаются полностью впервые.

3

Июньское восстание в Москве не осталось изолированным эпизодом: революционная волна, высоко поднявшаяся в сто-

---

[1] *С. В. Бахрушин*, Московский мятеж 1648 г.
[2] См. также указанные работы С. В. Бахрушина и П. П. Смирнова.

лице, дала ряд более или менее ярких отражений. В течение ближайших месяцев во многих городах произошли новые выступления низших слоев городского населения различной силы и продолжительности, в которых приняли некоторое участие и мелкие служилые люди из состава местных гарнизонов. Каждое из них в зависимости от местных условий получило собственную окраску, при наличии общих явлений, позволяющих рассматривать эти отдельные вспышки как одно целое. Даже простой перечень известных нам городов, которые были захвачены этим движением, показывает, как обширна была территория городских восстаний и волнений; однако мы не можем быть уверены, что знаем о всех случаях открытого проявления классовой борьбы в городах в это время.

Раньше всего откликнулась на московские события южная часть Рязанской области. В Козлове уже 11 июня толпа стрельцов, казаков и других мелких элементов служилого населения и военного гарнизона стала громить лавки торговых людей и избивать их ослопьем. Из Козлова волнение перебросилось в небольшой Челнавский острожек. 26 июня из Воронежа бежал воевода Василий Грязной. В июне же произошли волнения в Талицком. 5 июля вспыхнуло восстание в Курске. В начале августа движение распространилось еще южнее; сохранились сведения о волнениях в Чугуеве. На противоположном конце московской территории, в северном Поморье, первые отклики на московские события последовали в Соли Вычегодской, откуда 22 июня принужден был бежать сборщик податей Ф. Приклонский. 9 июля произошло восстание в Устюге Великом, сопровождавшееся убийством подьячего и разгромом богатых купеческих дворов. Осенью того же года какие-то волнения имели место в Чердыни и у Соли Камской. Некоторое отражение московских событий мы имеем в далекой Сибири — в Нарыме и Томске. В последнем волнения, начавшиеся еще в мае, вспыхнули с новой силой после получения известий о московских событиях.

В южном районе движение охватило города с небольшим посадским населением, но с большими гарнизонами, состоявшими из казаков, стрельцов и детей боярских, которые помимо военной службы вели торговлю и занимались мелким ремеслом.

В Козлове, возникшем только в 1636 г., по переписным книгам 1646 г. насчитывалось всего 3 посадских двора, в которых проживало 11 человек. Помимо них торговлей и ремеслом занимались стрельцы, казаки, гулящие люди, захребетники, церковные бобыли, частновладельческие кре-

стьяне[1]. После волнений 1648 г. правительство отписало часть дворов к посаду, но Козлов и в последующие годы сохранил резко выраженный военный характер. В 1669 г. слобода посадских людей насчитывала 41 двор, тогда как в двух стрелецких слободах, двух слободах полковых казаков, одной пушкарской слободе и одной черкасской слободе было 643 двора[2]. Несмотря на недавнее возникновение и небольшое число посадских дворов, Козлов уже к середине столетия стал значительным торговым пунктом. В нем образовался отпускной рынок сельскохозяйственных продуктов: хлеба, скота, меда, сырых кож. Местная торговля оказалась в руках служилых людей, среди которых происходила быстрая экономическая дифференциация, выделявшая слой зажиточных людей, владевших лавками и занимавшихся относительно крупными торговыми операциями. Иски потерпевших в восстании 1648 г. дают интересный материал для характеристики их имущественного положения: поп Яков предъявил иск на 531 руб., пушкарь Васька Чеботарь — на 403 руб. и т. д. В небольшом соседнем Челнавском острожке при получении известий о возмущении в Козлове был убит стрелец Тимошка Чубулов «за то, что он мир выел». Это показание может служить характеристикой общих мотивов выступления служилой бедноты против разбогатевшей верхушки.

Иной характер носило движение в Курске, восстановленном после разорения в конце XVI в. (1597 г.). Торговые связи последнего были очень обширны, в них участвовали: Москва, Коломна, Калуга, Тула, Белев, Брянск, Рыльск, Севск, Старый Оскол, Воронеж и другие города, в числе которых и далекий от Курска Ярославль. Для южного района, включавшего «польские города», Курск был основным рынком, на котором происходили закупки товаров, поставлявшихся на вывоз в замосковные города. С другой стороны, через Курск шло снабжение южных уездов товарами, привозившимися из центральных районов. Кроме того Курск вел оживленную торговлю с городами Польской Украины. Таким образом в основном торговля Курска носила транзитный характер, что особенно усиливало значение скупочных операций. Более значительное собственное производство Курска ограничивалось железными изделиями; в 1653 г. в

---

[1] *П. Смирнов*, Из истории классовой борьбы в городах Московского государства XVII века («Исторический сборник», изд. Академии наук СССР, т. 3).

[2] ГАФКЭ, Разрядный приказ Денежного стола, кн. № 189, л. 225—228.

нем было 22 кузницы[1]. Курск имел большой для южных городов посад. В 1646 г. в нем было не меньше 200 дворов. По росписи 1650 г. в ведении Стрелецкого приказа находилось 352 двора стрельцов и казаков, а в ведении Разрядного приказа — 63 двора казачьих и ямских. Таким образом и в Курске преобладало мелкое служилое население, принимавшее участие в торговле и в разных городских промыслах[2]. Кроме того около курского посада существовали монастырские слободы Троицкого девичьего монастыря, не участвовавшие в несении посадского тягла и расширявшиеся за счет посадского населения и стрелецких слобод. В 1648 г. стрелецкий голова Константин Теглев выводил в стрельцы монастырских крестьян, что и послужило непосредственным поводом для выступления последних, поддержанного властями монастыря, боровшимися за сохранение привилегированной монастырской слободы.

В северном Поморье волнения произошли в двух городах — Соли Вычегодской и Устюге Великом. Оба города, в особенности Устюг Великий, являлись старыми торговыми центрами, имевшими большое значение не только для Поморья, но и для основной торговой системы страны. Экономическое значение Устюга Великого определялось его положением на скрещении двух важнейших торговых дорог — Архангельской и Сибирской. В самом Устюге Великом и в волостях производилась закупка товаров для отправки в Сибирь и в Архангельск. Сюда же подвозились товары из Вологды, Ярославля, Костромы, Казани и других городов. Часть из них распродавалась на месте, но бóльшая часть следовала дальше, в северном или восточном направлении. Из Сибири крупными и мелкими партиями привозилась пушнина, из Архангельска — западноевропейские, английские и голландские товары, через Казань поступали персидские шелковые ткани и восточные пряности.

Устюжский посад к середине XVII в. был одним из самых больших посадов страны. По переписной книге 1646—1647 гг. он имел 744 двора (посадских и вдовьих). В 1640 г. в нем насчитывалось 223 лавки и амбара. Выгодное экономическое и географическое положение Устюга Великого создало очень благоприятные условия для развития торговли как в самом городе, так и среди крестьян Устюжского и соседнего Усольского уездов. В городе и в уездах возникло

---

[1] Данные о торговле Курска находятся в таможенных книгах этого города за соответствующие годы, находящихся в фонде Разрядного приказа Денежного стола (ГАФКЭ).

[2] *П. Смирнов,* Города Московского государства в первой половине XVII в.

множество мелких промыслов, обслуживавших приезжее население, а также потребности сибирского и архангельского рынков. Из среды посадских людей и черносошных крестьян выделялся слой крупных скупщиков, экспортеров и участников далеких сибирских экспедиций за пушниной. Это — Босовы, Федотовы, Ревякины, Усовы и др. Владея значительными капиталами, они помимо торговли вкладывали большие средства в ростовщические операции и скупали земли в уездах, обращая крестьян в своих половников. В городе и уезде было много «должных» и закабаленных людей, обслуживавших своим трудом крупные купеческие предприятия, широко раскинувшие торговые связи на огромной территории. В то же время положение основной крестьянской массы и низших слоев посадского населения было очень тяжелым, о чем свидетельствуют быстрый рост пустых брошенных участков, уход населения со своих мест, общее обнищание и рост недоимок по всем государственным налогам. Хотя в рассматриваемом районе не было частного светского землевладения, а монастырское землевладение не получило большого развития, крестьяне, разоряясь, попадали в экономическую зависимость от крупных торговых людей, причем самая эта зависимость приобретала обычные феодальные формы. Нужно также указать на большую связь между посадским и крестьянским населением, обусловленную развитием крестьянской домашней промышленности и значением для нее городского рынка. Поэтому в восстании в Устюге Великом приняли активное участие наряду с мелкими городскими ремесленниками крестьяне подгородных волостей.

Во многих городах во время розыска была установлена непосредственная связь с восстанием в столице. В Козлове инициаторами выступления были казаки и стрельцы местного гарнизона, приехавшие из Москвы. В Курске во главе восставших стоял монастырский крестьянин Кузьма Воденицын, побывавший в Москве и вернувшийся в Курск накануне восстания. 5 июля он призывал итти убить стрелецкого голову: «Пойдемте-де убьем Костентина Теглева. На Москве-де и лутчи его побивают». В Соли Вычегодской 21 июня на двор к Ф. Приклонскому, собиравшему деньги на жалованье ратным людям, пришел площадной дьячок и сказал, будто в Москве государевых бояр и служилых людей «всех посекли». После этого по крику дьячка толпа осадила Ф. Приклонского и воеводу, затворившихся в своих дворах, и стерегла их всю ночь. В Устюге Великом накануне восстания распространился слух, что вернувшийся из Москвы устюжанин Ф. Печацын привез с собою какую-то царскую

грамоту. На следующий день, 9 июля, один из активных участников восстания, дьячок Игнашка Юхлаков, носил сложенную бумагу и кричал: «Пришла государева грамота с Москвы, а велено-де на Устюге по той государевой грамоте семнадцать дворов грабить». При известиях о начавшемся возмущении крупные торговые люди и агенты местной администрации поспешили укрыться в окрестностях города. Подьячий Томила Арсеньев, убежавший в лес, объяснял свой страх тем, что он слышал, что в Москве «учинилось смятение черных людей». Осенью того же года в Чердыни и Соли Камской была попытка разграбить и побить лучших посадских людей, «слыша про московскую смуту». Те же известия о московском восстании доходят до далекого Нарыма и Томского острога, вызывая и там ответное движение.

Особое впечатление повидимому производили рассказы об успехе московского восстания, о погроме боярских и купеческих дворов, о том, что сам царь выходил говорить с народом, что «сильных людей выводят из царства», об убийстве и ссылке сильных, влиятельных лиц, с именами которых было связано представление о тягости, наложенной на народ, наконец о безнаказанности участников московского восстания.

В Курске крестьянин Кузьма Воденицын, рассказывая про московские события и что̀ при нем «учинилось» с боярином Б. И. Морозовым и П. Траханиотовым, при этом прибавил, что они лучше убитого в Курске стрелецкого головы К. Теглева — «и тому-де сыску не было».

Таким образом участники городских выступлений — мелкие посадские люди, крестьяне, стрельцы — не только сами сознавали непосредственную связь местных событий со столичным восстанием, но и представляли их как движение, направленное к одной общей цели — к уничтожению «сильных людей», бояр и купцов, от которых пропадал «мир». При наличии этой общей идеи каждое выступление носило свой местный отпечаток. В Курске злобой дня были сыск и перевод монастырских крестьян в стрельцы; в Соли Вычегодской — злоупотребления присланных из Москвы сборщиков налогов; в Устюге Великом — жестокое выколачивание недоимок и взяточничество местной воеводской администрации. Но за всеми этими конкретными поводами скрывалось общее глубокое основание — материальное разорение низших слоев городского населения под бременем двойной эксплоатации: со стороны феодально-крепостного государства и со стороны крупного купечества. Поэтому, как и в Москве, это движение носило антифеодальный характер.

Источники городских восстаний и волнений в провинции существенно отличаются по своему характеру от источников июньского восстания в Москве. Во втором случае, как мы видели, основное место занимают исторические воспоминания современников и летописные записи. В провинции каждое выступление посадских людей сопровождалось розыском о виновных и участниках. Донесения местной власти, показания арестованных и свидетелей, часто дававшиеся под пытками, перекрестный допрос на очных ставках — вот основной материал, на котором построены наши знания об участии провинции в городских восстаниях в 1648 г. Этому материалу нельзя отказать в большой непосредственности и свежести. Данные следственного дела представляют полную возможность восстановить фактическую историю событий. Поименные перечисления обвиняемых содержат нужные сведения об их социальном положении. Списки пострадавших дают исчерпывающий ответ на вопрос, против кого было направлено каждое городское выступление. Вместе с тем следственный материал требует своих приемов исследования, целью которого ставится наиболее полное познание всей совокупности фактов городского восстания с точки зрения его классового содержания.

В настоящем сборнике мы публикуем источники по городским восстаниям и волнениям в 1648 г. в трех провинциальных городах — Козлове, Курске и Устюге Великом. В методическом отношении этот материал удобен для самостоятельного изучения. Вместе с тем он позволяет изучать городские восстания 1648 г. в наиболее интересных случаях, как в отношении форм и значительности, так и в отношении влияния местных условий, придававших каждому городскому восстанию особый характер.

Материалом для истории восстания в Козлове является часть следственного дела, опубликованного А. Н. Зерцаловым в 1896 г. («К истории мятежа 1648 года в Москве и других городах»). Мы помещаем все основные челобитные потерпевших и выписки по очным ставкам. Сравнение напечатанного А. Н. Зерцаловым текста с подлинниками, хранящимися в Государственном архиве феодально-крепостной эпохи (Разрядный приказ, Приказный стол, столбец № 268), показало, что хотя А. Н. Зерцалов отступал от точной транскрипции подлинника, но эти отступления не имеют существенного значения.

Для истории восстания в Курске взята из сохранившегося следственного дела «перечневая выпись из допросных речей», содержащая в несколько сокращенном пересказе показания, данные на следствии, и приговор.

Из обширных материалов восстания в Устюге Великом нами публикуются наиболее типичные и интересные показания представителей различных категорий устюжского населения и статейный список сыскного дела стольника И. Г. Ромодановского.

Материалы по восстаниям в Курске и Устюге Великом заимствованы из подготовленного к печати сборника «Материалы по городским волнениям в 1648 г.» Историко-археографического института Академии наук СССР (подготовлен к изданию А. Н. Сперанским). Приносим благодарность Историко-археографическому институту Академии наук СССР за разрешение воспользоваться материалами названного сборника.

К. В. Базилевич

Пояснения, необходимые для понимания текста, даны в виде примечаний под текстом. В конце приложены объяснительный словарь терминов и именной указатель; в последний включены только те встречающиеся в тексте имена и фамилии, которые требуют особых пояснений. Там же дан список основной литературы.

ДОКУМЕНТЫ

1. Донесения шведского резидента в Москве Поммеренинга

Из донесения королеве Христине от 6 июля 1648 г.

Но когда великий князь 1-го июня прибыл из Троицкого похода в Москву, простой народ стал жаловаться, как и прежде часто это делал, на неправды и насилия, какия над ним учиняются, как показывает прилагаемое при сем прошение[1]. И так как его царское в-ство не хотел сам принять прошение, а простолюдинов стали бить кнутами, то они начали бросать каменья и попали во многих знатных бояр; 15 или 16 простолюдинов, которые последовали с прошением в Кремль (за царем), были брошены в башню. 2-го июня, когда его царск. в-ство проходил с крестом через город, как того требовал их (русских) праздник[2], простой народ опять последовал (за ним), прося выдачи своих арестованных (которых они и получили тотчас), а также тех, которые у них (простолюдинов) высасывают кровь и безвинно их мучат. Тогда ни (увещания) патриарха, ни собственныя слова его царск. в-ства не могли усмирить волнения; а так как слуги Морозова били при этом некоторых стрельцов за то, что они впустили так много народу в Кремль, то (стрельцы) ответили, что они (признают) только одного его царск. в-ство и никакого иного любимца не имеют, сражаться за бояр против простого народа они не хотят, но (готовы) вместе с ним избавить себя от их (бояр) насилий и неправд, и затем пошли, в присутствии его царск. в-ства, и стали опустошать и разо-

[1] Русский обратный перевод со шведского перевода с челобитья, посланного при этом донесении королеве Христине, помещен в настоящем сборнике на стр. 46—52.

[2] Имеется в виду крестный ход из Кремля в Сретенский монастырь, который ежегодно происходил 21 мая, но в 1648 г. вследствие отсутствия царя, отправившегося еще 17 мая в Троице-сергиевский монастырь, был перенесен на 2 июня. Крестный ход с владимирской иконой был установлен в 1514 г. (П. С. Р. Л., т. 6, стр. 254).

рять дом Бориса Морозова, находящийся в Кремле; оттуда (пошли) к дому канцлера Назария[1], который после многих издевательств, больной сброшен был вниз и убит; он лежал (потом) долго голый на навозной куче. Таким образом продолжали разорять дома вышеозначенных лиц, пока огонь 3-го числа не распространился повсюду. Хотя Леонтий Стефанович Плещеев, начальник Земского приказа, 3-го июня между двумя палачами выведен был из Кремля к месту казни, простой народ однакоже (сам) убил его немедленно, как только он вышел из Кремля на площадь, где затем с ним (т. е. его трупом) жестоко поступали, и наконец одним монахом (когда огонь стал распространяться внутри Красной стены близко к Кремлю) он брошен был в огонь в той надежде, что огонь вследствие этого потухнет, что и произошло в том месте: дело в том, что, тотчас после того как Плещеев был убит, слуги Морозова подожгли город во многих различных местах, так что в течение нескольких часов истреблено было огнем более половины города внутри Белой стены и около половины той части города, которая находится вне стены. Но так как Плещеев перед своей смертью заявил, что Морозов и Траханиотов приказывали ему совершать такия неправды и извлекали из них выгоду, а труд приходился на его долю, то ни огонь, ни смерть не могли успокоить их (т. е. простолюдинов, чернь) и они стали настойчиво требовать выдачи Морозова. Его царск. в-ство, говорят, просил их лучше убить его, чем Морозова, который столь долгое время был наставником его царск. в-ства и теперь притом шурин его.

Наконец вышли патриарх, Никита Иванович Романов, которого простой народ очень любит, и князь Димитрий Мамстрюкович[2] из ворот Кремля на одно круглое возвышение, где делаются разные объявления от его царск. в-ства[3]. Тогда народ согласился на то, что Морозов может сохранить жизнь, если его царск. в-ству, согласно своему обещанию, угодно будет отослать его так далеко, чтобы он никогда не возвращался и не допускался ни к каким правительственным делам. 5-го числа того же месяца отрублена была голова родственнику или шурину Морозова, Петру Тихоновичу Траханиотову, начальнику над артиллерией. Голова его лежала целый день на его груди для зрелища. Его царск. в-ство приказал тотчас выдать всем стрельцам то, что у них было удержано, а именно, каждому

---

[1] Дьяк Посольского приказа Назарий Чистый.
[2] Кн. Дмитрий Мамстрюкович Черкасский.
[3] «Лобное место» на Красной площади, против церкви Василия Блаженного.

по 8 рублей; показал также вид, что Морозов будет выслан. Но так как великая княгиня 6-го июня склонила свою голову перед посланными от простонародья и подарила им много соболей, то они согласились на то, чтобы Морозов остался в Москве, если народ хочет; за это они скоро были побиты камнями. Но так как Морозов отказался выдать детям боярским (которые в большом количестве прибыли из деревень требовать свое жалованье) то, что им обещано было его царск. в-ством, выставляя в виде возражения, что стрельцы уже слишком много получили из казны его царск. в-ства, а также велел возобновить свой дом и, как говорят, стал ходить в думу, — поэтому князь Яков Куденетович[1], назначенный на его место, не захотел принимать челобитных, а направлял их к Морозову; Романов[2] же, который вследствие этого пожара, как говорят, потерял имущества ценностью во много бочек золота, заболел и не приходил во дворец, а сверх того его царск. в-ство узнал, о чем боярския дети совещаются с простым народом, — то он велел поэтому 11-го июня позвать стрельцов с их ружьями во дворец и 12-го числа того же месяца рано утром, в первом часу, Морозов был отослан под сильным конвоем в Кирилловский монастырь на Белом озере. После его отъезда боярские дети получили свои наследственныя имения, которыми владели до того эти казненные и другие большие господа; кроме того, его царск. в-ство дал им в виде вознаграждения, — одним по 14, другим по 20 рублей. Большие господа, управлявшие во время Морозова, распределяются (теперь) там и сям в стране по воеводствам и другим должностям[3]. После того как Григорий Гаврилович Пушкин также выслан (из Москвы), мушкетный завод в запустении; железный завод в Туле тоже некоторое время стоит без дела, и шведские кузнецы несколько месяцев проживают здесь[4]. Русские охотно же-

---

[1] Кн. Яков Куденетович Черкасский.

[2] Дядя царя Никита Иванович Романов.

[3] После ссылки Б. И. Морозова произошла почти полная смена судей (начальников) московских приказов. Должности, занимавшиеся Б. И. Морозовым (приказы Большой казны, Стрелецкий и Иноземный), перешли к кн. Я. К. Черкасскому. Подробности см. у С. В. Бахрушина («Московский мятеж 1648 г.», стр. 734—735) и П. П. Смирнова («Правительство Б. И. Морозова и восстание в Москве 1648 г.», стр. 56—57).

[4] Тульский железоделательный завод Марселиса и Акемы выполнял большие казенные заказы. Поммеренинг имеет в виду прекращение заказов на оружие в связи с волнениями в столице и с изменениями в руководстве Пушкарского приказа. О тульском заводе см. «Крепостная мануфактура в России», часть I «Тульские и каширские железные заводы» (изд. Академии наук СССР, 1930 г.).

лали бы сбросить с себя всякое бремя и возвратить свою старую свободу; потому и обещано простому народу, что у него спросят совета, когда будут обсуждаться дела, касающияся всей земли[1]. Между этими новыми господами происходят разные споры; 18-го июня...[2] 27-го июня боярские холопы просили о том, чтоб им дана была свобода, но 3-го июля 6 из них были обезглавлены и 72 еще находятся под стражею. В виду таких волнений голландский посол, имевший первую свою конференцию 4-го июля, полагает, что получит много; однакоже русские купцы хлопочут о том, чтобы голландцев совсем (удалить) из Москвы; что из этого выйдет, покажет время[3].

Из донесения королеве Христине от 6 августа 1648 г.

После того я с 1-го июня, когда здесь начался мятеж, должен был откладывать писание донесений до 6-го июля как потому, что письма мои, помеченные 6-м апреля, были задержаны, так и в особенности потому, что никто (как я мог убедиться на опыте), вследствие полного отсутствия безопасности, не осмеливался ехать. 6-го июля я в донесении, отправленном в конверте на имя г. секретаря Иогана Сёльвершерна от 16-го июля, всеподданнейше изложил то, что происходило с 1-го июня по 16-е июля. А именно: простой народ давно уже жаловался на Леонтия Стефановича Плещеева, судью над московскими жителями, за то, что он подучал арестантов и мошенников взводить какия нибудь преступления (которых, Боже помилуй, и без того слишком много происходит) на честных и богатых людей и таким образом мог присуждать тем (т. е. первым) деньги

---

[1] Намек на созыв Земского собора. О созыве Собора была подана 10 июня челобитная от имени столичного и провинциального дворянства, иноземцев и торговых людей (*П. Смирнов,* Несколько документов к истории Соборного уложения и Земского собора 1648—1649 гг.; *его же*, О начале Уложения и Земского собора 1648—1649 гг.).

[2] В подлиннике следует несколько строк, написанных шифром.

[3] Русское крупное купечество, стремясь монопольно эксплоатировать внутренний рынок, неоднократно выступало с коллективными заявлениями о высылке из внутренних русских городов иностранных купцов (англичан, голландцев и др.). Особенно настойчиво купечество потребовало этого в 1648 г. Соответствующие заявления были сделаны на Земском соборе и поддержаны дворянством. Однако в 1649 г. удалось добиться высылки одних англичан, так как правительство не решилось на обострение отношений с Голландией. В Англии в это время происходила революция. В качестве официальной причины запрещения англичанам торговать внутри Московского государства была выставлена казнь Карла I (*К. В. Базилевич,* Борьба за русский рынок и коллективные челобитья купечества в первой половине XVII в., «Известия Академии наук СССР», ООН, 1932 г., № 2).

их (обвиненных), а также и за прочее подобное, как ваше кор. в-ство могли видеть из прошения[1]. Но так как его царск. в-ство не хотел принять его и должным образом наказать Плещеева, который находился под защитой Морозова, то дело дошло до такого восстания, что простой народ и стрельцы 2-го июня опустошили и разграбили дом Морозова, находящийся в Кремле, канцлера Назария убили; дом его, а также дома многих больших бояр из этой партии разграбили; наконец, когда Плещеев, выхваченный из рук палачей, был подвергнут ими (т. е. народом) ужасным мучениям и убит, город, подожженный во многих местах слугами Морозова (как сознались те, которые захвачены были на самом месте преступления), наполовину сгорел. Петр Траханиотов, начальник артиллерии, 4-го июня обезглавлен. Борис Иванович Морозов 12-го июня отослан в Кириллов монастырь. Боярские холопы 27-го июня просили о своем освобождении, и 3-го июля очень рано 6 из них были обезглавлены. Приверженцы Морозова сосланы в Рязань, а он ищет покровительства у великой княгини (т. е. царицы). После того здесь было тихо, и работали (т. е. сторонники Морозова) над тем, чтобы Морозов мог возвратиться в Москву; многие полагают, что он в Москве, как доказывает прилагаемое при сем письмо[2] и прочее, однакоже все спокойно.

Из донесения королеве Христине от 19 сентября 1648 г.

Морозов и его сторонники, так же как и их противники, хлопочут и вооружаются друг против друга всевозможными способами. Получит ли английский гонец хлеб по письму своего короля или нет — об этом ничего еще неизвестно[3]. Здесь, слава Богу, все тихо и в добром спокойствии. Однакоже многие бегут и переселяются из Москвы, после того как его царск. в-ство тайно роздал мушкеты боярам по их дворам, так как простой народ и дворяне хотят устранить партию Морозова и избавиться от новых налогов и уставов, а также хотят возвращения своих собратьев, которые, вопреки обещанию его царск. в-ства, сосланы за то, что участвовали в бывшем мятеже, хотя им приписывается продажа табаку, водки и прочее.

---

[1] Разумеется шведский перевод челобитной, приложенный к донесению от 6 июля 1648 г. См. настоящий сборник, стр. 46.

[2] Письма при донесении не оказалось.

[3] В донесении от 4 сентября Поммеренинг сообщил, что «сюда ожидается и английский посол». Уполномоченные Карла I, прибывшие в Москву незадолго до низложения английского короля, просили разрешения закупить в России хлеб.

Из донесения королеве Христине от 4 октября 1648 г.

Я всеподданнейше доносил вашему кор. в-ству от 19 сентября, что татарин потребовал тройной дани, но получил лишь столько, сколько и прежде[1]; что английский гонец просил хлеба, но еще ничего не получил; что великий князь ездил к Морозову, но в течение тех нескольких дней, пока его царск. в-ство там был, они (т. е. партия, противная Морозову) просили через одного человека из дворян о том, чтобы их прошения принимал его царск. в-ство или князь Яков[2] (который в эти дни притворился больным), а не приверженцы Морозова. Они хотят также, чтобы были возвращены их близкие или многие стрельцы и простолюдины, которые за учиненный ими мятеж сосланы под тем предлогом, что играли в карты или зернь или продавали табак и водку. Тестя же великого князя они хотят (удалить) прочь, потому что он ввел новыя пошлины и другия установления из Голландии[3]. Григория Гавриловича Пушкина (хотят они удалить) за то, что он обременял их дорогими локтями и весом[4], о чем раньше уже писано, и мушкетным делом, которое теперь однакоже заброшено. (Хотят они также удалить) князя Алексея Михайловича и Львова[5], Трубецкого и многих из приверженцев Морозова. Поэтому князь Яков уехал 23-го числа ночью из Москвы к великому князю и сопровождал его царск. в-ство 24-го числа к Троице, где стрелецкие приказы угощаемы были водкой в доме князя Якова во второй раз. Итак, народ каждый день бежит и переселяется из Москвы, как из тюрьмы, после того как Морозов, как говорят, побывал у великого князя у Троицы и его царск. в-ство прежде своего отъезда (из Москвы к Троице)

---

[1] В Крым посылались «поминки», состоявшие из шкурок соболей, лисиц, куниц, белок, а также одежды, подбитой и украшенной дорогими мехами, имевшие целью предотвратить набеги татар на южные районы Московского государства. Крымский хан рассматривал эти «поминки» как обязательную дань, платимую русским царем.

[2] Кн. Яков Куденетович Черкасский.

[3] Тестем царя был И. Д. Милославский, на дочери которого был женат Алексей Михайлович. О пошлинах и налогах, введенных в начале царствования Алексея Михайловича, см. вводную статью к настоящему сборнику материалов.

[4] Имеются в виду казенные клейменые аршины и новые весы, которые торговые люди должны были приобретать за высокую цену. Проведение этой меры приписывается боярину Григорию Гавриловичу Пушкину.

[5] Повидимому следует читать не «князя Алексея Михайловича и Львова», как перевел К. Якубов, а «князя Алексея Михайловича Лызова» (Elewoff).

роздал мушкеты по боярским дворам. Но холопы не хотят сражаться за них (т. е. за бояр), а против них, вследствие того, что их (холопов) собратья 3-го июля казнены отсечением головы. Его царск. в-ство обещал стрельцам улучшение; но чью сторону они будут держать, еще неизвестно, в виду того, что они осмеливаются так дерзко выступать против его царск. в-ства, указывая как на то, что его царск. в-ство, вопреки обещанию и крестному целованию, сослал их выдающихся людей, так и на прочее. Морозов, который, как говорят, был в Ярославле и других городах, чтобы склонить их на свою сторону, велел сооружить укрепления и собирать народ (т. е. войско) из своего имения Городец. Но так как его царск. в-ство один без великой княгини 30-го сентября прибыл в Москву и 2-го октября обещал, что желает сделать то, о чем просит простой народ, то поэтому теперь — перемирие до Рождества, когда народ со всей Белой России соберется в Москву и простолюдины станут сильнее. Между тем его царск. в-ство ежедневно работает сам со своими (т. е. сотрудниками) над тем, чтобы устроить хорошие порядки, дабы народ, насколько возможно, был удовлетворен[1].

Из донесения королеве Христине от 18 октября 1648 г.

19-го сентября и 4-го октября в конверте на имя Адольфа Эберса вашему кор. в-ству было всеподданнейше обстоятельно донесено, почему народ, в то время, когда его царск. в-ство находился у Троицы, бежал и переселялся из Москвы. Некоторые знатные люди положились на Бога и ваше кор. в-ство и дали свезти свое лучшее имущество на двор вашего кор. в-ства. В окрестностях на дачах они оставили свои крепкия каменныя палаты и последовали в одну аркаду под охрану состоящих при мне мушкетеров вашего кор. в-ства и 5 стрельцов великого князя, стоящих на карауле у двора вашего корол. в-ства со 2-го июня, так же (сделали) шведы и голландцы... Здесь работают все еще прилежно над тем, чтобы простолюдины и прочие удовлетворены были хорошими законами и свободою[2].

---

[1] Сроком съезда выборных на Земский собор было назначено 1 сентября 1648 г. До этого времени работала комиссия кн. Н. И. Одоевского, подготовлявшая материалы для нового Судебника. 3 октября состоялось заседание Боярской думы и Освященного собора вместе с собравшимися в Москву выборными членами Земского собора, на котором были заслушаны материалы, подготовленные комиссией кн. Н. И. Одоевского.

[2] Имеется в виду работа комиссии кн. Н. И. Одоевского и Земского собора.

Патриарх обещал каждому стрельцу, который подпишет (т. е. прошение) о том, чтобы Морозов приехал в Москву, 4 рубля. Он желает (патриарх) очень, чтобы иностранцев совсем отсюда (т. е. из Москвы) выжить.

Из донесения королеве Христине от 31 октября 1648 г.

И после того как Борис Иванович Морозов 26-го октября возвратился в Москву и в тот же день вел его царск. в-ство за правую руку в церковь — здесь добрый мир и спокойствие; дай Бог, чтоб такое согласие (единодушие) продолжалось подольше. Стремянные и некоторые другие стрельцы и лишь некоторые из народа согласились на то, чтобы Морозов опять вернулся ко двору. Великий князь обещал каждому стрельцу по 10 рублей, а патриарх каждому по 4 рубля.

Романов[1] болен, князь Яков[2] опять угощает стрельцов.

Из донесения королеве Христине от 14 ноября 1648 г.

1-го ноября Илья Данилович назначен на место князя Якова, после того, как князь Яков[2] в присутствии великого князя 31-го октября весьма резко поспорил с Морозовым и другими и самовольно (беспорядочно) без позволения его царск. в-ства ушел из-за стола и из дворца. Когда же он освобожден был из-под ареста и стражи его царского в-ства, то он не захотел итти на верх (т. е. во дворец), хотя его царское в-ство несколько раз посылал за ним, а говорит, что ему нечего там делать; он не хочет также уезжать из Москвы на воеводство в Астрахань, а желает сперва узнать, в чем он виноват.

Из донесения королеве Христине от 29 ноября 1648 г.

Вашему королевскому в-ству всеподданнейше донесено было от 14-го ноября, почему смещен князь Яков 1-го ноября. Но Илья Данилович следует однако же его мнению и совету вопреки патриарху в том, что иностранные офицеры должны оставаться и их следует жаловать, а здоровые молодые монахи и монахини должны работать, крестьяне же должны быть разделены между солдатами и

---

[1] Боярин Н. И. Романов.
[2] Кн. Я. К. Черкасский.

детьми боярскими, которые ожидаются сюда с первым санным путем.

Из донесения королеве Христине от 7 декабря 1648 г.

Вашему королевскому в-ству всеподданнейше донесено было от 14-го и 29-го ноября, почему смещен был князь Яков и как ведет себя Илья Данилович; с того времени здесь все было тихо. Воспрещено воеводам и детям боярским приезжать в Москву (за жалованьем), как было в обычае (т. е. раньше), а будут они получать свои деньги или жалованье дома и следовательно сберегать свои путевые издержки.

Из донесения королеве Христине от 30 декабря 1648 г.

Когда его царск. в-ство пожелал взять (под свое ведение) крестьян на несколько верст под Москвою, так как они издавна подчинялись Москве и слуги бояр ходят там и грабят по дорогам и тропинкам — то это (т. е. подчинение крестьян подмосковных царю) другие (т. е. бояре) переносят охотно в виду того, что Романов[1], князь Яков[2], Мамстрюкович[3] (который не ходит в думу) очень хотят этого; они теряют многое (из того), что имеют там; его царск. в-ство хочет также взять их купцов под свое тягло и простолюдинов, которые свободно под их защитою жили и торговали[4]. Поэтому много дурного слышно от них (закладчиков. — *К. Б.*) и от стрельцов (хотя последние вместо прежняго своего годового жалованья в 4 или 5 руб. теперь недавно получили от его царск. в-ства 25 руб., а некоторые полагают и более).

---

[1] Боярин Н. И. Романов.
[2] Кн. Я. К. Черкасский.
[3] Кн. Д. М. Черкасский.
[4] Одним из важнейших вопросов, разбиравшихся на Земском соборе 1648—1649 гг., был вопрос о посадских людях, отдавшихся под покровительство крупных бояр и монастырей и вышедших благодаря этому из посадского тягла (закладчики). Их дворы поэтому считались «белыми» в противоположность «черным», тянувшим государево тягло. Большим количеством белых дворов в городах обладали Н. И. Романов и князья Черкасские. Под самой Москвой у Н. И. Романова были слободы Бутырки и Измайлово, а у кн. Я. К. Черкасского — Останкино и Марьина роща. По решению Земского собора белые слободы уничтожались и закладчики и беломестцы подлежали возвращению на старые тяглые места (Соборное уложение, глава XIX).

Из донесения королеве Христине от 26 января 1649 г.

Когда 6-го января Морозов вел великого князя на московскую Иордань[1], то все стрельцы, как слышно, говорили, что они тогда хотели убить Морозова; поэтому он очень расстроен; однакоже он не хотел взводить никаких обвинений на князя Якова. Трое из слуг Романова недавно были биты кнутом за то, что они, как говорят, спустили собак на стрельцов великого князя, когда те охотились в имении Романова Пушкине[2], и великий князь берет его (т. е. имение) на себя, так как в новом Уложении будто бы постановлено, что на расстоянии двух верст от Москвы никто не должен жить (т. е. владеть поместьем), но, по старому обычаю, должны (т. е. все эти местности) принадлежать Москве[3]. В эти дни много народу подверглось жестоким пыткам, умирают у Морозова, Ильи Даниловича, Пушкина; (кроме них) присутствовали еще только до 14 и 17 больших бояр; они желали расследовать, какая была причина смятения. Но на Романова и князя Якова они (подвергшиеся пыткам?) не хотели взводить обвинений. Так как стрельцы не пользуются доверием, то Букгофен под (верховным) начальством Ильи Даниловича, который очень полагается на голландцев, будет командовать пятью тысячами человек, в качестве отряда телохранителей великого князя (гвардейского полка); на такое хорошее распоряжение бояре смотрят с неудовольствием.

Из донесения королеве Христине от 9 февраля 1649 г.

29-го января здесь у двоих отрубили головы и еще у двоих человек вырезали язык изо рта за то, что будто бы сказали, что скоро будет еще более сильный бунт, чем какой был прошлым летом. Но, хвала Богу, здесь со всех сторон добрый мир и спокойствие. Романов несколько раз был у великого князя; говорят, что он не хочет или не может подписать их новое уложение, так как он не присутствовал в думе[4].

---

[1] Праздник водосвятия 6 января, во время которого в присутствии царя и патриарха совершался крестный ход на Москва-реку.

[2] Подмосковное село Пушкино, принадлежавшее Романовым.

[3] Соборное уложение 1649 г., гл. XIX. «А выгону быти около Москвы на все стороны от Земляного города, ото рву по две версты, а отмерити те выгоны новою саженью, которая сажень по государеву указу зъделана в три аршина, а в версте учинити по тысячи сажень».

[4] Среди подписей под Соборным уложением 1649 г. нет подписи Н. И. Романова.

Из донесения королеве Христине от 9 марта 1649 г.

Морозову все еще угрожают ежедневно. Здесь все еще, хвала Богу, тихо и спокойно.

Из донесения королеве Христине от 5 апреля 1649 г.

Говорят, что великий князь велел карелов или перебежчиков приискать и собрать к полковникам на шведской границе, — для какой цели, я не знаю. На Пасхе князь Яков[1] был у великого князя, но не хотел письменно попросить прощения. 3-го марта высечено 35 человек, которые будто бы говорили о мятеже.

Из донесения королеве Христине от 18 апреля 1649 г.

Вашему кор. в-ству всеподданнейше донесено было от 5-го апреля, что карелы будут отправлены отсюда к Олонцу и что много людей в то время было высечено, теперь же опять сослано в Сибирь несколько сот стрельцов по незначительным причинам или без всяких причин, почему народ очень ропщет, что на их место будет навербована тысяча всадников[2], из которых двести будут содержать крестьяне, а 20 горожан будут содержать по одному солдату, которых будет навербовано 2 400, для того чтобы составить из них гвардию великого князя и употреблять против татар, которые еще не приняли дани от великого князя. Однако же Морозов назначил несколько офицеров, которые, когда услышат, что кто-нибудь будет угрожать Морозову или говорить дурно о нем, должны тех людей заключать под стражу. Тем не менее волнение не утихает и многие убегают прочь (т. е. из Москвы) от страху.

Из донесения королеве Христине от 4 мая 1649 г.

Простой народ говорит, что Морозов ищет войны, для того чтобы быть в безопасности и можно бы было мучить их; ибо русские очень боятся вашего кор. в-ства.

К. Якубов, Россия и Швеция в первой половине XVII в., Москва, 1897 г. Донесения Поммеренинга напечатаны на стр. 407—474.

---

[1] Кн. Я. К. Черкасский.

[2] В донесении от 4 мая 1649 г. говорится о 6 000 всадников и 2 400 мушкетеров.

2. Челобитная, поданная царю Алексею Михайловичу 2 июня 1648 г.

Перевод челобитной простого народа в России, поданной великому князю 2 июня 1648 г.

Тебе, великому государю, царю и великому князю Алексею Михайловичу всея Руси, представляем мы все от всяких чинов людей и всего простого народа с плачем и кровавыми слезами униженную челобитную[1].

Как мы, бедные подданные, в разные времена покойному отцу твоего царского величества великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси били челом[2], так мы и теперь твоему царскому величеству со многими кровавыми слезами челом бьем, что твои властолюбивые нарушители крестного целования, простого народа мучители и кровопийцы и наши губители, всей страны властвующие, нас всеми способами мучат, насилья и неправды чинят. Но подобно тому, как отец твой, блаженной памяти великий государь царь и великий князь Михаил Федорович всея Руси, и твое царское величество своей строгой, но милостивою рукою настолько хотел помочь, что твое царское величество из нас, всяких чинов людей, перед собою (поставил) и в особенности наши жалобы принял и просмотрел; и твой, государь, блаженной памяти отец, а после его смерти ты ради этого решил и указал, чтобы твоего царского величества ближний советник, покойный князь Иван Борисович Черкасский, равно как тот, который тебе был самым ближним и знатнейшим из Совета, Федор Иванович Шереметев, и Борис Иванович Морозов, оба из Совета, (то) дело должны взять, его тщательно разсмотреть и исследовать, какие те власть имущие над простым народом и твоего царскаго величества подданными мошейничества и преступления учиняли и как они, льстясь на посулы, взятки и дары, нас вконец разоряют и величайшия насилья и неправды чинят, чтобы

---

[1] Обращение к царю в начале челобитной было дано в шведском переводе в сокращении и недостаточно точно. Например выражение «всего простого народа» не могло быть в русском подлиннике, так как оно не было свойственно русской речи XVII в.

[2] Нам известно, что в царствование Михаила Феодоровича подавались коллективные челобитные дворянством и купечеством. Так как купеческие челобитные касались специальных вопросов торговли и прав иностранных купцов, которых в данной челобитной не имеется, то вероятнее отнести указание о прежних челобитных к челобитным провинциального дворянства 1637, 1641, 1645 гг. См. *П. Смирнов*, Челобитные дворян и детей боярских всех городов в первой половине XVII века.

верховную власть осмеять и оболгать. Так как теперь эти комиссары помощью этого обыска обо всем у простого народа обыскали вправду, и по твоего царского величества указу должны были все так доложить перед твоим царским величеством; но это было скрыто и смягчено, и таким образом многое не было приведено в исполнение, так как они не меньше, чем другие, были участниками в этом безобразии, не признавая одно зло за другим, пока не оказалось, будто бы это совершается на царского величества пользу и благо, когда они и многие с ними также получают свое полное жалованье и содержание, а великаго князя казну и доходы уменьшают[1]; да сверх того и нас, бедных подданных, вышеупомянутые ныне пуще прежняго грабят, мучат и на правеже бьют каждаго, кто их власти подчинен, и следует предположить, если это не происходит от подкупов, то происходит все же с помощью известного обложения, из которого они могут собирать себе груды сокровищ и строить дома, которые их чину не подобают: и во времена прежних великих князей в обычае (того) не бывало, как это теперь у дьяков, подъячих и у иных многих происходит[2]. Также и потому, что мы принесли твоему царскому величеству такую законную жалобу, стараются те вышеупомянутые приказные, власть имущие и канцеляристы с величайшей хитростью и лукавством нас подавлять, притеснять и погубить, чтобы, прежде чем это надлежаще дойдет до ушей твоего царского величества, оно было забыто. Ныне мы, верные твои холопи и бедные сироты, о таких тяготах так часто тебя

---

[1] Имеется в виду какая-то комиссия для расследования злоупотреблений, образованная в конце царствования Михаила Феодоровича и продолжавшая работу в начале нового царствования. В нее вошли Ф. И. Шереметев и Б. И. Морозов. По существу это было ревизией действий Ф. И. Шереметева, стоявшего во главе правительства при царе Михаиле. Вскоре действительно последовала полная смена правительства, причем Ф. И. Шереметев должен был уступить место Б. И. Морозову. В течение 1646—1647 гг. было сменено большинство начальников приказов, которые были заменены сторонниками Б. И. Морозова. К сожалению, мы не располагаем другими известиями о причине образования и действиях указанной комиссии.

[2] На Земском соборе 1642 г. дворяне и дети боярские в поданной сказке писали: «а твои государевы диаки и подьячие пожалованы твоим государским денежным жалованьем и поместьями и вотчинами, и, будучи беспрестанно у твоих государевых дел и обогатев многим богатством, неправедным своим мздоимством, и покупили многие вотчины и домы свои сстроили многие, палаты каменные такие, что неудобо-сказаемые, блаженные памяти при прежних государех и у великородных людей таких домов не бывало, кому было достойно в таких домах жити...» (Собрание государственных грамот и договоров, т. III, № 113).

утруждать и надоедать не могли осмеливаться, но так как мы замечаем как твоего покойного государя отца, так и твою врожденную кротость и высокую милость ко всем, и к тем, кто тебе не радеет, и (к тем), кто твоему царскому величеству добра хотел, и видим, что такому твоему царскому долготерпению не мало удивляются: покойный твой государь отец долго терпел, ты также терпишь, оказывая тому и другому пощаду и милосердие, не желая излить на них своего гнева и царского приговора, хотя твое царское величество, как то твоего царского величества покойный государь отец после Московского государства всецелаго и всеконечнаго от злых людей разорения, от Бога и всего народа был поставлен и избран государем и великим князем и тебе меч злым на казнь, а добрым на милость был вручен, чем тогда всякая неправда была исправлена. А так как ныне, вследствие того что твое царское величество столь долготерпелив, злые люди, которые твоему царскому величеству нимало не радеют, таким образом получают перевес, (то) они из твоих царских должностей и служб всякую себе частную пользу и богатства добывают, несмотря на то, что весь народ через них в разорение приходит, так что многие города и уезды, которые прежде давали хороший доход, теперь от их жадности и насилья впусте лежат и обратились ни во что. И этим только не исчерпывается, но зашло так далеко, что они твое царское величество против народа, а народ против твоего царскаго величества возбудили. И вот весь народ во всем Московском государстве и его порубежных областях от такой неправды в шатость приходит, вследствие чего большая буря подымается в твоем царском стольном городе Москве и в иных многих местах, в городах и в уездах, если твое царское величество, для вящаго угнетения бедных людей, будешь так долго спускать и оставлять безнаказанной такую мошейническую шайку, от чего они во взятках и посулах и неправдах тем более будут чувствовать себя безопасными, что теперь большею частью весь народ своих владений лишен и разорен, так что вместо благоденствия и безопасности дошли до величайшей нищеты и опасности для жизни и больше не ценят и не заботятся о своей жизни и житье.

Чаще всего мы твоему покойному отцу били челом о том, чтобы вышеупомянутые наши и народа губители, после созыва и исследования вышеупомянутых комиссаров, были наказаны; мы и ныне того же самого от тебя ждем и желаем. Но вместо этого нас хуже чем за самых жалких под солнцем людей держат и слушать не хотят, когда мы

уже, так сказать, не имеем, где нам с нашими женами и детьми голову свою преклонить, и каждый день должны обливать слезами свой хлеб, и не знаем, какой ответ ты нам про тех наших губителей и насильников хочешь дать. Но молим мы тебя, государь и великий князь, чтобы ты захотел своей царской чести поблюсти и для того вспомнил бы слово псалмопевца и пророка царя Давида, который молил, чтобы Бог Всемогущий захотел укрепить царство его сыну, царю Соломону, таким образом:

«Боже, суд твоей цареви даждь и правду твою сыну цареву: судити людем твоим в правде и нищим твоим [в суде. Да восприимут горы мир людем и холми правду. Судит нищим людским], и спасет сыны убогих, и смирит клеветника. [И пребудет он солнцем и прежде луны рода родов. Снидет яко дождь на руно и яко капля каплющая на землю.] Возсияет во днех его правда и множество мира дондеже отъимется луна. И обладает от моря до моря, и от рек до конец вселенныя. Пред ним припадут [Ефиопляне] и врази его перст полижут. [Царие Фарсийстии и острови дары принесут, царие Аравийстие и Сава] дары приведут: И поклонятся ему вси царие земсти, вси языцы поработают ему. Яко избави нища от силна и убога, ему же не бе помощника. Пощадит нища и убога и души убогих спасет. От лихвы и от неправды избавит души их и честно имя его перед ними. И жив будет [и дастся ему от злата Аравийска] и помолятся о нем выну, весь день благословят его», и прочая и прочая [1].

Размысляя, что ты, государь, таким же образом от Бога самого на царство призван: не собою всел, но подобно ветхому Давиду праведно царствуеши, что ты — государь и великий князь, и потому захочешь выслушать горькое слезное моление холопей твоих и сирот и всех православных христиан, которые со всею душою к тебе привержены, но безо всякой помощи и заступы стоят, так как твое царское величество не допускаешь подобного к своему сердцу, и (которое) вышесказанное слово пророка тебе объявляют, напоминая тебе, что наказание Божьяго гнева, которое в прежния времена за такое беззаконие разразилось над Московским государством, ныне снова нас постигнуть должно [2].

Кроме того, пусть вспомнит твое царское величество также историю, которая в твоем царском дворце (где) опи-

---

[1] Псалтырь, псалом 71. В прямые скобки взяты те места, которые были пропущены в шведском переводе этого отрывка.

[2] Намек на крестьянскую войну начала XVII в. Официальная литература и литература господствующего класса предпочитает изображать ее «наказанием божьего гнева».

сывается о греческом царе в Цареграде Юстиниане, как в его время кара Божьяго гнева угрожала Греческой земле, но за справедливый приговор и указ, который он повелел издать, именно — чтобы во всей его земле были прекращены всякая неправда и притеснения бедных, Бог такое наказание отвел и гнев на милость преложил[1]. Ныне твое царское величество можешь то же самое сделать, если хочешь избежать Божьей казни, которая ныне и твоему царству угрожает, и укажешь неправедных судей искоренить, несведущих устранить, чтобы взяточничество и беззакония и волокита и злодеяния были наказаны, проливаемые слезы многих невинных осушены и предупреждены, ничтожные и нищие от насилья и обиды охранены, — и тогда верно Бог Всемогущий нас пощадит и казнь отвратит, и тем твоего царского величества царство и управление шириться будут и на вечныя времена (будут) продлены, и станет изобилие плодов земных во благовремении. Праведный, милостивый и милосердый государь и великий князь Алексей Михайлович всея Русии! Воззри же на нашу горькую, слезную жалобу и свою царскую милость нам покажи и по сей нашей всеподданнейшей челобитной укажи нам ответ получить — достойны ли мы смерти или жизни, не задерживая нас этим дольше, ибо откладыванье и отсрочка здесь ни к чему не приведут, и могут причинить твоему царскому величеству большое затруднение и тяготы. То по жалобам и плачу всего народа сочинено и сложено, что думные дьяки и иные дьяки и подьячие добиваются подарков и взяток и посулов, и что они никого ни на воеводство, ни на приказы, ни получить, ни передать своего жалованья не допустят, без того, чтобы они сперва свою великую выгоду и доход от того не получили. А по иным городам воеводы и приказные люди крестьян и простой народ до конца разоряют, все хотят полные руки набрать, для чего у них при дворе и в Москве великая заступа и поддержка есть, так как они свои воеводства и приказы так должны были дорого купить, за что всякие люди потом достаточно дорого возмещать должны.

Поэтому твое царское величество захочешь выслушать нашу и московского простого дворянства, городовых слу-

---

[1] О жестокой эпидемии (море) и землетрясении (трусе) в царствование византийского императора Юстиниана (527—565 гг.), во время которых погибло в Константинополе множество народа, рассказывается в хронографе редакции 1512 г. (Полное собрание русских летописей, т. XXII, стр. 295). Однако там ничего не говорится об указе Юстиниана о прекращении неправды и притеснения бедных. В этом хронографе сообщается лишь, что царь, отказавшись от обычных празднований, повелел раздать «брашно и вино» нищим.

жилых людей, гостей и торговых людей, больших и меньших чинов[1] в Москве жалобу против высших правителей, и им это наше челобитье велишь прочитать, допрашивая их, какая (тому) причина, что многие города впусте лежат? Какая партия позволяет себя подкупать и берет взятки? И от кого они изобижены и истеснены бывают? Кто причиной их плача и слез? Так как они сами о всем том доподлинно ведать должны, чтобы твоему царскому величеству рассказать. Мы все от народа просим еще униженно твое царское величество, чтобы ты твою данную присягу и обещание вспомнить захотел, ибо среди всех черных людей слышится возмущение и мятеж от неправд, которые им от сильных и ближних людей и дьяков и воевод в уездах и в городах причиняются. Также плачут и жалуются все вообще на твое царское величество, что ты тех, которые бедны, ничтожны и беззащитны, не жалуешь и что ты против наших притеснителей и губителей за нас не стоишь, но выдаешь богатым (людям) на разграбление. Ты должен, напротив, повелеть всех неправедных судей искоренить, неразумных сместить и на их место выбрать справедливых людей, которые бы за свой суд и за службу пред Богом и перед твоим царским величеством отвечать могли. А если нет, тогда твое царское величество должен указать всяким людям самим всех служащих и судей назначать своими собственными средствами и для того людей выбирать, которые бы их по старине и по правде ведать могли и от сильных (людей) насилия оберегать. Этим твое царское величество от всякаго лишняго труда настолько облегчится, что твое царское величество с полным спокойствием свое царское дело править бы мог, а не так, как прежде, когда твое царское величество был настолько отягощен; так и бояре подобным образом смогут гораздо более удобно своими домашними делами ведать и управлять, после того как они твоего царского величества судныя и всякия разрядныя дела и указы отдадут и откажутся (от них), чтобы они такими земскими делами не должны были себя утруждать, без (того однако, чтобы) вместо них должно было отягощаться всеми мелкими делами твое царское величество.

Шведский текст с обратным русским переводом напечатан П. Смирновым («Челобитные дворян и детей боярских всех городов в первой половине XVII века», Москва 1915 г. Русский перевод помещен на

[1] Интересное указание на те социальные группы населения, от имени которых была подана челобитная: московские дворяне, городовые дворяне и дети боярские (в шведском переводе «городовые служилые люди»), гости и торговые люди. Это место перевода до известной степени восполняет сокращенный и неточный перевод начала челобитной.

стр. 50—60). Шведский перевод этого челобитья был приложен к донесению Поммеренинга королеве Христине от 6 июля 1648 г. Русский подлинник неизвестен.

3. Анонимное шведское сочинение о восстании в Москве в 1648 г.

Краткое и правдивое описание опасного мятежа, происшедшего среди простого народа в городе Москве 2 июня 1648 года.

Был в городе Москве высокий вельможа, по имени Леонтий Степанович Плещеев, который во вверенной ему должности проявил жестокость и несправедливость в делах, касавшихся простого народа, почему весь мир, вместе с чернью, неоднократно умолял его царское величество и с глубочайшим смирением просил, чтобы этот Плещеев (который часто без всякой вины подвергал пытке и жестокой казни людей, к коим не благоволил, под тем предлогом, будто они совершили то или другое преступление) был отставлен за свою жестокость и несправедливость и чтобы его место было передано какому-нибудь другому, скромному и дельному человеку. Когда наконец после многократных челобитий со стороны простого народа его царское величество повелел заключить в тюрьму вышеупомянутого Плещеева и подвергнуть его пытке, тогда стараниями Бориса Ивановича Морозова (который как очень знатный человек и воспитатель или домоправитель его царского величества был в большом почете и милости и который и прежде особенно благоволил Плещееву, был с ним в тайном соглашении и в описываемом деле помогал ему) делу дан был такой оборот, что слуги Плещеева, как это впрочем там (в Москве) водилось, были подвергнуты пытке и наказанию вместо своего господина. А он, Плещеев, благодаря ходатайству Морозова и тому, что представил все дело так, как будто он был обвинен вследствие ненависти и несправедливого гнева к нему (Плещееву) черни, желавшей его гибели, был выпущен на свободу, и дело все улажено. Но простой народ был этим недоволен и продолжал настойчиво бить челом его царскому величеству, прося его вспомнить, как много раз до сих пор этот Плещеев проявлял свою жестокость, чтобы весь мир не был разоряем ради одного человека. Но и на этот раз народ ничего не достиг. Между тем его царское величество отправился 17 мая из Москвы к Троице, где находится прекрасный монастырь, названный в честь Святые Троицы и отстоящий в 12 милях от Москвы, на ежегодное богомолье, чтобы присутствовать там при богослужении, и 1 июня возвратился

оттуда в город Москву, причем его, по обыкновению, с обеих сторон сопровождали стрельцы и проводили до города. Простой народ по местному обычаю вышел навстречу из города на некоторое расстояние с хлебом и солью, с пожеланием всякого благополучия, просил принять это и бил челом о Плещееве; однако его не только не выслушали, но даже стрельцы отогнали его плетьми. По приказанию Морозова, который начальствовал над стрельцами, как бы замещая царя (государевым именем), 16 человек из числа челобитчиков были посажены в тюрьму. Тогда остальные хотели бить челом относительно Плещеева супруге его царского величества, которая следовала за ним приблизительно через полчаса, причем за нёй пешком шел Морозов, но челобитье не было принято и просившие были разогнаны стрельцами, как и раньше. Крайне возмущенный этим народ схватился за камни и палки и стал бросать их в стрельцов, так что даже отчасти пострадали и получили раны лица, сопровождавшие супругу его царского величества, и в числе их Порсерский[1]. При этом неожиданном смятении супруга его царского величества спросила Морозова, отчего происходит такое смятение и возмущение, почему народ отваживается на подобные поступки и что в данном случае нужно сделать, чтобы возмутившиеся успокоились. Морозов отвечал, что это — вопиющее преступление и дерзость, что молодцов целыми толпами следует повесить, что, без сомнения, было бы и в самом деле над ними вскоре исполнено, если бы вся толпа на следующий день не помешала этому своим челобитьем и не выпустила их снова на свободу.

Следующий день был пятница 2 июня, когда русские торжественно праздновали день тела господня[2]; его царское величество сошел по лестнице из дворца, и тогда толпа еще раз принялась просить указа о том, о чем они били челом накануне. Его царское величество спросил их, отчего бы им не изложить письменно своих жалоб и желаний. На это толпа отвечала, что это было сделано накануне и что они теперь просят и о выдаче захваченных; так как его царское величество тотчас выразил добрую решимость, возвращаясь из церкви, встретить их хорошим ответом, то толпа была этим очень довольна. Между тем его царское величество с неудовольствием спросил Моро-

---

[1] В шведском оригинале фамилия пострадавшего Porsercky. Порсерский в русских источниках неизвестен; может быть автор имел в виду одного из князей Пожарских.

[2] Автор путает название православного праздника. В действительности 2 июня происходил крестный ход, перенесенный на этот день с 26 мая.

зова, как он осмелился без его желания и ведома заключить некоторых под стражу; Морозов был этим смущен и ничего не отвечал. Далее, когда его царское величество вышел из Кремля, навстречу ему подошла часть возмутившейся толпы и еще раз стала говорить о Плещееве, чем его царское величество был частью поражен, частью разгневан; и так он пришел в церковь. По совершении богослужения просившие пошли снова вслед за царем из церкви, и когда его царское величество вошел в Кремль, весь народ ворвался вместе с ним, так что Морозов, возымевший некоторое подозрение, приказал стрельцам запереть Кремлевские ворота и никого не впускать, но они (стрельцы) не могли этого исполнить вследствие большого скопления народа; несколько тысяч человек проникли на Кремлевскую площадь и неотступно и с громкими криками требовали окончательного решения их желаний и высказанных жалоб. Так как его царское величество только что сел за стол, то он выслал к ним одного из бояр, по имени Темкина[1], которого они задержали у себя под тем предлогом, что желают говорить с самим царем; потом вышел еще один, они сорвали с него платье и надавали ему таких пинков и толчков, что он после этого несколько дней лежал в постели. Наконец его царское величество вышел сам, успокаивал их и спросил, что значит такое неотступное их домогательство. Тогда толпа сначала выразила желание, чтобы схваченные были выданы, и они тотчас были освобождены; но толпа все-таки не удовлетворилась этим и потребовала выдачи Плещеева. На это его царское величество отвечал, что ему нужно дать время, так как он хочет расследовать дело, и, если он (Плещеев) окажется виновным, подвергнуть его соответствующему наказанию; но толпа на это не соглашалась и чем дальше, тем больше настаивала, говоря, что если не получат этого добром от его царского величества, то добьются силой.

Между тем как это происходило, Морозов для предотвращения бедствия велел созвать всех стрельцов, числом до 6000, и приказал им выгнать с Кремлевской площади мятежную толпу и подавить волнение. Но стрельцы воспротивились такому приказанию Морозова, и некоторые из них отправились к его царскому величеству и заявили, что они, согласно принесенной присяге и своему долгу, охотно будут угождать и служить его царскому величеству и охранять его, но что они не хотят из-за изменника и тирана Плещеева стать во враждебные отношения с толпой; затем

---

[1] Кн. М. М. Темкин-Ростовский.

они обратились с речью к толпе и сказали, что ей нечего бояться, что они в этом деле не окажут ей никакого противодействия, а, напротив, даже протянут ей руку помощи. После этого народ снова начал требовать выдачи Плещеева, с большей настойчивостью, чем прежде; сборище чем дальше, тем становилось многочисленнее, пока его царское величество не вышел еще раз сам и не попросил толпу не проливать крови в этот день (именно в пятницу, что у русских считалось ужасным делом) и успокоиться: завтра он выдаст им Плещеева. Это его царское величество сделал затем лишь, чтобы сохранить Плещееву жизнь.

Между тем некоторые из слуг Морозова, без сомнения, посланные своим господином, начали бранить стоявших на карауле стрельцов и наносить им удары за то, что они, вопреки приказанию их господина, впустили толпу; при этом был заколот один из стрельцов, получивший смертельную рану ножем. Тогда стрельцы и народ побежали в палату к царю, донесли и пожаловались ему, что люди Морозова на них нападают, и просили от него защиты, грозя, что иначе они сами отомстят Морозову. На это его царское величество с гневом отвечал им: — Раз вы были так сильны и даже сильнее, чем слуги Морозова, почему вы не защитили меня от них? И если слуги Морозова позволили себе слишком многое, то отомстите им за себя! — После этих слов вся толпа вместе со стрельцами, по недоразумению полагавшими, что им самим нужно разделаться с Морозовым, бросились к дому Морозова и принялись его штурмовать. Навстречу им вышел управитель Морозова, по имени Мосей, и хотел их успокоить, но они тотчас сбили его с ног и умертвили ударами дубины. Об этом Мосее шла молва, будто он был большой волшебник и будто он с помощью своего волшебства за несколько дней до этого открыл Морозову, что им грозит большое несчастье, что при этом смерть постигнет двух или трех знатных бояр, что сам он подвергнется опасности. На это Морозов, будто бы, ему ответил: — Кому посмеет притти в голову причинить нам вред? — Из этого можно вывести заключение о его самонадеянности и высокомерии. Когда этот Мосей, управитель Морозова, был умерщвлен таким плачевным образом, весь народ также и стрельцы принялись грабить и разрушать дом Морозова так, что даже ни одного гвоздя не осталось в стене; они взламывали сундуки и лари и бросали в окошко, при этом драгоценные одеяния, которые в них находились, разрывались на клочки, деньги и другая домашняя утварь выбрасывалась на улицу, чтобы показать, что не так влечет их добыча, как мщение врагу. Окончив

это, они разделились на две партии, из которых одна разграбила дом Плещеева, а другая дом Назария Ивановича Чистого, государственного канцлера. И так как они знали, что этот канцлер спрятался в своем доме, то они так гневно пристали к одному из его слуг, татарину, что тот наконец — может быть потому, что он поклялся своему господину не проболтаться, — пальцем показал ту комнату, где находился канцлер; они вытащили его из потайной дыри или кладовой и тотчас же, без всякой жалости и милосердия, убили ударами дубины, причем так его изувечили, что его нельзя было узнать; затем раздели его до нага, бросили во дворе на навозную кучу и оставили его совсем голого и непокрытого на весь день и ночь, пока на другой день его слуги не положили его в сенях на доску и не прикрыли рогожей; и только на третий день, когда смятение улеглось, он тайно был погребен своими слугами. В этот же день они разграбили и разнесли 70 домов, причем, конечно, не были бы пощажены дома купцов, если бы богатые купцы не попросили защиты у его царского величества, не призвали бы несколько тысяч стрельцов и не дали бы отпора толпе. На другой день, в субботу, обезумевшая чернь снова явилась, как и накануне, в большом числе, в большем даже, чем раньше, перед Кремлем, и так как обе крепости и городские ворота были замкнуты, то вся толпа с громким криком стала требовать выдачи Плещеева; тогда из Кремля раздалось несколько холостых выстрелов. Тотчас вслед за этим все колокола зазвонили в набат, и в короткое время произошло такое смятение, что сбежалось несчетное число тысяч человек; тогда его царское величество, чтобы отвратить опасность, которая была перед глазами, выдал Плещеева (которого сопровождало несколько стрельцов, священник и палач), уступая требованию толпы, но неохотно и против своего желания; толпа тотчас взяла его от стрельцов, говоря, что она сама учинит над ним суд, и тотчас же перед Кремлем убила его, как собаку, ударами дубины. Об этом Плещееве рассказывали, что он приблизительно за 10 лет до этого поджег город Москву, побуждаемый жаждой добычи и ради того, чтобы иметь возможность лучше содержать своих слуг, что при этом сгорело до 100 домов, что он за такое преступление был приговорен к смертной казни и что в конце концов благодаря сильному заступничеству и чрезвычайной милости его царского величества ему дарована была жизнь и он был сослан в Сибирь[1]. Еще раз толпа стала требовать выдачи Морозова

[1] В это время были два брата Плещеевых, оба с именем Леонтия. Автор смешал их. Леонтий Плещеев, брат убитого в 1648 г.,

как изменника и врага общего блага; когда же его царское величество приказал открыть ворота и выслал к народу своего духовника вместе с патриархом, чтобы просить пощады Морозову, упомянутые посредники три раза ходили взад и вперед от царя к толпе, но ничего от нее не добились; тогда наконец его царское величество сам вышел к народу с непокрытой, обнаженной головой и со слезами на глазах умолял и ради Бога просил их успокоиться и пощадить Морозова за то, что он оказал большие услуги его отцу и был его воспитателем и домоправителем; но они не хотели на все это сдаться, и наконец их настойчивые требования довели его царское величество до того, что он стал ходатайствовать, чтобы Морозова удалить из Москвы в ссылку, и для большего удостоверения его царское величество посадил заложником патриарха[1], а патриарх держал перед собой икону или изображение богоматери, которое, по преданию, было написано св. Лукой и пользовалось большим почитанием[2]. Тем временем слуги Морозова пустили в городе по ветру огонь, может быть с целью произвести в народе раскол; тогда от пожара произошел такой вред, что в течение немногих часов обратилась в пепел и сгорела лучшая половина города внутри и вне Белых стен, начиная от реки Неглинной, до 24 000 домов; во время этого пожара сгорели и погибли несметные сокровища и богатства в купеческих товарах и другом имуществе, так что у одного человека, который был там самым богатым купцом, убыток доходил до 150 тысяч рублей; погибло также до 500 тысяч тонн зерна, что стоило около 6 тонн золота. Погибло также больше 2000 человек, большею частью в состоянии опьянения: воспользовавшись добычей, они сначала веселились, затем погрузились в сон, были захвачены огнем и сгорели, так что пир их окончился бедою. Народ обратил мало внимания на этот пожар: он жаждал крови, и так как ему в угождение не выдавали

был сослан в 1641 г. в Нарымский острог и «послан он Леонтий с женою и с детьми за многое воровство и за ведовство и за порчу и за волшебные письма». По словам Ивашки Скобельцына, этот Леонтий Плещеев говорил служилым людям: «У меня де Москва была в руке вся, я де и боярам указывал». На это ему Ивашка Скобельцын отвечал: «Леонтий, не бредь и Лев брат твой не указывал, не токмо, что ты» (*А. Зерцалов*, О мятежах в городе Москве и в селе Коломенском, стр. 186). Плещеевых смешивает В. Латкин в исследовании о «Земских соборах древней Руси». Ошибка выяснена А. Зерцаловым (указ. соч., стр. 16).

[1] Нельзя понимать в буквальном смысле; правильнее перевести: взял в поручители (den Patriarchen zu Geisel gesetzet).

[2] Так называемая икона «владимирской божьей матери», считавшаяся чудотворной и выносившаяся в исключительно важных случаях.

Морозова, то он стал требовать выдачи другого знатного господина, по имени Петра Тихоновича Траханиотова, к которому они относились подозрительно, считая его виновником незадолго перед этим наложенной на соль пошлины[1]; но так как его в то время не было в Москве под рукой, а был он в деревне, в нескольких милях от Москвы, то его царское величество попросил отсрочки и согласился и обещал призвать его. Так и было сделано, именно: спустя два дня, 5 июня, он был привезен в город, и ему топором отсекли голову[2]. В доме этого Тихоновича во время грабежа найдена была печать его царского величества и два монетных штемпеля, с помощью которых он устраивал много обмана и плутовства, так что из-за этого на многих из них (москвичей) пало подозрение, будто они делают фальшивые монеты, они были взяты под стражу и невинно замучены до смерти[3]. Ходила молва, что в этих мошенничествах с ним сошелся тайно Морозов и, вероятно, был с ним заодно, потому что посредством такой подделки монет он собрал много денег и добра и в короткое время так удивительно разбогател, что присвоил себе добрую половину княжества. Между тем часто упоминаемый Морозов частью из страха, частью от угрызений совести хотел тайно спастись бегством из Москвы, но был настигнут некоторыми знавшими его и возвращен в Москву[4], таким образом и он попал бы в руки толпы, если бы не был освобожден теми, кто его поймал, и снова доставлен в Кремль, откупясь от них большим количеством золота; тогда его царское величество еще раз употребил все усилия, чтобы через посредство патриарха примирить Морозова с народом, но из этого совсем ничего не вышло, так что народ даже явно восстал против патриарха. Они готовы были и его царское величество до тех пор считать изменником, пока не добьются, согласно его (царя) обещанию, высылки Морозова

---

[1] Повышенный налог на соль в размере двух гривен с пуда был введен с 7 февраля 1646 г. и отменен 10 декабря 1647 г.

[2] См. рассказ о бегстве П. Траханиотова и о возвращении его в Москву в «Книге о чудесах пр. Сергия» (настоящий сборник, стр. 79).

[3] По другим известиям, пропавшая в Посольском приказе печать была найдена «в подголовке в ящике» у Назария Чистого. Об этом в Новгороде в июле 1648 г. рассказывал подьячий Иван Ормячников стрелецкому голове Ивану Бестужеву (*С. Бахрушин*, Московский мятеж 1648 г., стр. 754). По другим рассказам, ходившим в Новгороде, в это же время у гостя Василия Шорина были взяты чеканы (*С. Бахрушин*, указ. соч., стр. 764).

[4] *С. Платонов,* Новый источник для истории московских волнений 1648 года («Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1893 г., кн. 1). Рукопись находится в Стокгольмском архиве в Швеции. Автор сочинения неизвестен.

от двора и из города; они (москвичи) решили даже, если его царское величество добровольно не надумается это сделать, силой понудить его к этому, так что он (царь) должен был еще раз клятвенно обещать выслать его на следующий день, что и было сделано: много раз упомянутый Морозов был отослан под сильным конвоем стрельцов в Кириллов монастырь на Бело-озере, находившийся в 120 милях от Москвы, и таким образом дано было удовлетворение желаниям народа.

4. Лейденская брошюра

ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ
и
ОПИСАНИЕ

Ужасного волнения и мятежа
случившегося второго июня 1648 г.
В МОСКВЕ
от великих и невыносимых
ПОДАТЕЙ, ПОШЛИН И ПОБОРОВ
возмутивших народ.

Все описано частным образом одним знатным и достойным доверия лицом, бывшим очевидцем означенных событий, и переслано им сюда в Амстердам некоему другу.

Снято с подлинника и напечатано в Лейдене у Вильгельма Кристиана фан дер Боксе в лето 1648.

ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ
и
ОПИСАНИЕ
ужасного волнения и мятежа
В МОСКВЕ

Года 1648 второго июня, по старому стилю, в пятницу, до полудня, его величество царь всея Руси, Алексей Михайлович со всей торжественностью совершал, вместе с патриархом, ежегодную процессию или паломничество; в сопровождении знатных бояр, иначе называемых советниками государства, а также высшего духовенства (vornaemste papen en priesteren), каковым обстоятельством воспользовался народ, чтобы подать его царскому величеству некие челобитные о невыносимо больших податях, пошлинах и по-

борах, коими они были обременены несколько лет, и оставаясь ими обремененными, они вместе с женами и детьми совсем и до конца впадут в разорение, а также о чрезвычайных несправедливых тяготах и притеснениях, которые они каждодневно претерпевают от бояр и далее не могут сносить; да и скорее желали бы тотчас умереть вместе с женами и детьми, нежели стенать далее под бременем подобных тягот; и бояре (окружавшие особу его царского величества), заполучив в свои руки челобитные, не только разорвали их в клочки, но и швырнули эти клочки в лицо (подателям) и ругали народ язвительными словами; да и некоторых велели своим холопам или крепостным слугам немилосердно побить; а иных заточить в темницу, что сделало народ весьма нетерпеливым и до чрезвычайности ожесточило против бояр; и по окончании процессии народ всем скопом пошел к Кремлю. Стрельцы (или его царского величества лейб-гвардия) (числом в несколько тысяч) чье жалованье также было уменьшено и убавлено, так что они не могли им себя прокормить, пристали к народу, и тотчас после обеда напали на двор Бориса Ивановича Морозова — главнейшего посла его царского величества правителя всей России, обвенчавшегося прошедшей зимой с сестрою нынешней царицы, и его двор был в конец расхищен, различные найденные ими, драгоценные вещи они порубили в куски топорами и саблями: все золотые и серебряные изделия расплющили, драгоценный жемчуг и другие каменья истолкли в порошок, потоптали ногами, пошвыряли за окно, не позволяя никому что-либо унести с собою, крича во все горло: «То наша кровь» (To Naasi Kroof). Другие, пришедшие потом, поделили между собой богатства, и принялись сокрушать дом Морозова, и вознамерились разнести его до основания. Но его царское величество повелел сказать им «то мой дом». И по сему слову они тотчас же разошлись, умертвив трех его (Морозова) важнейших слуг: самый важный из этих трех стряпчий (Streepse) или фактор предлагал за свою жизнь три тысячи рублей, что составляет пятнадцать тысяч гульденов, однако это не помогло; и они все восклицали: «все должно быть наше»; и он сам, а именно Морозов бежал в покои его царского величества, где и схоронился. От этого двора народ поспешно устремился ко двору Назара Ивановича Чистова — великого канцлера государства и начальника над всеми иноземцами, чей двор они также в конец разграбили и забрали там неимоверно большую казну золота и серебра; он же (будучи болен) отлучился в баню, так как за два дня перед тем упал с лошади, что явилось

верным предвестником предстоящего великого падения, ибо, когда он вышел из бани, они встретили его и избили дубинами, топорами и саблями. Первый, ударивший его топором по голове, сказал ему: «Изменник, то за соль» (Ismeenick, to la Soli) (он ведь и был тем, кто наложил высокую подать на соль), и полумертвого его протащили за чиной их плача и слез? Так как они сами о всем том собаку, бросили совсем нагого на навозную кучу, где и прикончили.

Оттуда они с необычайным шумом напали на двор Леонтия Степановича Плещеева правителя города (den Borgermester van der Stadt) (или начальника над всеми городами), чей двор они также в конец расхитили, а сам он бежал к его царскому величеству. Оттуда они всем народом и силой (met alle Manne ende Macht) устремились на двор Петра Тихоновича Траханиотова начальника надо всей артиллерией, чей двор они также в конец разорили, а он сам бежал из города в некий монастырь.

Оттуда они с адской злобой напали на дворы различных других бояр, где (сокрушая все) не оставили в целости и малейшей безделицы, меж тем наступила ночь и разбой несколько поутих, но с раннего утра снова принялись разорять и грабить дворы многих других знатных господ и русских торговых людей, которые так или иначе зависели от прежде помянутых (бояр) — всего числом примерно тридцать шесть.

Учинив это, они всем скопом устремились в Кремль и вызывали на суд бежавшего Морозова, бежавшего Плещеева вместе с бежавшим Траханиотовым, а также его царское величество, и домогались, чтобы выдали им в руки (беглецов); того ради его царское величество, тотчас выдал им Плещеева, дабы ему публично отсекли топором голову, однакож народ был до чрезвычайности ожесточен против него и не мог так долго терпеть (пока приведут в исполнение приговор), но потащили его (Плещеева) на большую рыночную площадь и там палками и дубинами избили его так, что он стал синим как легкое, и топорами и саблями изрубили как рыбу и так оставили лежать нагого в назидание и на позорище.

Народ еще не удовольствованный тем стал далее единодушно и громко взывать и весьма настойчиво добиваться Морозова, а также Траханиотова; тогда его царское величество сам, своей особой, вышел к народу и видя, что нельзя унять народ, стал настойчиво упрашивать: дать ему не более двух дней сроку, он хочет за это время справедливо поразмыслить и даровать им во всем удовлетворение. И тем стечение народа перед полуднем было утишино и все

тихо разошлись по домам. Но что за тем воспоследовало? Тотчас после обеда, в пяти различных местах города учинился большой и ужаснейший пожар, который за тринадцать или четырнадцать часов опустошил половину Москвы, обратив ее в груду пепла. В этом пожаре сгорело всего (как насчитывают некоторые) около десяти тысяч дворов; и так как на различных дворах стояло много различных домов, то можно счесть, что погорело примерно пятнадцать тысяч домов; в некоторых дворах сгорело десять, двенадцать душ, а то и больше людей: отец, мать, дети, работники и служанки; число людей которые сгорели, задохлись и задушились в дыму, которые известны, исключая тех, которые остались неизвестны, исчисляют примерно в тысячу семьсот. Пожар исподволь занялся на большом рынке, на царском винном дворе, где на всеобщее посрамление лежал нагой (труп) убитого Плещеева; и пришел некий монах, который топором отрубил этому Плещееву голову, окунул ее в водку, чтобы лучше горела, и так бросил голову в огонь; народ, стоявший вокруг, взяв веревку и крепко обвязав ею ноги Плещеева, поволок его как собаку в огонь, и сжег туловище до тла; во время этого ужасного большого пожара в другие кварталы города, где проживали все мы иноземцы, а также многие другие русские, схватили нескольких негодяев поджигателей, которые имели твердое намерение поджечь этот, оставшийся (неповрежденным от огня) квартал, и они успели бы в своем намерении, когда б не была выставлена сильная стража; некоторых из этих поджигателей умертвили на месте, других же заточили в темницу, где их допрашивали и пытали, и они откровенно признались, что были к тому подкуплены многократно упомянутым Морозовым, дабы отомстить народу, а также другим вельможам, его противникам. Народ, узнав об этом, еще более ожесточился против Морозова и требовал, чтобы его выдали без всякого промедления и его царское величество прилежно просил сохранить ему (Морозову) жизнь: во-первых, потому что его препоручил ему его досточтимый отец на смертном одре, во-вторых, потому что он с детских лет его (царя) воспитывал, обучал и наставлял; того ради (царь) обещал всему народу, целуя в том (по русскому обычаю приносить клятву) золотой крест, который держал в руках патриарх, и призывал в поручительницы матерь божию, что он сошлет Морозова на крайний рубеж государства, на вечную опалу или велит удалить его в монастырь и постричь там в монахи. Другой (боярин), Петр Тихонович Трахaниотов, который бежал в один из монастырей, был по пове-

лению его царского величества выдан (народу) и ему отрубили голову на плахе. Меж тем его царское величество по заступничеству или прилежным мольбам царицы, его супруги, родной сестры Морозовой медлил с исполнением своего обещания относительно Бориса Ивановича Морозова, так что народ вновь поднялся и не желал жить в мире и покое прежде чем его царское величество не приступит к исполнению своего клятвенного обещания. Народ угрожал силою вытащить Морозова из покоев его величества; и доколе его царское величество не будет держать своего слова, то и народ не будет соблюдать свое. Казалось должно было произойти ужасное кровопролитие, и этот последний раздор будет хуже первого. Тогда его царское величество положило конец этому делу, и двенадцатого июня, в понедельник, за два часа до рассвета, Морозов был отослан в некий монастырь, называемый Кирилловским, расположенный в четырнадцати милях за Вологдою на реке Шексне; Вологда расположена в четырехстах милях от Москвы, его (Морозова) сопровождали сто пятьдесят детей боярских (Sinbojaerskens) или придворных дворян (Hoff-Jonckeren) и сто пятьдесят стрелков или царских телохранителей (Liff-Wachten) и сто старшин (Starissen) или сотников (Overmannen), которые стоят во главе каждой сотни народа.

Вот (так происходил) мятеж, который мы пережили здесь в Москве, не без великого страха и боязни обрести смерть. И впредь да сохранит нас всемогущий бог и милостиво возьмет под свою отеческую защиту от всех бед и напастей.

О том, что случится в дальнейшем, я при случае извещу Вас.

Конец

Перевод с голландского печатного текста 1648 г. сделан *А. А. Морозовым*. В 1880 г. К. Бестужев-Рюмин опубликовал русский перевод с копии рукописи, хранящейся в Бадлеанской оксфордской библиотеке и присланной ему английским историком У. Морфилем. (*К. Бестужев-Рюмин*, Московский бунт 23 июня 1648 года. «Исторический вестник» № 1, 1880 г., стр. 69—73). Как установил К. Фиттерлейн («Заметка по поводу рассказа очевидца о московском бунте 1648 г.», «Вестник Европы», 1880 г., февраль, стр. 895—898), текст этой рукописи почти в точности совпадает с содержанием печатаемой выше Лейденской брошюры. Небольшие разночтения объясняются повидомому ошибками английского переписчика или неточностью перевода.

5. Описание восстания в Москве в 1648 г. Адама Олеария

Как после царского бракосочетания вели себя друзья великой княгини, каков был полицейский строй, как отправлялось правосудие и что еще при этом произошло достопамятного.

После того как Илья Данилович Милославский стал царским тестем, он стал могуществен и велик. Ему дан был рядом с жилищем его царского величества дом в Кремле, где он должен был жить вместе с женой своею; он немедленно же велел этот дом сломать и построить от основания великолепный дворец. Старые слуги[1] один за другим должны были уйти, и на их места были поставлены родственники г. Милославского; так как все они успели наголодаться, то они оказались очень жадными, очень скупыми и прожорливыми. Особенно отличался один из них, по имени Левонтий Степанович Плещеев, назначенный верховным судьею земского двора или ратуши. Он обирал простонародье и драл с него паче всякой меры; подарками нельзя было насытить его. Когда тяжущиеся стороны являлись к нему в канцелярию, он выматывал у них даже мозг из костей, так что и та и другая сторона становились нищими. Он нанимал негодяев, для того чтобы они ложно доносили на честных людей, имевших некоторые достатки, и обвиняли их; обвинения взводились то в кражах, то в убийствах и других злодеяниях. После этого бедных людей заключали в тюрьмы, обходились с ними тиранически и держали так несколько месяцев, доводя почти до отчаянья. Тем временем безбожные слуги его должны были войти в переговоры с друзьями арестованных и под секретом давать им мудрые советы, как им вновь выбраться на свободу. Через подобных воровских помощников он торговался относительно того, сколько они должны были дать ему. Сам же он не удостаивал приема никого ни из обвиненных, ни из друзей их. В числе подобных безбожных чиновников находился и некий Петр Тихонович Траханиотов, шурин Плещеева, так как Плещеев был женат на родной сестре Тихоновича. Этот последний дошел уже до степени окольничего, что является ближайшим чином перед боярином или государственным советником. Он был назначен начальником Пушкарского приказа и имел в своем ведении стрелков из ружей, ружейных мастеров, пушкарей и всех служивших в цейхгаузе. Обходился он с ними весьма немилосердно и не выдавал им заслуженного за работу вознаграждения. В Москве принято, чтобы по приказанию великого князя ежемесячно все царские чиновники и ремесленники получали в срок свое жалованье; некоторым оно даже приносится на дом. Он же заставлял людей ждать целыми месяцами, и когда они после усиленных просьб наконец получали по-

[1] Под именем «старых слуг» в данном случае разумеется руководящий состав московской бюрократии, судей (начальников) и дьяков московских приказов, стоявший у власти при царе Михаиле Феодоровиче.

ловину, а то и менее еще того, они должны были выдавать росписку в получении всего жалованья. Кроме того, были устроены разные стеснения для торговли, и были заведены многие монополии[1]; кто больше всего приносил подарков Борису Ивановичу Морозову, тот с милостивою грамотою, веселый возвращался домой.

Еще один (из чиновников) предложил готовить железные аршины с орлом в виде клейма. После этого каждый, кто желал пользоваться аршином, должен был покупать себе за 1 рейхсталер подобный аршин, стоивший на самом деле только 10 «копеек», шиллинг, или 5 грошей. Старые же аршины под угрозою большой пени были воспрещены[2]. Эта мера, проведенная во всех провинциях, доставила доход во много тысяч талеров.

Еще иной, желая выслужиться перед казною его царского величества и снискать себе расположение, предложил, чтобы во всей России с соли, стоившей первоначально за пуд (т. е. 40 фунтов) 2 «гривны», или 10 грошей, бралась еще одна «гривна», или 5 грошей пошлин[3]. Он вычислил также, сколько тысяч подобный налог принес бы ежегодно в казну его царского величества. Однако через год пришлось вычислять, сколько тысяч было потеряно на соленой рыбе (ее в России употребляют в пищу больше мяса), которая сгнила, не будучи из-за дороговизны соли просолена как следует. Соли кроме того стало продаваться гораздо меньше, и, оставаясь в пакгаузах, она по необходимости превращалась в рассол (от сырости) и расплывалась.

Из-за этих больших тягот и невыносимых притеснений простой народ стал выражать недовольство. Утром и вечером у церквей происходили сборища, причем совещались, как быть с этой невзгодою. Было ясно, что наиболее близкие к его царскому величеству люди не желали слушать никаких жалоб и еще того менее хотели отменить тяготы; поэтому все порешили каждый раз, при выезде его царского величества или в случае шествия его в процессии от Кремля к городской церкви, выжидать удобного случая, чтобы от имени всей общины передать самому его царскому величеству некоторые просьбы. При этом собирались жаловаться на несправедливости Левонтия Степа-

---

[1] Имеется в виду большое развитие мелких монополий в виде откупов на разные промыслы и торговлю. Хотя мелкие монополии были отменены еще в 1639 г., но в действительности этот указ не исполнялся.

[2] См. примечание 4 на стр. 40.

[3] См. примечание 1 на стр. 58.

новича Плещеева и ежедневно совершавшиеся им дурные поступки и просить, чтобы он был смещен, а на его место посажен честный человек. Однако, хотя подобные попытки и делались несколько раз, все-таки всякий раз бояре, сопровождающие, как это принято, его царское величество, отнимали у них прошения. Так как его царское величество не сам читал эти прошения, но ему лишь кое-что из оных докладывалось, то нужды угнетенного населения ему не становились как следует известны и никакого по этому поводу решения и не происходило. Тем временем настроение простонародья все более и более ожесточалось, люди стали с жалобами и плачем собираться перед церквами и постановили, если еще раз представится случай, устно передать о своих нуждах и жалобах его царскому величеству. Тут случилось, что в 1648 году, 6-го июля, справлялся обычный праздник, во время которого его царское величество со всеми боярами и вельможами отправился, по их обычаю, в расположенный в городе Сретенский монастырь[1]. В это время бесчисленное множество простого люда собралось на большой рыночной площади и на всех улицах, по которым шла процессия. Когда после богослужения его царское величество поехал обратно, простой народ насильно прорвался к нему, схватил лошадь его царского величества за уздцы, просил о выслушании, жаловался и громко кричал о Плещееве и его несправедливостях, не переставая упрашивал сместить его и назначить на его место честного, добросовестного человека, так как в противном случае народу придется погибать. Его царское величество, испуганный этим неожиданным обращением к нему и такими жалобными просьбами всего народа, любезно заговорил с ним, предлагая успокоиться и обещая рассмотреть дело и дать народу удовлетворение. Народ, успокоенный этим милостивым согласием, благодарил его царское величество и желал ему доброго здравия и долгой жизни; после этого его царское величество поехал дальше. Однако некоторые из расположенных к Плещееву бояр, ехавшие следом, начали бранить народ и стали бить кнутьями по головам; иных при этом лошади сбили с ног.

Народ стал хватать что попадало под руки, стал собирать каменья, которые посыпались на насильников. Эти последние, не привычные к столь сильному граду в свои спины, бежали и поспешили к его царскому величеству

---

[1] Хронология событий у Олеария совершенно спутана. Крестный ход в Сретенский монастырь был совершен 2 июня.

в Кремль. Так как народ, гулявший здесь по двору, так же принял их, то они соскочили с лошадей и еле-еле успели подняться вверх по большой лестнице, которая ведет в покои его царского величества, так как обозленный народ яростно теснил их. Стрельцы, которые ежедневно сторожат на лестнице, до тех пор удерживали народ, пока теснимые не успели спастись в покои великого князя. Тогда простонародье стало бешенствовать, подобно безумным, стало буйствовать, кричать и вопить, чтобы ему выдали Плещеева. Когда тут боярин Борис Иванович Морозов вышел на верхнее крыльцо и начал именем его царского величества увещевать народ не требовать этой выдачи, то в ответ раздались крики: «Да ведь и тебя нам нужно!». Чтобы спастись от лично ему угрожавшей опасности, Морозов должен был вскоре уйти. После этого чернь напала на дом Морозова, великолепный дворец, находившийся в Кремле, разбила ворота и двери; все изрубили, разбили и растащили, что здесь нашлось, а чего не могли унести с собой, попортили. Одного из главных слуг Морозова, решившегося противостать им, они выбросили из окна верхней комнаты, так что он остался лежать мертвым на месте.

Они, правда, застали в доме жену Морозова, но не нанесли ей никакого телесного вреда, а сказали лишь: «Не будь ты сестра великой княгини, мы бы изрубили тебя на мелкие куски». Они выказали такую ярость, что не пощадили даже святых икон, обыкновенно весьма ими почитаемых, сорвали с них их украшения из жемчуга и драгоценных камней и затем выбросили на площадь. Между прочими драгоценными вещами они разбили и карету, которая была снаружи и извнутри обита золотой парчею, с подкладкою из дорогих соболей; ободки колес и все, что обыкновенно делается из железа, у этой кареты было сделано из толстого серебра. Как говорят, его царское величество подарил ее ему в качестве свадебной кареты.

Некоторые забрались в погреб к бочкам меду и водки, напились здесь, а чего не могли выпить, разбили, после чего они ходили выше колен в напитках. Когда огонь, зажженный во дворе, перекинулся в погреб, эти люди сгорели вместе с зданием.

После этого грабежа чернь разделилась на несколько шаек: одни направились к Плещееву, другие к Тихоновичу[1], иные к государственному канцлеру[2], еще другие

[1] Петр Тихонович Траханиотов.
[2] Назарий Чистый.

к иным людям, которые считались подозрительными, — даже к писцам и вообще всем, хоть сколько-нибудь бывшим в дружбе и общении с ненавистными. Чернь разграбила их дворы, растащив и испортив все, что попало ей под руки. Они застали великолепные предметы и большие богатства особенно в доме Морозова. Жемчуг меряли они пригоршнями, продавая полную шапку за 30 талеров, а чернобурую лисицу и пару прекрасных соболей за полталера. Золотую парчу они резали ножами и распределяли между собой.

Государственному канцлеру (думному дьяку) Назарию Ивановичу Чистому (который, как уже сказано, забрал торговлю солью в собственные свои руки и так высоко поднял налог на нее) за три дня до этого события, когда он собрался домой, в Кремль, повстречалась бешеная корова, которая испугала его лошадь, так что он упал и полумертвый был унесен домой. Вследствие этого падения он лежал в постели. Когда он однако узнал, что народ разграбил дом Морозова, и легко мог сообразить, что и его как выдающегося притеснителя также посетят, он выбрался из кровати и полез на чердак под банные веники (связанные из березовой листвы в роде метлы и сохраняемые в течение года для пользования ими в бане, как указано выше). Он велел также, чтобы его мальчик-прислужник положил поверх него несколько кусков копченого сала. Мальчик однако изменил своему господину, выдал его, забрал с собой несколько сот дукатов и направился в Нижний-Новгород. Рассвирепевший народ бросился в дом, вытащил Назария из-под веников, потащил его за ноги вниз по лестнице на двор, исколотил его палками до смерти, причем голова его была так разбита, что его больше нельзя было узнать. Затем его кинули в навозную яму и набросали на него ящиков и сундуков. Несправедливость и злобный нрав этого Назария к нам лично пришлось нам испытать еще в наше время. Так как он очень много значил перед знатнейшими при дворе и не получил тотчас же желательные ему от нас подарки, то он сильно мешал нам в наших предприятиях[1].

[1] Олеарий имеет в виду свое пребывание в Москве в составе гольштинского посольства. В 1639 г. гольштинские послы жаловались на думного дьяка Назария Чистого, взявшего у них безденежно в виде взятки запану (украшение) стоимостью в 2000 руб. После отъезда посольства гольштинский князь Фредерик прислал грамоту, в которой также жаловался на Назария Чистого, домогавшегося получить еще 1000 ефимков кроме тех, которые были ему переданы от князя через Марселиса (вводная статья А. Ловягина к переводу «Описания путешествия в Московию» Адама Олеария, 1906 г., изд. А. Суворина).

В то время как этот грабеж происходил вне Кремля, Кремль был заперт, а на другое утро, рано, а именно 7-го июля, всем немецким офицерам под секретом было сказано, чтобы они собрались и хорошо вооруженные сразу явились в Кремль: мятежная чернь все еще продолжала по временам подступать к Кремлю. Когда, во исполнение этого требования, немцы собрались в большом числе, то приходилось удивляться, как мятежники охотно уступали им место, любезно говоря: «Вы честные немцы, не делаете нам зла, мы ваши друзья и во веки не намерены совершить вам что-либо злое». Перед тем они же раньше часто спорили с немцами и вели себя недружелюбно с ними. Кремлевские ворота были отперты, немцев впустили, и они тотчас же для охраны Кремля разместились по разным постам и стали на страже. После этого его царское величество выслал своего двоюродного брата великого и хвального вельможу Никиту Ивановича Романова, которого народ, ради доброй его славы, очень любил; он должен был попытаться смягчить обозленные умы и восстановить спокойствие. С обнаженной головой он вышел к народу (который отнесся к нему весьма почтительно и называл его отцом своим) и трогательно изложил, как его царское величество горестно ощущает все эти бедствия, тем более что он ведь в предыдущий день обещал народу прилежно рассмотреть все эти дела и дать им милостивейшее удовлетворение. Он сообщил, что «его царское величество вновь велит все эти свои слова повторить и обещает все сделать для народа и несомненно сдержит свое обещание; поэтому они могли бы тем временем успокоиться и хранить мир». На это народ ответил: они очень довольны его царским величеством, охотно готовы успокоиться, но не раньше как его царское величество выдаст им виновников этого бедствия, а именно боярина Бориса Ивановича Морозова, Левонтия Степановича Плещеева и Петра Тихоновича Траханиотова, чтобы эти лица на глазах у народа понесли заслуженную кару. Никита поблагодарил за ответ и за то, что они хранят верность его царскому величеству, и высказался в том смысле, что можно согласиться с ними и должным образом доложить о требовании ими этих трех лиц. Он однако поклялся перед ними, что Морозова и Петра Тихоновича уже нет в Кремле, а что они бежали. Тогда они просили, чтобы им в таком случае немедленно выдали Плещеева. Никита затем попрощался с народом и поехал обратно в Кремль.

Из Кремля вскоре получено было известие, что его царское величество постановил немедленно выдать Пле-

щеева и согласился на казнь его на глазах народа; если же найдутся и остальные, то пусть и с ними будет поступлено по справедливости. Приказано было доставить на место палача для казни. Народ, не мешкая, привел поспешно к воротам палача с его слугами, и они тотчас же были впущены. Тем временем народ, посовещавшись, решил, чтобы те из него, у кого есть лошади, партиями ездили взад и вперед по дорогам вне города, дабы разыскать и доставить в город беглецов.

Палач, пробыв еле с четверть часа в Кремле, вышел обратно, ведя Плещеева. Как только взбешенный народ его завидел, он не в силах был обождать привода его на лобное место, прочтения ему приговора и имевшей уже затем последовать казни. Напротив, на него набросились и под руками у палача Плещеев был дубинками забит до смерти; голова его была превращена в кашу, так что мозг брызгал в лицо (бьющим). Одежду его разорвали, а голое тело протащили на площади в грязи, приговаривая: «Так будет поступлено со всеми подобного рода негодями и ворами. Бог да сохранит на многие лета во здравии его царское величество!». Потом труп бросали в грязь и наступали на него ногами. Наконец пришел монах и отрубил остатки головы от туловища, говоря: «Это за то, что он однажды велел меня безвинного высечь». Боярин Борис Иванович Морозов, согласно со словами Никиты, искал спасения в бегстве, но возчики и ямщики, которые заградили ему путь, увидели его и погнали обратно; он однако, к большому своему счастью, спасся от них и по тайному ходу пробрался в Кремль, так что никто из преследователей не заметил его. Чтобы однако народ видел, что его царское величество серьезно желает захватить беглецов, царь послал князя Семена Пожарского с некоторыми людьми разыскивать Петра Тихоновича. Они и настигли его у Троицкого монастыря, в двенадцати милях от Москвы, и 8-го июля доставили назад в Москву, но не в Кремль, а на Земский двор. Как только это сообщено было его царскому величеству, тотчас же велено было палачу повести его на рыночную площадь; ему положили деревянное полено под голову и отрубили топором голову. Это обстоятельство вновь несколько успокоило разгоряченные умы, все благодарили его царское величество за доброе правосудие, желали ему долгой жизни и требовали, чтобы с Морозовым было поступлено так же. Так как однако народ знал, что возчики видели Морозова на улице, но что он от них бежал, то, не зная его убежища, никто не мог требовать столь же немедленной его выдачи. Поэтому

выражено было только пожелание, чтобы их требование было удовлетворено, как только он найдется. Им и это было обещано. После этого чернь несколько успокоилась, и все стало тихо. Все эти события произошли незадолго до полудня. Вскоре после полудня на Дмитровке, на Тверской и в разных иных местах возникли пожары. Свирепый народ, более ради воровства, чем ради спасания, поспешил сюда. Пожар был весьма жестокого свойства; он уничтожил все, что было внутри Белой стены вплоть до реки Неглинной. Огонь перекинуло и через Неглинный мост в пределы Красной стены к большому, лучшему из кабаков великого князя, где продавалась водка. Вследствие этого весь город, в том числе и самый Кремль, оказался в сильнейшей опасности. Не было ни одного человека, который желал бы спасать или мог бы спасать, так как все были пьяным-пьяны от водки, которую они во время пожара добыли из погребов. Из бочек, которые были слишком велики для вытаскивания, они выбивали донья, зачерпали водку шляпами, шапками, сапогами и рукавицами и напились при этом так, что улицы почернели, покрывшись лежавшими здесь пьяными, и многие, потерявшие совершенно сознание, задохлись от дыма и пара и сгорели.

Когда вечером около 11 часов несколько немцев остановились, глядя с большим страхом на стоявший в пламени великокняжеский кабак, они вдруг увидели черного монаха, стонавшего и кряхтевшего, точно он тащил за собою большой груз. Когда он подошел поближе, он громко начал кричать о помощи и сказал: «Этот страшный пожар прекратится не раньше, как будет брошено в огонь и сгорит проклятое тело безбожного Плещеева». (Как оказалось), он и притащил сюда это тело. Так как (немцы) ему не хотели оказать помощи, монах начал свирепо ругаться. Тогда подошло несколько взрослых юношей, которые помогли донести труп до пожарища и бросить его в огонь. И как только этот труп начал сгорать, тотчас же стало уменьшаться и пламя и погасло на глазах у наблюдавших это удивительное зрелище (немцев).

Немного дней спустя его царское величество велел стрельцов, составлявших отряд его телохранителей, угостить водкою и медом. Точно так же и тесть великого князя, Илья Данилович Милославский, выказал любезность и доброту к знатнейшим гражданам, стал ежедневно принимать несколько человек из цехов[1], по очереди, к себе во двор,

[1] Цехами Олеарий повидимому называет московские черные и дворцовые сотни и слободы, на которые делилось торгово-ремесленное население Москвы.

обходился с ними милостиво и старался приобрести расположение главарей. Патриарх также приказал попам и священникам, чтобы они смягчали возмущенный нрав народа. Его царское величество также заместил вакантные должности и места людьми умными, благочестивыми и пользовавшимися сочувствием народа.

Когда теперь увидели, что эта печальная непогода и буря в общем улеглись, и стали полагать, что все подготовлено для мирного, улучшенного положения, его царское величество в день, когда происходит процессия, велел вызвать народ, чтобы он явился перед ним у помоста вне Кремля, причем присутствовал здесь и вельможа Никита Иванович Романов [1]. Его царское величество стал говорить речь. Он выразил сильное сожаление, что народ без его ведома испытал такие бедствия со стороны безбожных Плещеева и Тихоновича, ныне получивших заслуженное воздаяние. Он сказал далее, что ныне на их места назначены благочестивые люди, которые будут кротко и справедливо управлять народом и соблюдать пользу и благосостояние народные, находясь под бдительным его, царя, оком. Усиленный налог на соль, по его слову, должен также быть отменен [2]. Царь обещал также при первой возможности взять обратно выданные им милостивые грамоты о монополиях [3], кроме того он обещал расширить и увеличить их привилегии и те льготы, какие у них были. Кроме того он сказал, что во всем будет, как отец отечества, в царской своей милости благосклонен народу. После этого народ низко наклонил перед ним свои головы и пожелал царю долгой жизни. Затем царь продолжал: что же касается личности Бориса Ивановича Морозова, которого он также обещал им выдать, то он не желает его вовсе обелять, но тем не менее не может счесть его виновным во всем решительно. Он желал бы верить, что народ, у которого он еще ни разу ничего особенного не просил, исполнит эту первую его просьбу и простит Морозову на этот раз его проступки; сам он готов быть свидетелем, что Морозов отныне выкажет им только верность, любовь и все доброе. Если же народу угодно, чтобы Морозов более не занимал должности государственного советника, то он сложит ее с него, лишь бы ему не пришлось выдавать головою того,

---

[1] Выезд царя к народу и обращение к нему с речью Олеарий относит ко времени после восстания.

[2] В действительности налог на соль был отменен еще в конце 1647 г.

[3] Общая отмена мелких монополий (откупов) последовала только в 1654 г.

кто, как второй отец, его воспитал и возрастил. Он не мог бы перенести этого и надеется, что они не будут, как до сих пор, требовать от него такого поступка. Когда слезы, во свидетельство сильной любви к Морозову, показались в глазах его царского величества и как бы заключили его речь, народ посовещался и начал затем весьма громко кричать: «Бог да сохранит на многие лета во здравии его царское величество. Да будет то, что требует Бог да его царское величество!». После этого его царское величество столь же сильно повеселел, как он раньше печалился, когда народ требовал головы Морозова. Он благодарил народ за это решение, увещевал его быть спокойным и послушным и сказал, что сам он всегда будет верен тому, что он теперь обещал. После этого его царское величество со своими провожатыми и с лицами, шедшими в процессии, вновь мирно вернулся в Кремль.

Немного спустя его царское величество отправился в монастырь св. Троицы, и Морозов поехал с ним, очень низко и униженно кланяясь народу по обе стороны лошади. После этого, кто бы ни подавал прошения или просьбы его царскому величеству через Морозова, никому не было отказа, если хоть что-нибудь могло быть сделано. Достоверные свидетельства также доказывают, что он стал теперь великим покровителем и благодетелем немцев так же, как и русских.

Такой опасности в то время подверглось счастие как молодого правителя, так и подданных его в виду того, что несправедливым и своекорыстным чиновникам дана была воля. И вот, следовательно, каков, при всем рабстве, нрав русских, когда их сильно притесняют; впрочем об этом было сказано и выше.

Адам Олеарий, Описание путешествия в Московию, перев. А. Ловягина, 1906 г., изд. А. С. Суворина, стр. 263—273.

6. Описание восстания в Москве в 1648 г.

(Из сборника Ленинградской публичной библиотеки; бывш. собрание гр. Ф. А. Толстого)

156-го июня в 2 день праздновали Стретению чюдотворныя иконы Владимирския, потому что было маия 21 число царя Константина и матери его Елены в самый праздник в Троицын день. А государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии был втепоры у праздника у живоначальные Троицы в Сергиеве монастыре и с царицею, а без себя государь праздновати Владимирской

иконы не велел, а от Троицы государь пришел июня в 1 день. И на праздник Стретения чюдотворныя иконы Владимирские было смятение в мире, били челом всею землею государю на земсково судью на Левонтья Степанова сына Плещеева, что от нево в миру стала великая налога и во всяких разбойных и татиных делах по ево Левонтьеву наученью от воровских людей напрасные оговоры. И государь царь того дни всей земле ево Левонтья не выдал.

И того ж дни возмутились миром на ево Левонтьевых заступников, на боярина и государева царева дятку на Бориса Иванова сына Морозова, да на окольничево на Петра Тиханова сына Траханиотова, да на думново дьяка на Назарья Иванова сына Чистово и иных многих единомыслеников их, и домы их миром розбили и розграбили. И самово думново дьяка Назарья Чистого у нево в дому до смерти прибили.

И июня в 3 день, видя государь царь такое в миру великое смятение, велел ево земсково судью Левонтья Плещеева всей земле выдать головою, и его Левонтья миром на Пожаре[1] прибили ослопьем. И учели миром просити и заступников ево единомыслеников Бориса Морозова и Петра Траханиотова. И государь царь высылал на Лобное место с образом чюдотворныя иконы Владимирския патриарха Иосифа Московскаго и всея Русии, и с ним митрополит Серапион Сарский и Подонский, и архиепископ Серапион Суджальский, и архимандриты, и игумены, и весь чин священный. Да с ними ж государь посылал своего царскаго сигклиту бояр своих: своего государева дядю болярина Никиту Ивановича Романова, да болярина князя Дмитрия Мамстрюковича Черкасково, да болярина князя Михаила Петровича Пронсково, и с ними много дворян, чтоб миром утолилися. А заступников Левонтьевых Бориса Морозова и Петра Траханиотова указал де государь с Москвы разослать, где де вам миряном годно, и впредь де им Борису Морозову и Петру Траханиотову до смерти на Москве не бывать и не владеть и на городех у государевых дел ни в каких приказех не бывать. И на том государь царь к Спасову образу прикладывался, и миром и всею землею положили на ево государьскую волю.

И того ж дни те прежреченные Борис Морозов и Петр Траханиотов научением дьявольским разослали людей своих по всей Москве, велели всю Москву выжечь. И они люди их большую половину Московского государства выжгли: от реки Неглинны Белой город до Чертольские стены ка-

---

[1] В XVII в. «Пожаром» называлась территория Красной площади.

менново Белово города, и Житной ряд и Мучной и Солодяной, и от тово в миру стал всякой хлеб дорог; а позади Белова города от Тверских ворот по Москву реку да до Землянова города. И многих людей из зажигальщиков переимали и к государю царю для их изменничья обличенья приводили, а иных до смерти побивали.

И июня в 4 день миром и всею землею опять за их великую измену и за пожег возмутились и учели их изменников Борися Морозова и Петра Траханиотова у государя царя просить головою. А государь царь тое ночи июня против 4 числа послал Петра Траханиотова в ссылку на Устюг Железной[1] воеводою. И видя государь царь во всей земле великое смятение, а их изменничью в мир великую досаду, послал от своего царьского лица окольничево своего князь Семена Романовича Пожарсково, а с ним 50 человек московских стрельцов, велев тово Петра Траханиотова на дороге сугнать и привесть к себе государю к Москве. И окольничей князь Семен Романович Пожарской сугнал ево Петра на дороге у Троицы в Сергиеве монастыре и привез ево к Москве связана июня в 5 день. И государь царь велел ево Петра Траханиотова за ту их измену и за московской пожег перед миром казнить на Пожаре. А тово Бориса Морозова государь царь у миру упросил, что ево сослать с Москвы в Кирилов монастырь на Белоозеро, а за то ево не казнить, что он государя царя дятка, вскормил ево государя. А впредь ему Борису на Москве не бывать и всем роду ево Морозовым нигде в приказех у государевых дел, ни на воеводствах не бывать и владеть ничем не велел. На том миром и всею землею государю царю челом ударили и в том во всем договорилися. А стрельцов и всяких служивых людей государь царь пожаловал, велел им свое государево жалованье давать денежное и хлебное вдвое. А которые погорели, и тем государь жаловал на дворовое строенье по своему государеву разсмотренью. А дятку своево Бориса Морозова июня в 12 день сослал в Кирилов монастырь под начал.

С. Ф. Платонов, Московские волнения 1648 г. (Соч., т. I, стр. 69—74). В этой статье С. Ф. Платонов издал отрывок, касавшийся восстания 1648 г., из сборника Публичной библиотеки (теперь Государственной ленинградской публичной библиотеки) Q. XVII. 70, поступившего в библиотеку из собрания гр. Ф. А. Толстого. Одна из рукописей этого сборника (л. 34—47) содержит ряд летописных заметок за время от января 1648 г. до ноября 1653 г. По определению С. Ф. Платонова, заметки написаны скорописью второй половины XVII в.

---

[1] г. Устюжна Железнопольская.

7. Описание восстания в Москве в 1648 г.

(Из Псковской первой летописи)

В 156 году, на праздник на Сретение господне, была смута великая на Москве: били челом государю, всею Москвою, посадцкие и всяких чинов люди на Леонтья Плещеева, а боярин Борис Ивановичь Морозов и окольничей Петр Траханиотов за него стояли. И как государь пошол от праздника, и за ним государем пришли посадцкие всяких чинов люди всею Москвою, и государь к ним выслал боярина князя Михайла Михайловича Темкина да окольничего Бориса Ивановича Пушкина; а боярина и окольничего посадцкие люди обезчестили и платье на них ободрали, одва одне в Верх[1] ушли. И пошли всякие люди от крыльца прочь и учали разбивать дворы боярские, двор боярина Бориса Ивановича Морозова, да окольничего Петра Траханиотова, да Назарьев двор Чистого, и самого на дворе его убили и животы его розграбили, и гостя Василья Шорина грабили, а сам Василей одва ушол; а то деялось в пятницу на суботу, а в суботу государь выдал от себя с Верху на Пожар миру Леонтея Плещеева, и его Леонтья миром убили. И как его Леонтея убили, и в те поры всякие люди пошли по всей Москвы боярских дворов грабить и жечь. И выгорела Москва от Неглины до Чертольских ворот, и не осталось в Белом городе ни единого кола, толко осталось в Белом городе у Трубы около Петровского Павлов монастырь, дворов с триста; а за городом за Чертолскими вороты слободы выгорели до Земляного города; а в Китай перекинуло с Неглинского мосту, и выгорел кружечной двор. А в суботу грабили боярские дворы, в Китае боярина князя Никиты Ивановича Одоевского да боярина Михайла Михайловича Салтыкова, а в Белом городе, на Дмитровке, боярина и дворецкого князь Алексея Михайловича Львова, да боярина и оружничего Григорья Гавриловича Пушкина, да боярина князь Михайла Михайловича Темкина, да боярина Глеба Ивановича Морозова, да на Петровской улицы боярина Федора Борисовича Долматова Карпова, дворян Баима Болтина да Василья Толстого, и всяких дворян грабили с сорок и болши. А Петра Траханиотова казнили на Пожаре, во вторник, голову отсекли, а боярин Борис Иванович был сослан в Кирилов монастырь. А у дел сидел в Полате[2] с бояры боярин Никита Ивановичь

---

[1] В XVI и XVII вв. царский дворец назывался «верхом» вследствие того, что князья и цари жили в верхних ярусах дворца.

[2] Заседания Боярской думы происходили в одной из комнат Кремлевского дворца, при Алексее Михайловиче чаще всего в «Перед-

Романов с товарыщи, а в Стрелецком приказе сидел боярин князь Яков Куденетовичь Черкасской, Иноземской приказ и Новая Четь ему ж была приказана.

Полное собрание русских летописей, т. 4, стр. 339—340.

8. Описание восстания в Москве в 1648 г.

(Из Нового летописца по списку Оболенского)

О грабеже боярских дворов и убиении их, и о смятении Московском, и о пожаре

7156 же году Июня 1 день, в пяток, разграбили черные люди на Москве двор боярина Бориса Ивановича Морозова, двор окольничего Петра Тихонова сына Траханиотова, двор Посольского думного диака Назарья Чистого и самого Назарья убили до смерти, двор земского судьи Левонтья Плещеева. Июня же в 3 день, в субботу, было на Москве велие смятение, приходили посадские и всякие черные люди скопом на дворец с великим невежством, и Государю били челом жестоким челобитьем на Левонтья Плещеева во многих его обидах и продажах напрасных к ним земским людем и просили его убить до смерти. И по государеву указу отдан им земским людем Левонтей Плещеев голо-вою; они же выведши его на Пожар[1] к лобному месту, убили всем народом каменьем и палками до смерти, и после того оних розграбили многие боярские дворы, и окольничих и дворянские и гостинные. И того же числа в 9 час. дня загорелось в Белом городе на Петровке, и от Неглинны до Чертольских ворот все выгорело без остатку, и за городом за Никитскими вороты от Федоровскаго монастыря все слободы и церковь Николы Чюдотворца Явленского и стрелецкия слободы за Арбатскими и за Чертольскими вороты, до Землянаго города, и Государев остожной двор, все выгорело. И по сих немногим днем прешедшим, казнили окольничего Петра Траханиотова, на Пожаре голову отсекли, по их же черных людей челобитью. Июня же в 12 день, за час до дни, по Государеву указу сослан в Кирилов монастырь Белозерскаго боярин Борис Иванович Морозов, по их же черных людей челобитью. После Бориса Ивановича Государь указал Стрелецкой приказ ведать боярину князю Якову Куденетовичу Черкаскому.

ней палате». Отсюда происходит выражение «сидеть у дел в палате» в смысле участвовать в заседаниях Думы. В данном случае упоминание Н. И. Романова указывает на то, что последний стал «первосоветником» (председательствующим) на заседаниях Думы в отсутствии царя. От имени «первосоветника» писались приговоры Думы.

[1] На Красную площадь.

О рождении Царевича Дмитрия Алексеевича и освобождении из ссылки боярина Бориса Ивановича Морозова

7157 году Октября в 22 день, в неделю, родился благородный государь царевичь Дмитрий Алексеевичь. Того же месяца Октября в 26 государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Росии пожаловал для своей Государевы радости, что бог ему государю подаровал Царевича Дмитрия Алексеевича, указал быть к Москве боярину Борису Ивановичу Морозову из подмосковной его вотчины из села Павловскаго[1]. Как он сослан был в Кирилов монастырь, по челобитью посадских и всяких черных людей, и из Кирилова по государеву указу переведен был в Тверской уезд, жил в вотчине своей на Городне[2], а с Городни приехав в подмосковной своей вотчине в селе Павловском жил, а из Павловскаго Государь указал быть к Москве. Тогож дни дарили государыню царицу святейший Иосиф Патриарх Московский и всеа Росии и власти, бояря и окольничие, думные и всяких чинов люди. В той же день у государя стол был по Грановитой, у стола были святейший Иосиф Патриарх, власти и бояря все без мест.

О сказке боярину князь Якову Куденетовичу Черкаскому и не велено с двора съезжать

Тогож месяца Октября в 31 день, по государеву указу, боярину князю Якову Куденетовичу Черкаскому Стрелецкого приказу ведать не велено и с двора в город съезжать невелено ж. Приезжал к нему с сказкою на двор в 4 часу ночи думной диак Иван Гавренев; Стрелецкий Приказ Государь указал ведать боярину Илье Даниловичу Милославскому.

Временник Московского общества истории и древностей российских, кн. 17, стр. 193—195.

9. Описание восстания в Москве в 1648 г.

(Из «Летописи о многих мятежах»)

Тогож году (1648) июня во 2 день бысть волнение, а восташа чернь на бояр; к ним же присташа и служилые люди, и бысть межъусобица велика, приидоша ко двору государеву с шумом, просяще побити изменников. Государь же их повеле спросити, кого они ведают изменников. Они же кри-

---

[1] Родовая вотчина Морозовых — с. Павловское в Звенигородском уезде.

[2] Родовая вотчина Морозовых — с. Городен в Тверском уезде.

чаху: дай нам убити Бориса Ивановича Морозова, Леонтья Плещеева, Петра Траханиотова. И того дни государь не дал ни одного. Они же мятежники начаша дворы боярские грабити; в начале двор боярина Бориса Ивановича Морозова, потом в Китае двор Назарья Чистаго, того тут и убиша, двор Василья Шорина, двор Никиты Одоевского, двор князь Алексея Михайловича Львова, и иные многие дворы. На другой день убиша миром Леонтья Плещеева, а Петра Траханиотова казниша на Пожаре. В тож время бысть пожар велик, загореся на Трубе двор, и начат горети не в одном месте, и погоре от Неглинныя до Чертольских ворот, все бысть аки поле, и едва установися такое волнение.

«Летопись о многих мятежах», 1788 г., стр. 357—358.

10. Описание восстания в Москве в 1648 г.

(Из хронографа третьей редакции по списку В. Ундольского)

Того же лета (1648) июня во 2 день великий государь ходил за кресты в ход с патриархом и со всем освященным собором в монастырь Сретенской, тогда же всенародное множество людей били челом государю будто на ведомового вора на Леонтья Плещеева, и потом возмятошася народи по действу дияволю и пограбиша многие боярские и окольничих и ближних и думных и дьячьи и гостиные дворы. В тот же день убили думного дьяка Назарья Чистово, на утрее в 4 часу дни убили Леонтья Плещеева. В тот же день загорелося меж Петровки и Дмитровки и выгорело в Белом и за городом от Петровских ворот до Москвы реки. Того же месяца в 5 день казнили окольничего Петра Тихановича Траханиотова в 9 часу дни.

А. Попов, Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции, Москва, 1869 г., стр. 247—248.

11. Рассказ о побеге и поимке П. Т. Траханиотова

(Из «Книги о чудесах пр. Сергия» Симона Азарьина)

О обидящих святыя места и о гневе божии

Не мочно ж и сего молчанию предати и чюдеси святаго в забвение положити, яже содеяся не в давных летех. Бысть некии велможа[1], обычай же его суров бяше, паче ж

---

[1] «Некий вельможа» — П. Т. Траханиотов. Это устанавливается на основании дальнейшего рассказа о его побеге и казни в Москве.

и корысти желатель бяше, мало имыи в себе страха Божия; но присно ум его простираяся, идеже бы откуду корысть приобрести, и отчины за себя присягнути, и крестьян чюжих за себе посадити[1]; то бяше исправление жития его. На обитель же Сергиеву, иже в ней славится имя пребезначальныя Троицы и пречистые богородицы, и преподобным чюдотворцем Сергию и Никону молебное пение приносят, зело нелюбие держа. Нецыи отчины Сергиевы за себя взяв на мену, властем на его душу полагающимся в крепостях, искус над ними сотворив, не ведая злохитрия в нем; той же последи многи убытки монастырю сотворив, яко не бояся бога. Тако ж и к монастырским слугам во мнозех искех приставливая напрасно, и во многия неискупимыя беды вверже, яко на глум себе таковое богатство приобретая, и крестьян из вотчин Сергиевых за себе сажая, и во грех себе тово не вменяя; властем же не могуще противу его ничесож сотворити, понеж мочь его велика бяше. Многажды же и на самую чюдотворцову Сергиеву обитель в высокоумии своем похваляясь и глаголя, пресужая прежних властей, ту бывших, строение и хотя некое новое строение учинити во обители Сергиеве, не по чину прежних уставов, яже устроиша многими леты прежние государи цари и великие князи по своему царскому разсмотрению и по завещанию самого святаго чюдотворца Сергия, како в житии его написано, иже и доселе соблюдается и неизменно то сотворяется. И в таковых его помышлениих неколики времена проидоша. Яко же нецыи боголюбивии сказаша, трикраты подвиг его бысть, еже в Троицкой монастырь ехати, и трикраты возбранен бысть некоим промыслом божиим: ово очною болезнию удержан бысть, ово ж от Сергиева образа свеща свалися и попали ему браду; третицею ж на Украйную службу повеление прием от самодержца. И не ускори путем поехати, зане суди ему бог вскоре на уготованном месте мзду дела его восприяти. Не едины бо Сергиевы сироты слезы на него излияша, но и весь и мир стоняше ко Господу Богу от обид его, и уже зълобе его исполнися время, и мнози слезы ото всего мира излияшася ко всевидящему оку. В лета 7156 году, на праздник святыя Троицы, во время божественныя литоргии, ставящу ему у преподобнага Сергия у раки свещу, и елико поставляше, толико падаше из рук его на землю[2]. Он же срамом об-

---

[1] П. Т. Траханиотов укрывал у себя чужих крепостных крестьян.
[2] П. Т. Траханиотов сопровождал царя во время поездки в Троице-сергиевский монастырь во время праздника троицы; царь выехал из Москвы 17 мая.

нявся, отдав свещу иноку ту стоящему, и отшед, ста на месте, лице на нем изменяшесь. Стоящии ж ту иноци и миряня зряще на него удивишася, како лице на нем пременися, и глаголаше межи себе: что се будет? И свещи, глаголаше, яко не изволил чюдотворец Сергии от него прияти. Обычай бо есть мира сего людем: от кого любовь и доброту приимают, или зло от кого и напасти терпят, на того образ паче всех людии взирают и очи свои неуклонно содержат; якож и зде сия случися. И по десяти днех отшествия его от обители, в Московском государстве чернии людие яко без ума возшаташася, и взволновавшеся, пограбившие домы многих бояр; иных же честных людей и побиша. Поче же гневом божиим в то время мятежное пожар велик учинись; мнози от человек згореша. Сему ж с Москвы бежавшу Ярославскою дорогою[1], посланнии ж по нем догнавше его под Троицким монастырем, поимавше его и приведоша в Троицкой монастырь. Иже преже не попусти ему бог гордым образом со злобою судити монастырь Сергиев, ныне же вси узреша его, неволею приведена во смиреннем образе. Той же воспомянув свой грех, плакав пред всеми, и у преподобнаго Сергия раки припадая, вопияше во услышание всем рыдая и захлипаяся, и виновна себя к его обители нарекая. И отшед от Сергиевых мощей, видев им же некогда злобу и убытки сотворил, пред сими прощаяся со слезами; тако ж и перед властьми прощения прося, паче же прося покаяния, исповедатися о гресех. Вси же священницы отрекающиеся на покаяние прияти, страха ради належащаго, иже на Москве, и яже поречения на него поносных слов. Келарь же умоли приставов о нем и от своея келии послав священноинока, именем Аврамия, и повеле его в церкве святыя Троицы исповедати. И ту получив покаяние, в день воскресныи, веден бысть к Москве, и во утрии тамо Сергиеве отчине в селе в Ростокине тем же Аврамием священником причащен бысть телу и крове Христовы, и того же дни на Земском дворе от черных людей убиен бысть, сподобився покаяния и причастия прияти милостию преподобнаго Сергия.

«Книга о чудесах пр. Сергия» («Памятники древней письменности», XX, 1888 г., стр. 123—125). Сочинение принадлежит келарю Троицкого монастыря Симону Азарьину, литературная деятельность которого падает на промежуток времени от середины сороковых до середины пятидесятых годов XVII в. Ему приписывается также «Повесть о разорении Московского государства».

---

[1] Троице-сергиевский монастырь находился на Ярославской дороге (Москва — Ростов — Ярославль), являвшейся в XVII в. одной из самых оживленных по движению дорог.

12. Письмо Семена Колтовского

Государю моему дядюшке Перфилью Ивановичю Сенька Колтовской челом бьет: пожалуй, государь дядюшка Перфилий Иванович, прикажи ко мне писать о своем многолетном здоровье, а мне про твое здоровье слышечи о бозе радоватца да слышал я, государь дядюшка, что ты велишь крестьяном моим пахать пашню на подасинской земле, а хочешь их за себя вывесть, и нынеча государь милостив, сильных из царства выводит, сильных побивают ослопьем да каменьем, и ты государь насильства не заводи, чтоб мир не проведал, а надежа ваша с Иваном Владычкиным[1] вся переслылась, и вы не надейтеся. Нонеча кому вы посул давали, совсем они пропали и лебеди твои остались у Бориса Морозова, а Назарей Чистой и с деньгами пропал.

А. Н. Зерцалов, Новые данные о Земском соборе 1648—1649 гг., стр. 50—51. Письмо было написано Семеном Колтовским вскоре после восстания в Москве своему дяде Порфирию Колтовскому. Последний в июле этого же года (точно число неизвестно) представил письмо с доносом на племянника в Разрядный приказ. 27 июля Порфирий Колтовский во время расследования показал, что письмо ему было доставлено около двух недель назад. Семен Колтовский сознался в написании письма. Он был сослан в Сийский монастырь с запрещением писать, иметь чернила и бумагу. Семен Колтовский имел поместье в Каширском уезде.

13. Сказка томского казака Ивашки Лаврентьева

Подал князь Осип Щербатой письмо про сказку Томскаго казака Ивашка Лаврентьева, что де он сказывал, пришед из Нарыма, Илье Бунакову про Московскую смуту, а сказывал де те вести во 157 году, а в письме пишет: Декабря в 28 день пришел из Нарыма Томской казак Ивашко большой Лаврентьев и пришед на двор к Илье Бунакову, и Илье рассказывал про московския вести как он был Ивашко в Нарыме, и при нем де к Ивашке пришли в Нарым из Сургута сургутские казаки и ему Ивашку и нарымским многим людям сказывали московския вести, что на Москве учинили чернь и стрельцы над бояры и над многими людьми и как домы грабили и побивали, как сошлись к нему, Илье, советники его Осташка Люпа, Тимошка Хромой, с товарыщи и иные многие люди, и он, Илья, его Ивашковы вести сказывал всем людям в слух: на Москве чернь стала в скопе и бояр побили, и хотели де боярина Бориса Морозова убить, а Ивановича не молыл[2], а домы де многих грабили,

[1] Дьяк Поместного приказа Иван Владычкин.

[2] Т. е. сказал: «Борис Морозов», не прибавляя отчества Иванович, что по отношению к боярину было признаком большого пренебрежения.

а здеся де не вдорого[1] меня Оську с товарыщем с дьяком с Михайлом Ключаревым да Петра Собанскаго с товарыщи убить, и домы наши разграбить все, а на Москве де государь сам выходил на Лобное место — упрашивал де его у черни Бориса Морозова, чтоб де его не убили и для того его Бориса Морозова велел сослать на Белоозеро, а как де приехали к Москве челобитчики Федька Пущин с товарыщи, в самое смятение, как всколыбалася чернь на бояр, и их де, Федьку Пущина с товарыщи, распрашивал государь сам и жаловал де их сукнами да дорогами и дано де им государево жалованье корм большой, и выход. Из Ильина двора вышел Бунакова казак Карпунька Сухорук, и те его Ильины слова сказывал моему Оскину человеку Мотюшке Петрову и служилым многим людям сказывал же, да того ж числа вышедчи из его ж Ильина двора на базар, сказывал многим людям пеший казак Медведко Пешник да дети боярские Григорий Пущин, да Роман, да Василий Старковы да казаки Василий Якимов, да Семен Вязига, подьячий Иван Кинозеров, сказывали те ж речи, а слышали де они у Ильиных советников у Ивашка Попадейкина с братом его меньшим, да у Максимка, да у брата его Ивашка Аргуновых, да у многих Ильиных советников те же речи, а сказывают, что они те слова слышали у него, Бунакова. Подписал князь Осип Щербатой.

На обороте помета:
160 г. декабря в 16 день, подал на очной ставке князь Осип Щербатой.

А. Н. Зерцалов, К истории мятежа 1648 года в Москве и других городах, Москва, 1896 г., стр. 33—34.

14. Сыскное дело Андрюшки Ларионова

И Ондрюшка Калинин в роспросе сказал: слышал де он часы за полтора до вечера генваря в 4 день[2] от стрельца от Ондрюшки Ларионова, был де он Ондрюшка у боярина у князь Якова Куденетовича Черкаского на дворе и слышал он от князь Якова Куденетовича и от племянника ево от князь Петра, как к нему приходили четыре стрельцов, а сказывали де ему князю Якову Куденетовичю те стрельцы: быть де замятне в Крещенье как государь царь пойдет на воду[3], тако же мужиков побивать, а кому мужиков поби-

[1] «А здеся де не вдорого» в смысле не трудно. Кн. Осип Щербатый был в это время воеводою в Томске.
[2] 4 января 1649 г.
[3] В праздник «крещенья» 6 января каждого года совершался торжественный крестный ход с царем и патриархом на Москва-реку.

вать и он Ондрюшка от Ондрюшки Ларионова ничево не слыхал.

Аврамова приказу Лопухина[1] стрелец Микитка Степанов сын Бурдук в роспросе сказал: слышал де он Микитка от Ондрюшки Ларионова, как де был он Ондрюшка на дворе у князь Якова Куденетовича и слышал от него такие речи, что быть в Крещенье смятенью такому ж, что было. А присылал де князь Яков Куденетович по него Ондрюшку и велел к себе быть на двор и ево де Ондрюшку допрашивал, что де Ондрюшка у вас думают, и он де Ондрюшка ему князь Якову сказал те ж речи, что ему сказывали стрельцы четыре человека. А стрельцы де четыре человека у князь Якова Куденетовича на дворе были. А больши того он Микитка от него Ондрюшки и ни от кого ничево не слыхал.

И того ж числа государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии слушав Микитки Евлампеева извету и Ондрюшки Ларионова да Ондрюшки Калинина да Микитки Бурдука роспросных речей указал тех стрельцов роспрашивать накрепко всем бояром.

И Микитка Евлампеев перед бояры в роспросе сказал прежние ж свои речи, что в ызвете своем сказал.

А Ондрюшка Калинин да Микитка Бурдук с Ондрюшкою Ларионовым с очей на очи ставлены, а сказали прежние ж свои речи, что они от Ондрюшки Ларионова такие речи слышали.

И того ж числа по князь Яковлева человека Куденетовича Черкаского по Матюшку Новокрещена посылал голова.

И Матюшка Новокрещен перед бояры допрашиван по какова стрельца он Матюшка генваря в 4 день посылал ли и будет посылал ли и для чего по стрельца посылал и хто ево посылал.

И Матюшка Новокрещен в роспросе сказал: по стрельца де он не хаживал и нихто ево не посылывал и смотря на стрельца сказал, что он того стрельца не знает.

А стрелец Ондрюшка Ларионов сказал, что он Матюшка по нево Ондрюшку приходил и грамотки он Ондрюшка от князь Петра и матери писал о здоровье, а иново де больши того в грамотках ничево не писано.

Того ж числа староста стрелецкой сказал: слышал де он от Ондрюшки Ларионова, что будет грех на Крещенье, а то де он Ондрюшка у боярина у князь Якова Куденетовича слышал.

---

[1] Стрелецкого приказа Авраама Лопухина.

И староста стрелецкой с Ондрюшкою с очей на очи ставлен и Ондрюшка во всем запирался, а говорил прежние ж свои речи.

Того ж числа стрелец Данилко Моисеев сказал: сказывал де ему стрелец Ондрюшка: был де он на дворе у князь Якова Куденетовича, а сказывал ему князь Яков прежние ж свои речи, что слышал он от стрельцов, быть де на Крещенье смятенью, да и иные де стрельцы те речи от него Ондрюшки слышали.

Да Матюшка ж Новокрещен допрашиван, посылал ли он по стрельца по Ондрюшку Ларионова, чтоб он про то сказал правду.

И Матюшка Новокрещен сказал: говорил де он Матюшка стрельцу Данилку Моисееву, чтоб он Данилко прислал стрельца Ондрюшку Ларионова для письма и Ондрюшка де у князь Петра был, только де он Матюшка того не ведает, для чево он Ондрюшка у князь Петра был.

Пятидесятник Гарасимко Черной сказал: слышал де он от стрельца от Микитки, как он Микитка говорил стрельцу ж Ондрюшке и то де ведает боярин князь Яков Куденетович хто к нему приходил.

И того ж числа Ондрюшка Ларионов пытан, а с пытки говорил, что он Ондрюшка такие речи говорил затеев собою в пьянстве, а от боярина де от князь Якова Куденетовича ничево не слыхал.

Да он же Ондрюшка клещами зжен, а сказал прежние свои речи, что затеял собою, а ни от кого не слыхал, а говорил спьяна.

И генваря в 5 день Ондрюшка Ларионов отдан за пристава[1].

А Мишка Евлампеев да Ондрюшка Калинин и Данилко Моисеев выпущены безпоручно.

А Матюшка Новокрещен отослан на двор к боярину ко князю Якову Куденетовичю Черкаскому.

157 г. генваря в 20 день у пытки стрелец Ондрюшка в роспросе сказал, что он того дни он у князя Петра писал грамотки к ... а князя Якова не видел, а те слова говорил пьян собою, а ни от ково про то не слыхал.

И 157 г. генваря в 29 день бояря сего дела слушали и приговорили: стрельца Ондрюшку Ларионова за его воровство казнить язык вырезать и сослать в новое городище на черту на житье.

Государственный архив феодально-крепостной эпохи. Приказные дела старых лет, 1649 г., № 20. Начала сыскного дела не сохранилось.

---

[1] Посажен в тюрьму.

И того ж дни стрелец Ондрюшка кажнен, язык у него урезан.

15. Сыскное дело Савинки Корепина

...И государь царь и великий князь Алексей Михайловичь всеа Русии указал про то коломнетина Ивана Пестова и сокольников и того мужика Савинка роспросить, и с очей на очи с ними ставить и про тот воровской завод сыскивать бояром князю Алексею Никитичю Трубетцкому да Григорью Гавриловичю Пушкину да думному диаку Михайлу Волошенинову.

И по государеву указу, коломнетин Иван Пестов и сокольники и тот мужик роспрашиваны порознь, а в роспросе сказали:

Коломнетин Иван Пестов в роспросе сказал: генваря в 17 день был у него на подворье закладчик боярина Микиты Ивановича Романова Савинко Иванов Корепин и говорил: как де я был за боярином за Микитою Ивановичем, и мне де было добро, а ныне де меня взяли за государя, и мне де недобро. А зделали де то бояре Борис Иванович да Илья Данилович[1]. И от того де промыслу ходить нам по колени в крови, а бояром де Борису Ивановичю Морозову да Илье Даниловичю Милославскому и друзьям их быть побитым каменьем. И он де Иван ему Савинку против тех его воровских речей говорил, что он мужик такие непристойные речи вракает, только де государь изволит, и мы вас всех побьем. И тот де мужик молыл: мы де вас всех из ызб побьем ис пищалей, а хо-

---

[1] Савинка Корепин был закладчиком у боярина Н. И. Романова. Б. И. Морозов возвратился в Москву 26 октября 1648 г. 30 октября представители посадского населения на Земском соборе (выборные от гостей, гостиной и суконной сотен, московских черных сотен и слобод и городовые торговые посадские люди) подали челобитную о возвращении в посад закладчиков, бывших за патриархом, монастырями, боярами, служилыми людьми и пр., а также всех торговых и промышленных людей, живших около посада в слободах и не записанных в посадское тягло. 13 ноября состоялся по этой челобитной царский указ с боярским приговором об отписке частновладельческих слобод, возникших с 1613 г. и находившихся около посадов, и о возвращении в посад закладчиков. 25 ноября вследствие нового заявления выборных представителей Земского собора последовало решение об отписке слобод и о возвращении в посад закладчиков «без лет и без сыску, где кто ныне живет, чтоб впредь слободам со крестьяны и с бобыли и с закладчики, с торговыми и ремесленными людьми, на Москве и в городех, всем быть его государевым» (А. А. Э., т. 4, № 32). Закон об отобрании слобод и закладчиков вошел в XIX главу Соборного уложения.

лопи де ваши все с нами ж будут. И он те мужичьи речи сказывал сокольнику Парше Тоболину.

Да тот же де Савинко был у него Ивана на подворье генваря в 18 день, и говорил при сокольниках при Паршутке Тоболине да при Бориске Бабине, про государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии непригожие речи, государь де молодой глуп, а глядит де все изо рта у бояр у Бориса Ивановича Морозова да у Ильи Даниловича Милославского, они де всем владеют, и сам де он государь то все ведает и знает да молчит, чорт де у него ум отнял. Да слышал де я от людей боярина Микиты Ивановича Романова, и сам про то подлинно ведаю, говорил де боярин Микита Иванович, что хотят сослать боярина князя Якова Куденетовича Черкаского. И он де к нему приказывал, подай де мне весть, и я де выеду на лобное место, и за нас де миром станут.

Сокольники Паршутка Тоболин да Бориско Бабин в роспросе сказали: генваря в 8 день были они у коломнетина у Ивана Пестова, да у него ж Ивана был мужик Савинко Иванов, и говорил он Савинко про государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии непригожие речи, боярин де Борис Иванович Морозов делает умыслом, будто он ныне ничем не владеет, а дал де владеть во всем боярину Илье Даниловичю Милославскому. Да и государь де то все ведает, и знает да молчит, чорт де у него ум отнял. А боярина де князя Якова Куденетовича Черкаского хотели сослать, и подводы де под него были готовы, а не сослали де его боясь нас, для того что мир весь качаетца. А как де его станут посылать и боярин де Микита Иванович Романов хочет выехать на лобное место и учнет миру говорить и мы де за него всем миром станем. А бояр де Бориса Ивановича Морозова да Илью Даниловича Милославского побьем до смерти, да и тем де у нас достанетца, которые и руки прикладывали. А побивать де мы станем не все сами, есть де у нас много ярыжек, которые у нас живут, от тех де и почин будет. А в том де заводе и все с нами, да и стрельцы де которые рук не прикладывали, с нами ж[1].

---

[1] Повидимому имеется в виду подписка под заявлением о возвращении из ссылки Б. И. Морозова. См. донесение Поммеренинга королеве Христине от 31 октября (стр. 42 настоящего сборника). С. Коллинс по поводу ссылки и возвращения в Москву Б. И. Морозова писал: «Народ роптал на новые налоги, обвинял Бориса и решительно требовал его у царя, который, не зная что делать и желая спасти жизнь Бориса, целовал крест и клялся, что Борис уже никогда ко двору не возвратится. Это на время успокоило древнее дворянство.

И Савинко Иванов против извету Ивана Пестова и сокольников роспросу допрашиван, а в роспросе в том во всем запирался.

Да на того ж Савинка извещали государю брянские стрельцы Олешка Сухоногой с товарыщи три человеки, которые ... у него Савинка на дворе, и те стрельцы роспрашиваны ж. А в роспросе Олешка Сухоногой сказал, что в прошлую де середу, как государь был в объезде на Вяземе, генваря в 10 день обедал де у того Савинка Ордынской слободы сотцкой Олексей Масленик. И он де Савинко при нем Олексее говорил: выедут де на лобное место бояре Микита Иванович Романов да князь Яков Куденетович Черкаской, и к ним де припадет весь мир, и свиснут де и велят грабить и побивать. И сотцкой де Олексей Масленик молыл: ково де грабить и побивать? И Савинко де говорил, что учнут грабить и побивать бояр Бориса Ивановича Морозова да Илью Даниловича Милославского и иных. И тот де сотцкой Савинку молыл, что де вракаешь, государева де крестного целованья стрельцы и они не нарушат, вперед де таких речей не вракай. А он де Олешка в те поры лежал на полатех. Да те ж де речи и после его Олешки слышали от того Савинка брянские ж стрельцы Олешка Максимов да Власко Иванов.

А Олешка Максимов в розпросе сказал, что в середу генваря в 10-й день у Савинка Иванова Олексей Масленик обедал. И при нем де Алексее тот Савинко говорил: еще де у нас быть замятне и кроволитью великому, выедут де на лобное место бояре Микита Иванович Романов да князь Яков Куденетович Черкаской, и к ним де пристанут все люди и учнут побивать и грабить бояр Бориса Ивановича Морозова да Илью Даниловича Милославского и иных. И Олеша де Масленик ему Савинку молыл: покинь де такие речи говорить, стрельцы де к тому не пристанут и государева крестного целованья не нарушат.

Власко Иванов в роспросе сказал: сказывал де ему Олешка Сухоногой: есть де за ним государево дело на Савинка Иванова, говорил де тот Савинко воровские смутные речи, выедут де на лобное место бояре Микита Иванович Романов да князь Яков Куденетович Черкаской и к ним де пристанут стрельцы и всякие люди и учнут грабить и побивать бояр Бориса Ивановича Морозова да Илью Даниловича Милославского и иных. И он де Власко ему

Между тем тайными происками заставили народ просить о возвращении Бориса и без затруднения исполнили заказанную просьбу» (*С. Коллинс*, Нынешнее состояние России, перев. П. Киреевского, стр. 32).

Савинку говорил, для чего он такие смутные речи говорил. И тот де Савинко ему говорил, хотя он такие речи и говорил, а стрельцу Олешке Сухоногому от того ничего не даст.

И Савинко Иванов про те воровские речи допрашиван, а в роспросе в том во всем запирался.

А Ордынские слободы сотцкой Олешка Масленик в розпросе сказал, что после крещения господня в середу обедал он у Савинка Иванова и тот де Савинко говорил, быть де у нас замятне и кровопролитию великому, выедут де на лобное место бояре Микита Иванович Романов да князь Яков Куденетович Черкаской да князь Дмитрей Мамстрюковичь Черкаской да князь Иван Ондреевичь Голицын, и пристанут де к ним стрельцы и всякие люди и учнут побивать и грабить бояр Бориса Ивановича Морозова да Илью Даниловича Милославского и иных. И он де Олешка его Савинка унимал, что он вракает не делом, а стрельцы де помня государево крестное целованье к тому не пристанут. И Савинко де ему молыл: для де грабежу пристанут. И он де Олешка ему говорил, что такие речи говорит он не делом.

И Савинко Иванов с сотцким с Олешкою Масленикомиз брянскими стрельцы ставлен с очей на очи. И на очной ставке в том винился, что он такие воровские речи про замятню и про кровопролитие и про грабеж говорил спроста пьяным делом.

И государь царь и великий князь Алексей Михайловичь всеа Русии указал ехать к пытки всем бояром. И того мужика Савинка у пытки с теми людьми, которые на него извещали, поставя с очей на очи роспросить и пытать и огнем жечь накрепко, чтоб однолично про то доискатца подлинно.

И генваря в 19 день по государеву указу бояре все к пытке ездили и мужика Савинка Иванова у пытки розпрашивали, какими он обычеи и по чьему заводу и умышленью про государя непригожие речи и о замятне и о кровопролитье и о грабежу говорил, или от кого слышал, и будет слышал и от кого имянем.

И Савинко Иванов у пытки в роспросе и на очной ставке с Ываном Пестовым и с кречетниками говорил, что он в том перед государем виноват, про него государя такие непригожие речи, что извещает на него Иван Пестов, говорил сопьяна собою, а ни по чьему заводу и умышленью, а о замятне и о кровопролитье и о грабежу говорил потому ж собою, а ни от кого не слыхал.

И пытан Савинко накрепко и огнем зжон, было ему 33 удара и говорил с пытки прежние свои речи, что и до пытки в розпросе сказывал, что он про государя непригожие речи и о замятне и о кровопролитье и о грабежу говорил сопьяна собою, а нипочьему заводу и умышленью.

Да Савинко ж с пытки говорил, что нынешней зимы о Николине дни[1] сидел он у боярина у Микиты Ивановича на дворе в конюшне, да тут же де с ним сидели колодники вь его боярских делах Офонька Собачья рожа да унженцы человек з 10[2]. И он де Савинко с теми колодники говорил те ж речи, а они колодники с ним о том же говорили, что быть замятне и кровопролитью и грабежу.

И по государеву указу у боярина у Микиты Ивановича Романова те его колодники Офонька Собачья рожа, и Мясник и Фармос — он же с товарыщи 9 человек взяты и розпрашиваны.

А в роспросе Офонька Фармос сказал: Савинко де Иванов сын Корепин на боярском дворе с ними в железех[3] сидел и вино они у него пивали, а разговоров у них с ним Савинком никаких не бывало. А сидел де тот Савинко в передней избе, а они де колодники сидели в задней.

Кондрашко унженин сказал: Савинка де он Корепина знает, а сидел он в задней и речей от Савинка никаких не слыхал.

Гришка Степанов сказал: сидели они колодники все в задней, а Офонька Фармос да Кондрашко Узденик сидели в передней с Савинком Корепиным вместе, а он Гришка от Савинка никаких речей не слыхал.

Васька Палицын сказал: Савинка Корепина он знает, а сидел Савинко до него Васьки, а с ним сидели Офонька Мясник да Кондрашко Узденик, а достальные де колодники все сидели в задней.

Назарко Васильев сказал: сидел он в задней, а Савинко Корепин сидел в передней, а с ним сидел Офонька Фармос да Кондрашка Узденик. А на ночь де их запирали к ним же в заднюю, а речей он от Савинка никаких не слыхал.

Кондрашко Узденик сказал: Савинка Корепина он знает, и сидел с ним и вино у него пил, а речей от него Савинка никаких не слыхал.

---

[1] «Николин день» праздновался 6 декабря.

[2] Разговор происходил во дворе боярина Н. И. Романова, где в конюшне сидели арестованные.

[3] «В железех» — в кандалах.

Микитка Ермаков, Васька Степанов сын Плотник, Ивашко Осипов сказали: сидели они в задней, а Савинка Корепин сидел в передней, а речей от него никаких они не слыхали.

И Савинко Иванов Корепин с Офонькою Фармосом да с Кондрашком Узденикомставлен с очей на очи, и говорил Савинко, что он сидя скован с теми колодники с Офонькою и с Кондрашком такие речи о замятне и о кровопролитье и о грабежу говорил.

А Офонька Фармос и Кондрашко Узденик в том запирались, что они про то от Савинка не слыхали и сами с ним о том не говаривали.

И Васька Палицын с товарыщи семь человек отосланы на двор к боярину к Миките Ивановичю с сотником и с стрельцами того ж числа. А Офонька Фармос да Кондрашко Узденик отданы на караул стрельцом.

Да у Савинка ж Иванова сына Корепина взят на дворе зять его садовник Степашко Левонтьев, а в розпросе он сказал: какие де про государя непригожие речи и о замятне и о кровопролитье и о грабежу тесть его Савинко говорил, про то он ни про что не ведает и от него Савинка не слыхал, потому что живет у него на дворе в другой избе, а в день торгует на Болоте[1] хлебом, и в отъезд с Москвы для хлеба ездит по городом. А сказывал де ему брянской стрелец Офонька Беззубой, что хочет на тестя его извещать государево дело брянской же стрелец Олешка Сухоногой, а какое государево дело и что тесть его говорил, того ему не сказал. А он Степашко от тестя своего Савинка про государя непригожих речей и про замятню и про кровопролитье и про грабеж ничего не слыхал.

И генваря ж в 20 день по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии указу бояре все ездили к пытке и мужика Савинка Иванова у пытки розпрашивали, какими он обычеи и по чьему заводу и умышленью про государя непригожие речи и о замятне и о кровопролитье и о грабежу от кого слыша говорил, чтоб он про то сказал правду.

И Савинко у пытки в роспросе говорил прежние ж речи, что он в том перед государем виноват, про него государя непригожие речи говорил со пьяна собою, а ни по чьему заводу и умышленью, и о замятне и о кровопролитье и о грабежу также говорил собою, а ни от кого не слыхал и заводу никакова не ведает.

И пытан Савинко накрепко и клещами зжон, было ему

---

[1] «Болото» — рынок в Москве за Москва-рекою.

16 ударов. А с пытки говорил прежние ж свои речи, что он то все говорил со пьяна собою, а ни по чьему заводу и умышленью и ни от кого ничего не слыхал.

А Офонька Фармос у пытки же в розпросе сказал: как де Савинко Иванов сидел на дворе у боярина у Микиты Ивановича Романова в железех и в ту де пору он Савинко говорил: ныне де нас всех закладчиков емлют из-за бояр за государя. А как бы де боярина Бориса Ивановича Морозова убили и тово бы де всего не было, что закладчиков из-за бояр имать. А он Офонька ему Савинку про то ему ничего не говаривал, только те речи от него Савинка слышал. А Кондрашко де Узденик был в ту пору с ними ж в одной избе, только де сидел в другом углу. А слышал ли про то или нет, того он не ведает.

А Кондрашко Узденик у пытки ж в розпросе сказал, что он от Савинка Иванова никаких речей не слыхал.

А Савинко Иванов с Офонькою у пытки с очей на очи говорил, что он Савинко такие речи, которые на него сказывает Офонька Фармос, говорил собою ж, а от Офоньки де никаких речей не слыхал.

И Офонька Фармос да Кондрашко Узденик того ж числа отосланы на двор к боярину к Миките Ивановичю с сотником и с стрельцами.

А Савинко Иванов отдан голове стрелетцкому Артемону Матвееву. И бил челом Савинко, чтоб ему дать отца духовного. И бояре отца духовного дать ему велели.

И 157 г. генваря в 29 день бояря сего дела слушали и приговорили: его Савинка Иванова за его воровство казнить смертью.

И того ж дни тот Савинко кажнен — голова у него отсечена.

А вина его Савинкова чтена ему у казни такова.

Государственный архив феодально-крепостной эпохи. Приказные дела старых лет, 1649 г., № 19. Начала сыскного дела не сохранилось.

II. ВОССТАНИЕ В КОЗЛОВЕ (11 июня 1648 г.)

16. Челобитная города Козлова сына боярского В. Движкова, пушкарей В. Чеботаря, Карпика и Сеньки Милицыных, О. Бораборина и попа Якова о разграблении их во время восстания в Козлове и выписка из очных ставок

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу всея России бьют челом бедные и раззоренные холопи твои Козлова города сынчишко боярской Васька Движков, да пушкари Васька Чеботарь, Карпик да Сенька Милицыны, да Окиншик Бораборин, да нищий твой государев богомолец вдовый поп Яковища. В прошлом, государь, во 156 году, как было в Козлове смутное время многих людей били и дворы и лавки грабили, а нас, холопей твоих, в то же время били и увечили на смерть, и у меня, Васьки Движкова, дворишко и лавку, а у меня, Васьки Чеботаря, у Карпика Милицына, да у богомольца твоего лавки наши разорили и всякой живот наш и товары пограбили все без остатку. И по твоему государеву указу присылан с Москвы в Козлов твой государев стольник и сыщик Емельян Иванович Бутурлин и про то наше разоренье и про бой и про всякое их воровство сыскивал, и мы, холопы твои и богомолец твой, в то же время били челом тебе, государю, а сыщику подавали челобитныя на тех своих разорителей об очных ставках в своем разоренье, и очныя государь ставки были не со многими людьми, а многие, государь, воры, узнав свою вину, в то число из Козлова разбежались, и слались мы в виденьи, на тех людей, которые видели, как нас били и грабили и лавки наши разорили, и те, государь, люди допрашиваны; да я ж, холоп твой Васька Движков да богомолец твой поп Иякович, выняли с приставом во дворех у разорителей своих у полковых казаков у Василья Баранника да у сына его Ивана да у Ивана Киверникова с детьми грабежных своих животов: я, Васька, шубу баранью, а я, богомолец твой,

два чекменя яретных, и то поличное у сыщика записано, а те, государь, воры в то число ухоронились, а ныне они в Козлове переиманы и даны на поруки до твоего государева указу, а тот сыск и очныя наши челобитныя и допросныя речи присланы из Козлова к тебе, государю, к Москве в Разряд, а нам, бедным, в нашем разоренье твоего государева указу никакого не учинено, скитаемся и волочимся меж двор и помираем голодною смертью наги, и боси, и голодны, и одолжали великими долгами. Милосердый государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всея России! Пожалуй нас, бедных и разоренных холопей своих и богомольца своего, вели государь по тем нашим очным ставкам и по допросным речам и по поличному в тех наших грабежных животах и в увечье свой, государь, милостивый указ учинить, чтоб нам, бедным, и досталь в конец непогинуть и, бродя меж двор, голодною смертью не помереть и твоей государевой службы не отбыть, из Козлова розна не разбрестись. Царь, государь, смилуйся, пожалуй!

На обороте помета думнаго дьяка Разряда Гавренева:

157 г. сентября в 25 день, государь пожаловал, велел дать грамоту с очных их ставок из Разряду не мешкав и меж ими велел расправу чинить безволокитно.

Другая помета дьяка Разряда Ларионова:

157 г. сентября в 27 день. Дать государеву грамоту.

Васьки Движкова 100 руб. 13 алт. 2 деньги, бьет челом на 10 человек с товарыщи.

Васьки Чеботаря 403 руб. с полтиною, бьет челом на 6 человек.

Карпика Милицына 200 руб. 18 алт., бьет челом на 17 человек с товарыщи.

Сеньки Милицына 30 руб. с четью, бьет челом на 5 человек с товарыщи.

Акинфейка Тараборина 10 руб. с полтиною, бьет челом на 3 человека.

Попа Якова 531 руб. 1 алт., бьет челом на 6 человек с товарыщи.

И выписано из очных ставок Емельяна Бутурлина.

В прошлом во 156 году июля в 24 день принес челобитную в Козлове к Емельяну Бутурлину козловской вдовой поп Яков. Бьет челом государю на козловцов же на ведомых воров и на заводчиков, на сына боярскаго на Юшку Толмачева, на козловских стрельцов на Осипка Кондратьева сына Дружинина да на Никифорка Сенькина

пасынка Невезнева, да на полковых казаков на Сафонка Михайлова сына Кобузева, да на Ваську Яковлева сына Баранникова, да на его Васькина сына на Ивашка и на многих их товарыщей: в 156 году июня в 11 день, умысля тот Юшка с товарыщи своими воровски, в Козлове у многих людей дворы и лавки с товары грабили, и торговых и всяких многих людей побивали и метали в ров; и того ж де числа тот Юшка Толмачев с товарыщи с заговорщиками своими со многими людьми у дву его полулавок замки сбили и двери выбили и из той лавки животы его, деньги и всякие товары — книги, и платье, и ружье, и всякую рухлядь пограбили; а взяли из той его лавки животов его на 531 руб. на 30 алт. И государь бы его пожаловал, про те его грабежные животы велел сыскать, а по сыску по своему государеву Уложенью велел свой государев указ учинить. А на очной ставке с попом Яковом Юшка Толмачев, Сафонка Кобузев, Осипка Дружинин и в товарыщев своих место сказали, что они его, попа Якова, не бивали и не грабливали, тем де он, поп Яков, их клеплет.

А поп Яков слался в виденье на проезжих торговых людей разных городов, которые торгуют в Козлове: боярина Никиты Ивановича Романова на дворника на Клемена Шмака, да на нижегородца на Афоньку Борисова, на касимовцов на Степанка Федорова да на Давыдка Борисова, да на козловцов на таможеннаго дьячка на Ваську, да на нищаго на Сеньку Левонтьева в том, как тот Юшка Толмачев с товарыщи его поповы Яковлевы лавки грабили...[1].

А Юшка Толмачев с товарыщи на тех ссылочных людей по попове ссылке слались же.

А ссылочные люди, на которых поп Яков и Юшка Толмачев с товарыщи слались, сказали, что Юшка Толмачев с товарыщи у поповых лавок замки сбили, и двери выломали, и товары всякие из лавок разграбили.

В Козлове ж принес челобитную к Емельяну Бутурлину козловской пушкарь Васька Чеботарь — бьет челом государю на козловских на полковых казаков на Сафонка Кобузева да на Ваську Борисова да на сына его на Ивашка, на козловских стрельцов на Миная Каянкова, да на Устина Дружинина, да на козловца сына боярскаго на Юшку Константинова сына Толмачева. Июня в 11 день 156 году Сафонка Кобузев с товарыщи своими его, Ваську, на торгу били и грабили, кафтан на нем изодрали однорядошной, цена кафтану четыре рубля, да с него ж оборвали денег

---

[1] Фраза повидимому не кончена; в подлиннике так, как здесь напечатано.

два руб., да он же Сафонка, с товарыщи своими и с заговорщики у его Васькины лавки двери выбили и лавку его разорили — деньги и всякие товары разграбили, а животов его взяли денег и всяких товаров на 403 руб. с полтиною, и государь бы его пожаловал, велел про его Васькин бой и про грабеж сыскать, а по сыску свой государев указ учинить. А на очной ставке Юшка Толмачев с товарыщи, с Ваською Борисовым[1] сказали, что они Васьки Чеботаря не бивали и животов не грабливали, тем де он, Васька, их клеплет.

Васька Чеботарь слался на козловских торговых людей боярина Никиты Ивановича Романова на дворника на Климка Шмака[2], да на нижегородца на Офоньку Борисова, да на Микифорка Хозяинова, боярина князя Алексея Никитича Трубецкаго на крестьянина на Савку Лукоманова, на Степанка Назарова, да на Ваську Исакова, да на козловца на Прокофья Носова, на соборнаго дьякона на Григорья, на касимовцов на Ивашка Реухина, на Фильку Чеботаря, на Кондрюшка, да на Давыдка Борисовых, да на ряшан на Ваську Подпоринова, да на Дмитрия Подъяпольскаго, на Понкратка Покидова сына Фомина, в том как Юшка Толмачев с товарыщи его Ваську били и лавку его разграбили, а они то видели.

Юшка Толмачев с товарыщи слались в послушестве.

А ссылочные люди сказали: Климка Шмак, да Офонька Борисов — то они видели, как Ваську Чеботаря били, а кто его бил, и они тех не знают. Прокофий Носов, Степанко Назарьев, Васька Исаков сказали: битаго они Ваську Чеботаря видели, а кто его бил, того они не ведают, да Климка ж Шмак, да Степанка Назарьев, Васька Исаков, Афонька Борисов сказали, что Васькину лавку Чеботаря грабили Юшка Толмачев, Сафонка Кобузев с товарыщи.

Пушкарь Сенька Милицын бьет челом государю на козловских пушкарей на Алферка Кабанова, да на Софронка Юринского, да на Ермолку Золотаря, да на Захарка Сергеева, на Фролка Санникова с товарыщи: как де учинился в Козлове грабеж и мятеж, а его, Сеньку, в те поры те пушкари били и грабили, а грабежу его на 30 руб. с четью; и государь бы его пожаловал, в том его бою и в грабеже велел дать сыск и по сыску свой государев указ учинить.

А на очной ставке Ермолка Золотарь, Захарка Сергеев, Фролка Санников сказали и в товарыщей своих место, что они Сенька Милицына не бивали и не грабливали.

---

[1] В подлиннике ошибочно: «с Ваською Чеботарем».
[2] В подлиннике ошибочно: «на Ваньку Шмака».

И Сенька Милицын слался из виноватых на кабацкаго откупщика на Степанка Дрыкина, да на мельника на Проньку Безбородa, да на Степанка Германа в том, как его Сеньку били и грабили, а они то видели.

Алферка Кабанов с товарыщи на кабацкого откупщика на Степанка, да на мельника на Проньку, да на Степанка Чумака из виноватых слались же.

Акимко Тараборин бьет челом государю на козловских пушкарей на Алферка Кабанова, да на Софронка Юрина, да на Ермолку Золотаря. Июня в 11 день, собрався те пушкари Алферка с товарыщи, его, Акимка, били и грабили, а грабежом с него взяли на 10 руб. с полтиною; и государь бы его пожаловал, велел в том его грабеже и в бою Алферка Кабанова сыскать и распросить, и по сыску велел государь, свой государев указ учинить. А на очной ставке Алферка Кабанов да Ермолка Золотарь и в товарыщей своих место сказали, что его, Акимка, били, а не грабили. И Акимка Тараборин в битье и в грабеже слался из виноватых на пушкаря на Лаврушку Семенова, да на Ваську Нижегородца, да на Ваську Масленика в том, как его, Акимка, били и грабили. А Алферка Кабанов против Акимковы ссылки из виноватых слались же.

Козловец сын боярской Васька Движков бьет челом государю на козловских на полковых казаков на Сережку Павлова сына Малахова, да на сына его на Ивашка, да на Ивашка Васильева сына Баранникова, да на Ермолку Татарина, да на Михалка Гончарова, да на козловских же стрельцов на Исайка Иванова сына Козлова, да на Гришку Родионова сына Семенова, да на Гришку Завамахина, да на Федьку Бохолдина, на сына боярскаго на Митьку Чернова. Июня де в 11 день 156 году тот Сережка Малахов его, Ваську Движкова, били и грабили, а животов его Васькиных взяли у него на дворе его Васькина и жены его платья и запасу и всякой подворенной рухляди, и в лавке всяких товаров, и с него платья и денег сняли на 100 руб., на четыре гривны; и государь бы его пожаловал, велел про то их воровство и про грабеж сыскать, а по сыску велел бы государь свой царский указ учинить. А на очной ставке с Ваською Движковым Митька Чернов, Агапка Пашигорев, Осипко Дружинин с товарыщи сказали: не бивали де его и не грабливали, тем де Васька Движков их клеплет. И Васька Движков слался боярина Никиты Ивановича Романова на дворника на Климка Шмака, боярина князя Алексея Никитича Трубецкаго на крестьянина на Савку Лукоманова, да на нижегородца на Афоньку Борисова, на Климка Ананьина, на Ваську Исакова, на Сте-

панка Захарьева, на Ивашка Рябухина, на Федьку Борисова, на Кондрашка Григорьева, на Прокофья Носова, на Степанка Дрынина, на полковых казаков на Гришку Скоробогатова, на Якушка Бородина в том, как его Ваську били и лавку его и его самого грабили. А Сережка Малахов с товарыщи, на которых бил челом Васька Движков, сла-лись в послушество. А ссылочные люди сказали, на которых Васька Движков слался: Климка Шмак, Афонька Нижегородец, Васька Исаков, Степанко Назарьев сказали, то они слышали, что его Ваську в Полковой слободе били, а кто его бил, того они не ведают. Да Климка Шмак сказал, что Васькину лавку Движкова грабили Ивашка Баранников с товарыщи.

Пушкарь Карпунька Милицын бьет челом государю на козловцов на сына боярскаго на Юшку Толмачева, на полковых казаков на Сафонька Кобузева, на Ваську Боранникова, да на сына его на Ивашка, на стрельцов на Осипка Кондратьева, да на брата его на Демку Дружининых, на Гришку Самандакова, на Минку Осипова сына Янкова, на Сеньку Степанова с пасынком с Никифорком, на Андрюшку Хлусова, на пушкарских детей на Сидорка, да на Ивашка Барышевых, на пушкаря на Захарка. Июня де в 11 день 156 году били его, Карпика, и грабили тот Юшка Толмачев с товарыщи своими, которые в сей его челобитной написаны, да они ж Юшка его Карпикову лавку разломали и товар всякой из лавки его разграбили, а грабежу с него сняли и из лавки всяких товаров разграбили на 200 руб., на 18 алт. на 2 деньги. И государь бы его пожаловал, в бою в его Карпикове и в грабеже велел с теми ворами свой царской указ учинить. А на очной ставке Ивашко Карпов да Васька Микулин, и в товарыщей своих место сказали, что они Карпика Милицына не бивали и не грабливали. И Карпик Милицын слался из виноватых на Прокофья Носова, да на Ваську Подпоринова, на Климка Шмака, на Афоньку Борисова, на Савку Канинскаго, на Ваську да на Степанка Семеновых приказчиков Черкасова, на Ивашка Рябухина, на сапожников на Федьку да на Кондрашку, в том, как они его Карпикову лавку грабили, а они то видели. И Ивашка Карпов и Васька Микулин на тех ссылочных людей против Карпиковы ссылки Милицына слались же. А ссылочные люди, на которых они слались, сказали: то они видели, как Юшка Толмачов с товарыщи в Козлове лавки грабили.

А. Н. Зерцалов, К истории мятежа 1648 года в Москве и других городах, стр. 4—11.

17. Челобитная города Козлова сына боярского И. Северова о разграблении его во время восстания в Козлове и выписка из очных ставок

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу всея России бьет челом холоп твой бедной и разореной Козлова города сынчишка боярской Донской слободы Иваш-ко Северов. В прошлом, государь, во 156 году июня в 11 день, как, государь, учинилось мятежное время, и в те поры меня, холопа твоего, разорили и убили меня и женишко мое до полусмерти, и домишко мой разграбили совсем без остатку; и по твоему государеву указу посылан с Москвы стольник сыскивать Емельян Иванович Бутурлин, и про то наше разоренье и про бой сыскивал, и нас, холопей твоих, многих битых и грабленых переписывал и допрашивал и к очной ставке ставил, и с очной ставки слались на опчую правду, и та опчая правда допрашивана и те государь обыскныя и допросныя речи и очная ставка и опчая правда прислана к тебе, государю, к Москве в Разряд, и по тем обыскным и по допросным речам и по очной ставке и по опчей правде мне, холопу твоему, твоего государева указу не учинено и по ся мест. Милосердый государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всея России! Пожалуй меня, холопа своего беднаго и разоренаго, вели, государь, по тем обыскным и по допросным речам и по очной ставке, и по опчей правде в моем бою и в разоренье свой царской милостивый указ учинить, а бою государь и увечью моему и женишке моей что ты государь укажешь. Царь государь, смилуйся, пожалуй!

На обороте помета думнаго дьяка Разряда Гавренева:
157 г. сентября в ... день, государь пожаловал, велел выписать из обысков, что про него сказали.

И против сей челобитной выписано из очныя ставки Емельяна Бутурлина: в прошлом во 156 году августа в 6 день, принес челобитную в Козлове к Емельяну Бутурлину козловец сын боярской Ивашко Арефьев сын Северов на козловцов же Донския слободы на иноземцов же Самошку Семенова сына Белоуса да на сына его на Ваську, на Ивашка Лукьянова сына Дехтяря, да на Данилка Ермолова сына Каменскаго, на Ивашка Власова сына Бражина, да на детей боярских на Ивашка Кузмина сына Чернева, на Евсика Корсакова, на казаков на Тимошку Федорова сына Снеткова, да на Агапкова сына на Сеньку, да на татарина его на Ивашка с товарыщи. Июня в 11 день приходили к его Ивашкову двору Северова тот Самойлик Белоус с товарыщи, пришли скопом и заговором, умысля воровским

умыслом, двор его разорили и разграбили, деньги и платья и всякую рухлядь пограбили, и его, Ивашка, ослопьем били на смерть и жену его били и лаяли всякими позорными лаями, а животов его взяли денег и платья и всякой рухляди на сто рублев с полтиною; и государь бы его пожаловал, в том его грабеже и в его Ивашкове и жены его в бою и в безчестье велел дать сыск, и по сыску свой государев указ учинить.

А на очной ставке Самошка Белоус, Ивашка Смагин, Митька Чернев и в товарыщев своих место сказали, что они Ивашка Северова не бивали и не грабливали, и животов его не имывали, тем де он, Ивашка, их клеплет.

И Ивашка Северов слался из виноватых в виденье Донския ж слободы на попа на Ивана, на казаков на Потапка Герасимова, да на Ваську Шамова, да на детей боярских на Федьку Белогородца, на Афоньку Вязмитина, на черкашенина на Павлика Скорохова в том, как тот Самошка с товарыщи животы его Ивашковы грабили и у церкви продавали.

И Самошка Белоус с товарыщи на попа на Ивана и на казаков и на детей боярских и на черкашенина слались же.

А поп Иван и казаки Потапка Герасимов, Васька Шамов и сын боярской Федька Белогородец сказали: того они не видали, как его, Ивашка, били и грабили, да поп же Иван сказал: то он видел — у церкви на паперти холст да сумки его, Ивашковы, Самошка Белоус продавал.

А Потапка сказал: слышал де он от Самошки Белоуса, что он, Самошка, Ивашка Северова бил по недружбе. Васька Шамов[1] сказал: видел де он Ивашка Северова шубу на сыне боярском на Ивашке Толстоусе; Федька Белогородец сказал — Ивашка Северова битаго видел, и как продавали животы его, то он Федька видел же, да к той сказке поп Иван и руку приложил.

Козловцы дети боярские Митька Чернев да Ивашка Смагин и Самошка Белоус в Козлове даны на поруки.

На лицевой стороне по склейкам помета дьяка Разряда Григорья Ларионова:

157 г. октября в 6 день, дать государеву грамоту в Козлов, велети воеводе козловскому на Самошку Белоуса с товарыщи Ивану Северову дати в том его иску суд, и с суда велети сыскати и по суду и по

---

[1] В подлиннике написано: «Шамаев».

сыску велети Ивашку Северову в том его иску учинить по государеву указу.

А. Н. Зерцалов, К истории мятежа 1648 года в Москве и других городах, стр. 16—18.

18. Челобитная города Козлова сына боярского М. Филатова и стрельца И. Шеболдина об освобождении их из тюрьмы и выписка из сыскного дела

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу всея России бьют челом холопы козловцы козловец сынчишка боярской Мирошка Федоров сын Филатов, да стрельчишка Игнашка Иванов сын Шеболдин. Посажены, государь, мы, холопы твои, по твоему государеву указу в Козлове в тюрьму, а посадил, государь, нас, холопей твоих, твой государев прислальник Емельян Иванович Бутурлин в тюрьму, а из тюрьмы государь нас, холопей твоих, твой государев прислальник Емельян Иванович Бутурлин в распрос и к пытке приводил с твоими государевыми холопами с казаком Сафоном Кобызевым, да с Юшком Толмачевым, да с стрельцы с Григорьем Самандаковым, да Осипом Даншинкою и те твои государь холопы в распросе и с пытки с нас холопей твоих в том государеве деле смолыли, и ему, Сафону Кобызеву, да Юрью Толмачеву, да стрельцам Григорью Самандакову да Осипу Даншинку твой государев указ был, а нам, государь, холопам твоим, с тех мест по ся мест твоего государева указу никакого нет; сидя в темнице помираем голодною смертью, и твоей царской службы отбыли. Милосердый государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всея России! Пожалуй нас, холопей своих, вели государь нам, холопам своим, свой царский указ учинить: которые твои государевы холопи были в твоем государевом деле, и тем твоим государевым холопам указ есть, а нам, холопам твоим, никакого нет; не вели, государь, нам, холопам своим, занапрасно, в конец погинуть и своей царской службы отбыть. Царь, государь, смилуйся, пожалуй!

На обороте помета думнаго дьяка Разряда Гавренева: 157 г. ноября в 22 день, государь пожаловал, велел дать из тюрьмы на поруки.

Козловец сын боярской Мирошка Филатов да стрелец Игнашка Шеболдин в Козлове сидят в тюрьме.

А в сыску Емельяна Бутурлина написано: козловец сын боярской Юшка Толмачев в распросе и с пытки го-

ворил: как приехали в Козлов с Москвы козловцы Сафонька Кобузев, Гришка Самандаков, Оска Дружинин, и во всех людях смуту и мятеж учинили, и ослопной бой, и лавки грабили, и он, Юшка, пристал к ним же к тому ж воровству.

А Мирошки Филатова тут не было, а Игнашка Шеболдин приехал с Москвы после той смуты спустя с неделю. И Юшке Толмачеву учинено наказанье, бит кнутом и свобожен, а Сафонка Кобузев, Гришка Самандаков, Оска Дружинин вершены.

А. Н. Зерцалов, К истории мятежа 1648 года в Москве и других городах, стр. 20—21.

19. Челобитная города Козлова сторожевых казаков С. Деева и Г. Тишенина о разграблении их во время восстания в Козлове и выписка из очных ставок

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу всея России бьют челом холопи твои Козлова города сторожевые казаки Самсонка Деев да Гришка Тишенинов. Жалоба государь нам Козлова ж города на сторожевых казаков на Григорья Барыбина да сына его Андрея, да Ивана Зарытовскаго, да на Степана Филатова. В прошлом государь во 156 году завели они в Козлове завод и мятеж большой, а мы, холопы твои, помня твое государево крестное целованье, в такой их дурной совет не пошли, и они, Григорий да Андрей, да Иван, да Степан с своими товарыщи ввели нас к себе в круг у Николы в Сторожевской слободе и нас, холопей твоих, били и увечили и оборвали на мне Самсонке 7 руб. 15 алт. да ширинку миткалинную цена гривна; а на мне, холопе твоем Гришке, оборвали денег 7 руб. да крест серебряной промену две гривны, да ножик с опояскою, цена 5 алт. И в прошлом, государь, во 156 году, по твоему государеву указу, прислан был в Козлов стольник Емельян Иванович Бутурлин, а велено нам с теми заводчики давать очныя ставки, и мы на них били челом тебе государю, а в Козлове стольнику Емельяну Бутурлину подавали челобитную и по челобитным у нас с ними были очныя ставки, а твоего государеву указу нам неучинено, а иные их товарыщи от того дела из Козлова бегали и стольнику Емельяну Ивановичу не являлись, а мы холопи твои на них извещали извет и явки подали. Милосердый государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всея России! Пожалуй нас, холопей своих, вели государь по тем очным ставкам и по обыскам с теми за-

водчиками и мятежниками свой государев указ учинить в нашем бою и в обрыве, чтоб нам, холопам твоим, от их воровства и воровского заводу и мятежа впредь в конец не погинуть и твоей царской службы не отбыть. Царь, государь, смилуйся!

На обороте помета дьяка Разряда Ларионова:

157 г. января в 18 день, выписать из Емельянова сыску Бутурлина.

И выписано из очных ставок Емельяна Бутурлина: в прошлом во 156 году июля в 8 день принес челобитную в Козлове к Емельяну Бутурлину козловской сторожевой казак Гришка Иванов сын Тишенинов на козловских же на сторожевых казаков на Ивашка Данилова сына Зарытовскаго, на Степанка Орлова сына Филатова, на Гришку Никонова Борыбина, на Степанка Григорьева сына Филипова, на Никонка Андреева сына Гончарова, на Савку Дубенцова, на Матюшку Федорова сына Дрямова. Во 156 году, на третьей неделе Петрова поста, тот де Ивашка Зарытовской с товарыщи его, Гришку, били и грабили, а сняли с него денег 7 руб. 10 алт., да нож с мусатом цена 5 алт., да в ту ж пору били дочь его Анютку; и государь бы его пожаловал, на Ивашка Зарытовскаго и на его товарыщей велел дать сыск. А на очной ставке Ивашко Зарытовской, Степанко Черной, Гришка Барыбин и в товарыщей своих место сказали: его де, Гришку, и дочери его не бивали и не грабливали, а в том де они не запираются, хотел де Гришка Тишенинов их побить, и они де от себя боронилися.

И Гришка Тишенинов слался из виноватых на Прасковку Парфеньеву дочь да на Татьянку Иванову, на Оленку Федорову, на Ларьку Власова, на Елифатка Гаврилова в том, как тот Ивашка Зарытовской с товарыщи его Гришку и дочерь его били, а они то видели.

А Татьянка Иванова, Оленка Федорова сказали: то они видели — Ивашко Зарытовской, Стенька Филатов, Гришка Борыбин, Степанка Филипов, Никонко Гончаров, Савка Дубенцов, Матюшка Дрямов Гришку Тишенинова и дочь его били, а грабежа не видали.

Самсонко Деев бил челом на сторожевых же казаков на Степанка Григорьева сына Филипова, на Агапка Федорова сына Петрунина, на Гришку Борыбина с сыном с Андрюшкою, на Афоньку Дрямова с товарыщи: во 156 году июня в 14 день, тот де Степанко Филипов с товарыщи его Самсонка били и грабили и сняли с него денег 7 руб. 15 алт. да шапку, а в шапке был плат миткалинной цена гривна, да на него ж де взяли запись, что ему на них

не бить челом. А Степанко Филипов и в товарыщей своих место сказал, что они с ним, с Самсонком, столкнулись, а не грабили, и записи на него не имывали. Самсон ж Деев слался из виноватых Сторожевой слободы на Филимонка Юрьева, да на Миронка Юрьева Соловья, да на Еремку Петрова, да на Паршика Щербана, то де они видели, как его, Самсонка, били и грабили. А Степанко Филипов на тех людей из виноватых слались же.

А ссылочные люди, на кого Самсонко Деев и Степанко Филипов слались, сказали: то они видели, как Степанко Филипов с товарыщи Самсонка Деева били.

А дьячек сказал, что он запись на Самсонка Деева писал, и ныне де та запись у него Степанка с товарыщи.

А. Н. Зерцалов, К истории мятежа 1648 года в Москве и других городах, стр. 29—32.

20. Отписка стольника и воеводы В. С. Волынского

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всея России холоп твой Васька Волынской челом бьет: В нынешнем, государь, во 156 году июля в 17 день прислана твоя государева царева и великаго князя Алексея Михайловича всея России грамота ко мне, холопу твоему, за приписью дьяка Григорья Ларионова, а в твоей государеве грамоте написано: писал к тебе государю Роман Боборыкин, что козловцы дети боярские и стрельцы и казаки многие заворовали во всяких твоих государевых делах, учели быть ему, Роману, не послушны и хотели его убить до смерти, и он де, Роман, в Козлове, покиня жену свою и дети, от тех воров из Козлова отошел, бояся смертнаго убойства, и ныне живет в Ряжском, а для росписки и для отдачи всяких твоих государевых дел в Козлов ехать ему нельзя, а жена де его и дети и ныне в Козлове; и по твоему государеву указу велено мне, холопу твоему, город Козлов, и приписные острожки, и городовые и острожные ключи, и твою государеву денежную и зелейную казну, и свинец, и всякие пушечные и хлебные запасы, и списки служилым людям, и всякия дела и строельныя книги прежних воевод и Романова строенья Боборыкина земляному валу и всяким крепостям взять Козлова города съезжей избы у подьячаго у Михайла Шелковникова, и подьячий Михайла Шелковников мне, холопу твоему, сказал, что де он, Михайла, твоей государевы денежной и зелейной казны и свинцу и всяких пушечных запасов отдат не смеет потому, что сколько твоей государевы денежной и зелейной казны и всяких пушечных запасов, и

он де того неведает: как де поехал из Козлова Роман Боборыкин, и он де, Роман, книги приходныя и расходныя твоей государеве денежной и зелейной казне и книги строельныя земляному валу и всяким деревяным крепостям, и судныя вершеныя и невершеныя и всякия сыскныя приводныя дела взял с собою и живет в Ряжском, только де оставил он, Роман, книги строельныя и книги приходныя и расходныя, и поместныя прежних воевод, и ему де, Михайлу, твоей государевы денежной и зелейной казны и всяких пушечных запасов отдать не почему. И по твоему государеву указу, я, холоп твой, посылал в Ряжской к Роману Боборыкину подьячаго Михайла Шелковникова, а велел ему у Романа Боборыкина взять росписной список и книги приходныя и расходныя твоей государеве денежной и зелейной казне, и книги строельныя земляному валу и всяким деревяным крепостям и книги поместныя и судныя вершеныя и невершеныя и приводы и всякия дела за его Романовою рукою. И подьячий Михайла Шелковников, приехав из Ряжскаго мне, холопу твоему, сказал, что он, Михайла, в Ряжском Романа Боборыкина не заехал, а поехал де он, Роман, к Москве, и твои де государевы всякия дела повез из Ряжскаго с собою. И я, холоп твой, у подьячаго Михайла Шелковникова взял сказку за его рукою. И ныне государь бьют челом тебе государю Козлова города всяких чинов люди и иных розных городов и из тюрьмы и из-за приставов сидельцы, а ко мне, холопу твоему, в съезжую избу приносят челобитныя о всяких своих делах, которыя были при Романе Боборыкине, и мне, холопу твоему, тем челобитчикам и тюремным сидельцам без тех дел расправы никакия учинить не почему, и о том мне, холопу своему, как ты государь укажешь. Да в той же твоей государеве грамоте написано: велено мне, холопу твоему, из Козлова отпустить Романову жену Боборыкина, и велено дать провожатых, и я, холоп твой, Романову жену Боборыкина из Козлова отпустил к Москве до твоей государевы грамоты, и провожатых ей дал разных чинов 30 человек.

Отписка в Разряде получена 156 г. июля в 31 день.

А. Н. Зерцалов, К истории мятежа 1648 года в Москве и других городах, стр. 18—19.

21. Отписка козловского воеводы Р. Боборыкина

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу всея России бьет челом холоп твой Ромашко Боборыкин. В прошлом, государь, во 156 году, как учинилась в Коз-

лове от воров смута в городе, на меня, холопа твоего, приходили и за город со всякими бои большим собраньем на меня ж выходили и в погоню за мною гоняли и доступали и хотели меня и ряшан, и козловцов детей боярских и всяких чинов людей, которые к их воровству не пристали, побить до смерти ж за то, что я, холоп твой, и те дети боярския тебе государю служили и во всем многую прибыль учинили, а которые, государь, люди всяких чинов от тех воров не успели из Козлова уйти, и они тех побили до смерти, а иных многих, побив замертво, метали в ров и к реке в кручу, и многие дворы и лавки разграбили, и я, холоп твой, от такого их великаго дурна из Козлова отошел в Ряжской, и недоехав Ряжскаго за 20 верст, встретил я, холоп твой, Василья Волынскаго и тут же отдал я ему, Василью, козловцов и всяких чинов служилых людей списки за своею рукою; и он, Василий, звал меня для росписки в Козлов, и я, холоп твой, бояся на себя в Козлове от воров и над теми людьми, которые со мною были, а к их воровству и никакому дурну не пристали, смертного убийства и всякого дурна, в Козлов для росписки не поехал, и стоял в Ряском, и о том к тебе, государю, писал, и ты, государь, меня, холопа своего, пожаловал, для росписки мне в Козлов ехать не велел, а указал ты государь с Васильем Волынским во всем росписаться подьячему Михайлу Шелковникову, который был у твоего государева дела со мною в Козлове, и он Василий то мое челобитье, что ему велено в Козлове росписаться с подьячим, поставил себе в недружбу; и как животишка мои стрельцы и казаки грабили по его Васильеве поноровке, и в те ж поры он Василий у женишки и у сынишки моего людишек моих с дороги поймал, а посылал за ними в погоню голову с стрельцами и с казаками и человека моего Мишку Григорьева без твоего государева указу мимо сыщика, Емельяна Бутурлина в один день трожды он бил кнутом, а хотя б государь людишек моих и вина какая была, и по твоему государеву указу для того в те поры в Козлове был сыщик Емельян Бутурлин, а ему Василью до людишек моих и дела никакого не было. Да он же Василий, ряся по недружбе, в нынешнем во 157 году писал к тебе, государю, на меня, холопа твоего, затеяв ложно, хотя мою службу замять, будто в Козлове землянаго валу моего дела в разных местах обвалилось 1247 сажен, а с приезду, государь, своего июля с 1 числа во все лето и в осень и по ся мест до Рождества Христова, покамест снегом не закинуло, он Василий к тебе государю о таких порухах не писывал; а у которых государь у земляных и у валовых у таких же

дел были твои государевы бояре и воеводы, а с ними были для тех дел мастеры русские люди и немцы, и в тех делах порухи ежегод есть же, а я холоп твой у твоих государевых в городе и у полковых дел и над сторожами и у крепостей верстах на тридцати и больши, и драгунския села дву городов с нагайской стороны на русскую сторону переводил на указныя на новыя места и устроил их на вечное житье, везде был я, холоп твой, один, а русских людей и немцев со мной мастеров для валоваго дела никого не было, а у Танбовскаго валоваго дела были мастеры и немцы; а как после порухи учинились, и тот вал поделывали с образца с моего ж валоваго дела, и та-де, государь, их поделка ныне стала и крепче прежняго, а которые, государь, козловцы всяких чинов люди делали и негораздо, не против твоего государева указу, и я, холоп твой, о том их не послушанье к тебе государю писал на них многижды, а для того те все места, где крепости деланы, разделил и росписал им по сотням, и учинил у них у того дела сотенных и по всем селам выборных голов для государь того, чтоб они делали твои государевы крепости крепки и прочны. Да и сказывал я, холоп твой, им всем на лицо твой государев указ: которыя крепости впредь будут у них сделаны не крепки и непрочны, и им велят опять делать те свои поделки, где которыя сотни делали без прибавочных людей; да по твоему государеву указу головам от меня так многия и памяти посланы были, чтоб они однолично делали всякия крепости крепко и впредь прочно. А по тому, государь, месту, где был вал Иванова дела Биркина, зачал делать наперед меня Федор Погожево, а сделал его три версты, а застенки, государь, у того его у всего Федорова дела гораздо моего дела в подшве уже и вал в верх ниже и по краи рву ближе, и о том его Федорове деле Погожево и о порухах я, холоп твой, к тебе, государю, писал же с приезду преже своего валоваго дела; а я, холоп твой, вал делал по твоему государеву указу, как мне, холопу твоему, написано в наказе и во многих твоих государевых указных грамотах, а велено мне делать и крепить тот вал по тому ж месту, где был прежний вал Иванова дела Биркина по обе стороны рвы старые до меня холопа твоего; и тому государь прежнему валу Иванова дела Биркина и Федорова дела Погожево у тебя государя в Разряде есть чертежи и росписи князь Иванова дозору Дашкова и иных воевод; а как я, холоп твой, тот вал облажил и каков вал в подшве в ширину, и в вышину, и каковы широки застенки от валу до рву, и что больши того застенков до рву оставить было немочно, и о том я холоп твой к тебе

государю писал многижды. Да по твоему государеву указу того ж моего дела сперва в прошлом во 155 году дозирал и писал князь Иван Иванович Лобанов-Ростовской, и тое мерную роспись подал в Розряде, и после, государь, того его письма и меры твоего государева указу ко мне не бывало, чтоб как тот вал впредь лутче и крепче делать, а тот государь вал делал я холоп твой прямо по твоему государеву крестному целованью и безпосульно, и то тебе государю известно, а челобитчики государь на меня ж на Москве были многие люди, будто им то дело было не в мочь; а что б государь у меня в том валовом деле было и негораздо делано, и они б и до Васильевых отписок Волынскаго и наперед тому по такой недружбе неумолчали б. А Василий Волынской впервые у такого твоего государева дела, а я холоп твой город Танбов поставил, и в Танбове и в Яблонове многия крепости устроил, и по ся мест те моего дела крепости тебе государю крепки и впредь прочны.

Милосердый государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всея России! Пожалуй меня, холопа своего безпомошнаго, не вели государь недрузям моим напрасно службенок моих замять и затеснить, вели государь о тех наших валовых делах из дозорных и из мерных росписей и из моих отписок выписать. А которые государь козловцы и танбовские всяких чинов многие люди ныне здесь на Москве, и тех государь вели всех поставить перед бояры и их про то распросить; а что государь ныне по твоему государеву указу против той же Васильевой отписки Волынскаго велено досмотреть козловских крепостей танбовскому воеводе Андрею Вельяминову, и у того, государь, нынешняго досмотру пожалуй меня, холопа своего, вели государь быть с Андреем Вельяминовым Савелью Бестужеву и козловским сотенным и выборным головам, и они, государь, те свои поделки сами отведут, где кто делал, и будет государь у кого что по сотням какой порухи учинилось, и то тебе государю будет известно. Царь государь, смилуйся, пожалуй!

На обороте помета думнаго дьяка Разряда Гавренева:
157 г. января в 4 день, государь пожаловал, велел с ним Андреем быть головам козловцам, имена головам взять у Романа Боборыкина, и Саву Бестужева послать.
Другая помета дьяка Ларионова:
157 г. января в 4 день, послать государеву грамоту.

А. Н. Зерцалов, К истории мятежа 1648 года в Москве и других городах, стр. 24—27.

22. Перечневая выпись из допросных речей привлеченных к ответственности за участие в восстании в Курске 5 июля 1648 г.

И против сей воеводцкой росписи стольник Василей Васильевич Бутурлин игуменью и мужиков роспрашивал порознь и в роспросе сказали:

Троецкого девичья монастыря[1] игуменя Феодора распрашивана и в роспросе сказала:

Как приехала она с Москвы в Куреск с государевою грамотою да с нею челобитчик Пречистенскай крестьянин Кузька Воденицын. И с тою же государевою грамотой приходила она к воеводе в съезжую избу, да с нею три старицы: Евдокея, а двух имян не упомнит. Да приходили протопоп Григорей да Кузька Воденицын, да их монастырские крестьяне. А сколько их сказала не помнит. И как де воевода Федор Лодыженской вычел государеву грамоту, а голова де Костентин Теглев в те поры был в съезжей избе. И после того пошла она из съезжей избы. И воевода де ее велел воротить и ей говорил чтоб она Костентина Теглева отдала ему на руки. И она де ему Федору сказала, что ей до Костентина дела нет: «Держи де ево у себя». И пошла к себе в монастырь. И мужеки де учали кричать: «Назад, де назад!».

А что де после ее учинилось и от ково в Курске воровской завод учинился и по чьему умышленью мужики скопом и заговором к приказной избе приходили, и хто у приказной избы двери выбивал, и Костентина Теглева убил и

---

[1] Троицкий девичий монастырь в Курске, владевший под самым посадом землями, населенными монастырскими крестьянами, не участвовавшими в несении посадского тягла. Между посадом и монастырем шла борьба за посадских тяглецов, которых монастырь охотно селил на своей земле. Непосредственно перед восстанием стрелецкий голова К. Теглев производил сыск посадских людей, ушедших на монастырские земли.

животы ево разграбил, и Богородицкого монастыря[1] киларь и старцы Хорлампий и Моисей в съезжую избу приходили ль, тово, сказала, не ведает. И воеводе де она, приходя, убойством не граживала.

А пра Мокарка — новаписнова стрельца игуменя винилась: в том де она перед государем виновата: приводил де к ней крестьянин Семка Логочев, после убойства Костентина Теглева, тово Макарка Новописново стрельца, и она де тово Сенку на чепь сажала для тово, чтоб отпустить тово Макарка. А отпустила де она тово Макарка бить челом к государю в Москве. А скозал он де ей, что он вину свою принесет государю. И воевода де Федор Лодыженской о том Макарке к ней присылал, чтоб она ево не упустила. И она де ево не послушала и Макарка отпустила и на подмогу крестьяном ему, что доведетца денег дать велела. И в том перед государем виновата.

Да игуменя ж сказала: как де она подала в съезжей избе государеву грамоту, как де государеву грамоту прочли, и Костентин махнул рукою. И протопоп де ему молвел: «Ты де называешь государеву грамоту воровскою». И Костентин де ему протопопу молвел: «Переперхнешься де, ты, и будешь де ты без скуфьи»[2]. И протопоп ему молыл: «Ты поперед поперхнешься! Я де буду без скуфьи, а ты будешь без головы!»

В роспросе же игуменя сказала: слышала она, что Макарка новописной стрелец с товарыщи с повинною челобитною ехали к Москве и были у Курского игумена Деонисия. А тот де игумен на Москве.

А на очной ставке протопоп Григорей с ыгуменьею говорил прежние свои речи, что де он Костентину не говорил, что он будет без головы.

И игуменя ж говорила: прежде сево протопоп Костентину говорил: «Только де ты, Костентин, приедешь по крестьян, и я де велю убить».

И протопоп сказал: говаривал де он Костентину: только де он к нему в слободу поедет по крестьян и ему даром не пройдет.

А игуменя Федора на очной ставке с протопопом Григорьем скозала, что она перед съезжею избою воеводе такова слова не говорила, чтоб он Костентина не упустил, а будет упустит и ему будет худа. А говорила де она воеводе, чтоб он Костентина держал у себя, а без государева указу ево не отпускал.

---

[1] Знаменский богородицкий монастырь в Курске.

[2] «Скуфья» — головной убор, носившийся священниками. В данном случае намек на лишение сана.

А протопоп Григорей с нею игуменею на очной ставке говорил прежние свои речи, что и в роспросе говорил.

Богородицкого монастыря крестьянин Куземка Воденицын роспрашиван, а в роспросе сказал: в нынешнем де 156-м году июля в 4 д. приехал он де с Москвы в Куреск с игуменею Федорою и привезли государеву грамоту к воеводе к Федору Лодыженскому. И июля же де в 5 д. тое государеву грамоту игуменя Федора подала в съезжей избе воеводе, что голове стрелецкому Костентину Теглеву впредь стрельцов из за монастыря выводить не велено, а велено то дело впредь ведать воеводе Федору Лодыженскому. И в те же де поры в съезжей избе голова Костянтин Теглев да Курской протопоп Григорей. Как де государеву грамоту прочли и голова де Костянтин Теглев молвел протопопу, что де он государеву грамоту розобьет у него протопопа на скуфье. И протопоп де с ним Костянтином за то побранился и из съезжей избы вышел вон. А молыл Костянтину так: «Ты де меня зделаешь без скуфьи, а я де тебя зделаю без головы». А в те де поры перед съезжею избою были новописные стрельцы да монастырские крестьяне и иных чинов многие люди. И учали де оне шуметь на Костянтина Теглева за то, что он у протопопа хочет государеву грамоту на скуфье разбить. И как де учали в колокол бить, и учал быть большой шум. И губной де староста Кондратей Беседин говорил мирским людем и укозал бревно и говорил: «Ну те де выбейте двери и Костентина убейте. Прежде сего Прокопей Анненков со крестьяны двери выбил и голову вытоща бил, а вы де миром вытощить ево не умеете». И по ево де Кондратьевым речам, миром, взяв бревно, у съезжей избы двери выбили и вытоща Костентина убили до смерти.

Да в те ж де поры осадной голова Петр Брусилов высылал из за житницы мужиков и говорил им: «Как де вы не умеете головы городом взять?». А сам де он Кузька того не видал, слышал про то от тюремного сидельца от Пяторезова, именем сказал не упомнит. А сидел тот Пяторезов в тюрьме с ним Кузькою в одном деле. Да из съезжей избы махал рукою неведома хто, потому что де было мирские люди пошли прочь и они де опять воротились. А хто рукою мохал, того сказал не видал. А хто де двери выбил, того он де не видал же, потому что он стоял в те поры на площади. А вытащили де Костентина из съезжей избы новописной стрелец Макарка да пушкарской слободы Федька Слонов с товарыщи. А с Макарком де и с Федькою Костентина убили Кирюшка Онпилогов, Богдашка Иконник да Костька Филшин кузнец да Якушко

Копийкин ослопы, и иные их товарыщи, а хто имяны товарыщей ево, тово сказал, не ведает. А он де Кузька Костентина не бивал, дверей не выбивывал, и к воеводе на двор не прихаживал, и чтоб он к государю не писал, того воеводе Федору Лодыженскому не говаривал и смертным убойством ему не граживал. И в том слался на воеводу на Федора Лодыженскова и игуменью; и Федору Лодыженскому смертным убойством не граживал же.

А воевода Федор Лодыженскай сказал: Куземка де Воденицын в те поры, как приходили гилем, с ыгуменью вместе, стоя перед съезжею избою, говорил де: «И не таких де на Москве побивают!». И то де слышал губнай староста Кондратей Беседин. И назавтрее приходя к нему, гразил.

А губнай староста Кондратей Беседин сказал те же речи, что и Федор Лодыженской, а Кузька в том запирался.

А губнай же староста Кондратей Беседин против Кузкиных речей Воденицына в роспросе сказал: таких де речей он де мужикам не говаривал и бревном дверей выбивать не веливал. То де на нево Кузька Воденицын затевает, в том слался на Кузькину кожу. А говорили де такие речи они мирские люди и тот Кузька Воденицын.

А Кузька Воденицын с губным старостою на очной ставке говорил прежние свои речи.

А осадной голова Петр Брусилов против Кузькиных речей в роспросе сказал: таких де речей он де не говаривал, то де на нево Кузька затевает.

А губнай староста на очной ставке слался на Кузькину кожу, а будет де не допытаютца, и он сам на пытку готов.

А на очной же ставке Куземко Воденицын с протопопом Григорьем говорил прежние свои речи, что Костентин Теглев с протопопом бранился и похвалялся, что будет де без головы.

А протопоп Григорей в том заперся: смертным де убойством он протопоп на Костентина не похвалялся, и Костентин де таких речей ему, что он государеву грамоту у нево на голове розобьет, не говаривал, а говаривал он де протопоп Костентину тово де себе и не... что ему ис Курска выехать без государева накозанья: послали де на нево Костентина к государю бить челом. А говорил де он Костентину слово в съезжей избе, не вышед из съезжей избы.

Да бил челом протопоп Григорей, чтоб допросить Куземку при ком он, вышед из съезжей избы, про Костентина такие речи говорил, что он будто сделает ево без головы.

И Кузька скозал: Костентину де протопоп такия речи говорил в съезжей избе. А протопоп в том запирался.

И Троицкова Девичья монастыря крестьянин Костька Филшин роспрашиван, а в роспросе сказал: игуменья де привезла с Москвы государеву грамоту и за собою имала их государевы грамоты слушать. И выслушав пошли прочь, и они де залезли по зовалью. И как де Костентин прошол из съезжей избы домовь, и они на него кинулись. И Костентин де у них ушол к воеводе в съезжую избу. И они де от съезжой избы прошли было из города вон. И как де забили в колокол, и их де ворочал назад россылщик Филка Шила. А слышал де он от мирских людей, что посылал их ворочать воевода Федор Лодыженскай. Да и россылщик Шило про то сказывал же, что ворочал для того, чтоб убить Костентина Теглева. А он де Костька у съезжей избы кричал, и убить прошал и дверь выбивал. А как де Костентина Теглева убили, и он де Костька в те поря палкою ево Костентина бил же.

А как де Макарка их звал государевы грамоты слушать, и Куземка де идучи, похволялся и говорил: «Подемте де убьем Костентина Теглева. На Москве де и лутчи ево побивают!». И постояв маленко, он же Костька сказал: «В том де государь волен». А как де игуменья привезла государеву грамоту, и тово де вечера и из их Девичья монастыря к ним в слободу в час ночи присылали старицы Бралья да другая попадья асколенка малова Ондрюшку Наумова.

И тот де малой ходя по воротом, говорил: «Костентин де Теглев хочет бежать к Москве, и вы де ево не упускайте и убейте».

И они де вышли человек з десять: Офремка Росторгуй, Ондрюшка Ситник, Сенька Сосников, Ряшка Москолев, а иных имян прозабыл. И те де им старицы говорили: «Убейте де Костентина Теглева. На Москве де и лутчи ево побивают». А как в съезжей избе Костентину прочитали государеву грамоту и Костентин де говорил: «Грамота де воровская». И протопоп де говорил: «Поперхнешься де ты государеву грамоту называешь воровскую». И Костентин де ему молыл: «Будешь де без скуфьи!». А протопоп де ему молыл: «Будешь сам де без головы!». А игуменья де гразила ль воеводе, тово, сказал, не ведает.

А на Костентинове дворе был и вино пил и лошадь ево взял, и ту де ево лошадь взял Макарка, а у нево взял воевода. Да он же де слышал от людей, а от ково имянем, тово сказал не помнит, что губнай староста и осадной голова мужиков научали.

И против Костькиных речей Филшина россылщик Филка Шило в роспросе сказал: головы де он Костентина Теглева не бивал и животов не грабливал, и мирских людей в город не ворочивал, и воевода ево ворочать не посылывал, и заводу никакова не ведает.

А на очной ставке Костька говорил прежние свои речи, а Филка в том во всем запирался.

И против Костькиных речей Филшина старица Устинья Бралья запиралась: «Таких де речей она Костьке, чтоб Костентина убить, не говаривала».

А на очной ставке с тою старицею Костька говорил прежние свои речи и говорил ей: «Лихо де вы нас бьете посохом». Да они ж де им велели быть в город с палкоми.

Старица ж Ульянея, бывшая попадья осколская, против Косткиных речей Филшина запиралась: «Того де она, чтоб Костентина убивать не говаривала. А завод де воровской учинился от них от Костьки с товарыщи».

А на очной ставке Костька Филшин с старицею Ульяною говорил прежние свои речи.

Да старица ж Вульянея говорила: «Игуменья де Феодора воеводе говорила, чтоб де он вора Костентина Теглева не упускал. Сам де себя береги. На Москве де и не таких побивают». А погиб де весь город от нее от игуменьи.

А игуменья Феодора сказала: «Говорила де она воеводе, чтоб он Костентина без государева указу не упускал. А воеводе она не граживала».

На очной ставке протопоп Григорей Костькиных речей Филшина запирался и говорил: «Тем де ево Костька поклепал. Он де Костянтину таких речей, что Костянтин без головы будет, не говаривал». И бил челом, чтоб ево Костьку допросить: сказывает де он, что бутто от нево токое слово слышал в съезжей избе, а он де в те поры в съезжей избе и не был.

И Костька Филшин сказал: в том де он виноват, сказал с оторопов, что он слышал то слово от протопопа в съезжей избе. А он де в те поры в съезжей избе не был, а стоял и слышал то слово у съезжей избы под окном.

Девичья монастыря крестьянин Онисимка гончар роспрашиван, а в роспросе сказывал: взяла де ево игуменья с сестрами от ворот за собою государевы грамоты слушать. А скозала: «Я де вам взяла государеву грамоту, что Костентину Теглеву впредь до вас дела нет». А Костентина де он не бивал и животов ево не грабливал и заводу никакова не ведает.

Девичья ж монастыря крестьянин Якушко Копейкин роспрашиван, а в роспросе сказал: звали их де в город

слушать государевы грамоты[1], а он де в те поры в городе был. А хто убил голову Костентина, того он сказал не ведает и животов ево не грабливал, и ево не бивал, и заводу никакова не ведает.

А против Кузькиных речей Воденицына, что говорил на нево в убойстве Кузька, Якушко Копейкин с Кузькою на очной ставке сказал: виноват он де перед государем: Костентина Теглева посохом бил с миром вместе.

Новописной стрелец Левка Офонасьев роспрашиван, а в роспросе сказал: игуменья де с сестрами взяла ево за собою в город слушать государевы грамоты. И он де перед съезжею избою был и то видел, как Костентина убили. А хто убил, и он того не усмотрел, потому что стоял далече. А заводу никакова не ведает и двора ево и животов не грабливал. А почему де ево взяли и про то, сказал, не ведает.

Богородицкого монастыря крестьянин Федька Офонасьев Демин допрашиван, а в роспросе сказал: повещал де ему Ивашка Подкопаев, а велел иттить в город слушать государевы грамоты. И как де он пришел в город, а Костентин де уже лежит убит. А хто ево убил и животы ево грабил, тово, сказал, не ведает. А он де Костентина не бивал и животов не грабливал и заводу никакова не ведает. А взяли ево не ведомо почему.

Богородицкого монастыря крестьянин Архипка Гаврилов кузнец росспрашиван, а в роспросе сказал: имала де ево за собою государевы грамоты слушать игуменья. А хто де Костентина убил и животы ево грабил, и тово, сказал, не ведает. И заводу никакова не слыхал. А взяли ево неведомо почему.

Того ж монастыря крестьянин Мишка Плотников роспрашиван, а в роспросе сказал: в тот же день, как Костентина Теглева убили, в городе он был, а Костентин де уже убит. И пив де он на кобоке, пошел домой и поднел де он на дороге седло и принес к воеводе. И ево де воевода посадил в тюрьму. А хто Костентина убил и животы ево грабил и от ково завод учинился, про то сказал не ведает.

Того ж Богородицкого монастыря крестьянин Кирюшка Потапов сын Анпилогов роспрашиван, а в роспросе сказал: как де в городе били в колокол и он де в те поры перед съезжую избу пришел. И миром де крикнули, что де довелся голова Костентин Теглев убит. И кричали всех

---

[1] В городе (крепости) находилась съезжая изба, являвшаяся центром воеводского управления (см. в объяснительном словаре «съезжая изба»).

слобод люди, и он Кирюшка с ними ж. И те речи говорил, чтоб Костентина убить. А да тех мест он никакова заводу не слыхал. А из съезжей избы в те поры протопоп Григорей вышел к миру и говаривал: «Костентин де Теглев нас всех разорил, крестьян всех повытоскал и разгонял». И двери де у съезжей избы выбили Мокарка стрелец, да Федька Слонов, да Серешка Ермолаев. И вытаща де Костентина убили до смерти. А хто ево бил, тово он сказал не видал. А был в те поры де в съезжей избе и Костентина де он не убивал, и у съезжей избы дверей не выбивывал. А завод де в том деле был, и убойство учинилось от них от Макарка с товарыщи.

А как было мирские люди пошли прочь от съезжой избы и из съезжие де избы не ведомо хто махал рукою, и оне де воротились. Да в те ж де поры игуменья Феодора являла на казака на Топоренка, как ему имя сказала не ведает, а сказывала как де она, слушав с мирскими людми государевы грамоты, пошла вон из города, и, выскоча де тот Топоренак с ножем с Костентинова двора Теглева, хотел ея зарезать. И она де игуменья с мирскими людьми в город воротилась к съезжей избе. И после де тово Костентина вытаща из съезжой избы, убили до смерти. А весь де шум и завод учинился от игуменьи, да от протопопа, да от Куземки Воденицына.

А на очной ставке Куземка Воденицын с Кирюшкаю говорил прежние свои речи, что он Кирушка Костентина убил. А Кирушка Онпилогов в бою Костентина Теглева запирался.

Протопоп де Григорей против Кирюшкиных речей на очной ставке не заперся, а сказал что он ему Кирюшке перед съезжею избою разговаривал, за что он на Костентина шумит, потому что Костентин крестьян из за них позавозил, и они на него бьют челом государю, а Костентину дурна никакова не чинят[1]. А заводу от него протопопа никакова не бывало.

А Кирюшка Онфилогов на очной ставке против протопоповых речей винился, что он кричал и Костентина убить прошал, и дверь бревном выбивал, и Костентина Теглева из саней с Мокаркам мертвово за ноги валок. А в убийстве не винился, а сказал, что он Костентина не убил.

Того ж монастыря крестьянин Пронка Трухин в роспросе сказал: как де в городе били в колокол, и он де пришел в город. А повещали де им десятники: государевы грамоты слушать. И при нем де Костентина миром убили.

---

[1] Имеется в виду сыск и вывоз К. Теглевым монастырских крестьян в стрельцы.

А он де ево не бивал и животов ево не грабливал и заводу никакова не слыхал.

Богородитцкого монастыря крестьянин Онтошка Беляев роспрашиван, а в роспросе сказал: повещали де им десятники слушать государевы грамоты. И пришел де он в город, а Костентин де убит. А хто ево убил и животы грабил, и от ково завод учинился, того, сказал, не ведает.

Божедомские слободы крестьянин Изотка Пятров чеботарь роспрашиван, а в роспросе сказал: как де Костентин Теглев был в съезжей избе, и он де был перед съезжею избою. А хто Костентина убил и завод заводил и животы розграбил, и игуменья воеводе грозила ль, тово, сказал, не ведает.

Того ж монастыря крестьянин Савка Рудаков роспрашиван, а в роспросе сказал: повещали де им десятники слушать государевы грамоты. И Костентина де при нем убили миром. А хто ево убил и дворь грабил, и заводу никакова не ведает. Да в те ж де поры говорили миром: «Шумят де в приказе, говорят: «Любо, любо Костентина убить». И после тово ево Костентина убили. А он де не видал, хто убил, потому что стоял за людьми далеко. А как де Костентинов двор грабили и клали животы на возы, и на возу де сидел Макарка да из за Кура Кузею завут их же монастыря крестьянин. И тот монастырскай крестьянин Козя не сыскан, бежал без вести.

Новописной стрелец Федька Чюрюкин роспрашиван и в роспросе сказал: забивали де их в город десятники слушать государевы грамоты. И воевода де по Костентина Теглева посылал трожды. И Костентин де пришол и, выслушав государеву грамоту, называл воровскую и протопопу говорил, что он тое государеву грамоту, положа протопопу на голову, разобьет. И протопоп де ему говорил: мы де за государеву грамоту станем миром на Костентина, что он ее лживил. И ево убили. А завод де учинился от Макарка новописново стрельца. А в том де он перед государем виноват, что кричал и Костентина убить прошал. А Костентина де он не бивал и животы ево не грабливал. А с Макарком де били Костентина Кирюшка Онпилогов, да Федька Слонов, да Серешка Брагин, Богдашка Иконник, Костька Филшин. А Кузька Воденицын Костентина убить прошал. И Серешка Брагин не сыскан.

Новописнай стрелец Арешка Рубцов роспрашиван, а в роспросе сказал: хто де Костентина убил и животы ево грабил и от ково завод учинился — тово сказал не ведает. А взяли де ево на торгу стрельцы, привели к воеводе неведома почему.

Новаписнай стрелец Богдашка Иконник роспрашиван, а в роспросе сказал: как де игуменья и Кузька Воденицын привезли к воеводе с Москвы государеву грамоту, и мирские де люди пришли шумом. А он пришел с ними ж, а пришед к съезжей избе шумели и просили убить головы Костентина Теглева. А он де Богдашко с ним вместе кричал же и Костентина убить прошал. И Макарка де с торгу звал их к съезжей избе слушать государевы грамоты. И идучи де Куземка Воденицын пофволялся, а говорил: «Убьем де Костентина Теглева. На Москве де и лутчи ево убили. А я де вам починщик, горла де ему перережу». А выбивали де у съезжей избы двери Макарка стрелец, да Кирюшка Онпилогов, Костька Филшин, да Малейка гончар, Федька Чюрюкин с товарыщи и, вытоща, убили до смерти. А он де Богдашка Костентина не бивал, а животы Костентиновы грабил. А взял сковородку медную белою да косу. А игуменья де воеводе, пришод с мужиками, говорила, чтоб он Костентина не упустил, а будет упустит и ему будет худа.

А на очной ставке с ним Богдашком Кузька Воденицын запирался и говорил прежние свои речи. А после он, Куземка, винился. Сказал: в том де я перед государем виноват, такие речи говорил, чтоб убить Костентина Теглева, а он будет и починщик.

На очной же ставке з Богдашком Федька Чюрюпин винился и скозал: что он Костентина Теглева бил с мирскими людми вместе.

А Федька Чюрюпин с Богдашком Иконником на очной ставке говорил, что он, Богдашка, Костентина бил же с ними вместе.

А Богдашка Иконник в бою Костентина Теглева запирался.

Богдашка ж говорил: весь де завод стал от игуменьи да от нево от Кузьки с товарыщи. А как де та игуменья шла в город з государевою грамотою и крестьяном своим говорила: «Для де чево вы идете без посохов?». И те де крестьяне взяли с собою в город палки.

А на очной ставке игуменья Феодора с Богдашком Иконником сказала, что она де крестьяном с палками в город ходить не веливала, и в том запиралась. А сказала пошли де было крестьяне ее в город и она де им в город с ружьем ходить не велела.

Новописной стрелец Ивашка Чеботарь в роспросе сказал: звал де ево Тришка Потапов в те поры в город, как в колокол били. И как он пришол в город, а Костентин де уж убит. И то де он видел, что с Костентина сапоп снял Федька Чюрюпин, а другой снял Кирюшко Писклов.

А он де, Ивашко, Костентина не бивал и животов не грабливал и зоводу никакова не ведает. А Кирюшка Писклов не сыскан.

Драгун Ивашко Легодяев Пяторезенок в роспросе сказал: как Костентина убили, а он в те поры был в лесу. И как пришел из лесу в город, а Костентин де уж убит. А хто ево убил и животы ево грабил и завод заводил, и про то сказал, не ведает. А подобрал де он драное ласкутья и Костентина Теглева мертвова одел. А привел и ево сын боярской Фирс Шмараев да росылщики Савко Золотарев да Ондрюшко Бледной с товарыщи неведома почему.

Да Ивашка ж Пяторезнок сказал: как де грабили Костентиновы животы, и он де взял у старицы у Меркуловской посестрей Федорыкина Костентинов чемодан с платьям и принес на Костянтинов двор и кинул в кучю в дуван[1].

Да Ивашко ж Легодяев прозвище Пяторезнок на очной ставке и с Кузькою Воденицыным сказал: такова де он слова Ивашка Кузьке не говаривал, что осадной голова Петр Брусилов из за житниц мужиков высылал и им говорил, что они не умеют Костентина городом взять. И то он на нево затевает. А Кузька Воденицын на очной ставке говорил прежние свои речи.

Ивашко ж Пяторезенок говорил: В тюрьме де сидя говорил ему Кузька Воденицын: «говорите де в одне речи, что Костентина Теглева убили всем городом».

И Кузько Воденицын винился: такие де речи в тюрьме говорил, чтоб говорили одне речи, что убили Костентина всем миром.

Стрелец Корнюшка Мощин Куров в роспросе сказал: как де в колокол били, и он пришол в город, а Костентин уже убит. А хто ево убил и животы грабил и от ково завод учинился, тово, сказал, не ведает. А взял де он телегу на улицы и ево с нею привели к воеводе. А сын ево бежал безвесна.

Стрелец Стенка Ефимов в роспросе в Костентинове убойстве и в грабежи и во всем запирался, а сказал, что он тово ничево не знает и не ведает.

Новописной стрелец Ивашко портной мастер в убойстве и грабижи Костентина Теглева и в заводе запирался. А за что ево взяли, про то, сказал, не ведает.

Стрелец Паршик Бочеров роспрашиван, а в роспросе в убойстве Костентина Теглева и в грабежи и в воровском заводе и во всем запирался. А взяли ево неведома почему.

---

[1] «Дуван» — захваченная добыча, делившаяся затем между всеми участниками. Этот обычай существовал среди казаков на Дону.

Орловской вестовщик сын боярской Сенька Белой роспрашиван в роспросе сказал: приехал де он на вести, и как били в колокол, и он де в город пришел. А Костентина не бивал и животов не грабил, и никово не научивал.

А Богдашка Иконник с ним Сенькою на очной ставке сказал: Макарка де тот сын боярской на убойство научал и говорил: «и не таких на Москве побивают».

А сын боярской Сенька Белой в том во всем запирался.

Казенной кузнец Ивашка Меншиков роспрашиван, а в роспросе сказал: в убойстве и грабеже и в воровском заводе запирался, а для чево ево воевода посадил в тюрьму, того, сказал, не ведает.

Воротник Федька Кузмин роспрашиван, а в роспросе сказал: как де Костентина Теглева убили и животы ево грабили, и он де отнял у робят башмаки. А Костентина он де не бивал и животов ево не грабливал и заводу никакова не ведает.

Россылщик Филка Золотарев Шила роспрашиван, а в роспросе сказал: головы де он Костентина Теглева не бивал и животов не грабливал, и мужиков в город не ворочал и заводу никакова не ведает.

Богородицкого монастыря крестьянин Агапка Подкапаев роспрашиван, а в роспросе сказал: повящал де он монастырским крестьянам итти слушать государевы грамоты. А велел де ему повящать монастырской слуда Сенька. А чей словет тово, сказал, не ведает. А как де в колокол били и Костентина Теглева убили, и он де в те поры в городе не был. А кричал вне ума, потому что болен черною болезнью. А слышел он де от людей, что новописные стрельцы Сластун, а имя ему пропамятовал, да Богдашка Кривой Костентина били и двор его грабили и ныне бежали безвестно, да Стенька прозвище Козя живет в деревне на Мокве. А он де Агапка на Костентинове дворе был и вино пил, да взял два хлеба и отнес в тюрму. И инова ничево не имывал. А Сластун и Козя и Кривой Богдашка бежали безвесно.

Драгун Вадилка Арехов роспрашиван, а в роспросе сказал: в те де поры как Костентина Теглева убили, в городе он не был и Костентина Теглева не бивал, и животов ево не грабливал, и заводу никакова не ведает.

Девича монастыря крестьянин Гришка Дрочов роспрашиван, а в роспрося сказал: за игуменьею в город государевы грамоты слушеть ходил и из города вышел рано. А хто Костентина Теглева убил и животы ево грабил и хто воровской завод завел, про то ни про што сказал не ведает. А взяли де ево стрельцы на торгу не ведома за что.

Новописной стрелец Совостка Фирсов роспрашиван, а в роспроса сказал: звал де их от игуменьи в город десятник Богдашка Иконник государевы грамоты слушать. И он де пришол перед съезжую избу, а Костентин де уж убит. А хто ево убил и животы ево грабил и воровской завод заводил, тово, сказал, не ведает. И игуменья воеводе гразила ль, тово, сказал, не ведает же.

Стрелец Ларка Черес роспрашиван, а в роспроса сказал: Костентина Теглева он не убивал и животов не грабливал, заводу никакова не ведает. А взяли ево неведома за что.

Богородицкого монастыря крестьянин Васка Евтифеев Крашенинник роспрашиван, а в роспросе сказал: как де Костентина убили и он де в те поры перед съезжею избою был и кричал и Костентина убить прошал. И Костентина де он не бивал и животов не грабливал. А били де Костянтина Макарка да Федька Слон, Богдашка Иконник и Кирюшка Онфилогов. И воеводе он говорил: «Сколько ему Костянтина не держать и ево будет де дать же». А кричали де мужики, что прислана государева грамота, а велена Костентина убить, и заводу никакова, сказал, не ведает.

Сын боярской Григорей Потапов сын Лазорев роспрашиван, а в роспросе сказал: как де били в городе в колокол, и после того он пришел в город. А Костентин де уж убит лежит. А били де Костентина Федотка Харитонов да Богдашко Иконник. И тот де Федотка побежал. А он де Костентина не бивал и животов не грабливал и Михалу Белому убойством не граживал. А Михайло Белой сказал, что он Гришке Лазореву не истец.

Да в росписи стольника и воеводы Федора Лодыженского написан Селиверстко сын Момотов, дан на поруки: сказали, что он животы грабил. И того Селиверстко он Федор к роспросу не прислал.

В роспросе ж стрельцы Еремка Домнин, Ивашко Юдин сказали, Костентина де Теглева люди Ермошка да Захарка, в тот день, как Костентина Теглева убили, дали им Костянтинов подголовок закинуть от грабежку упрятать. И пришли к ним Девичья монастыря из слободы крестьяне, которые Костянтина убили и животы ево грабили, Макарка, новописнай стрелец, да Костька Филшин да Богдашка Иконник с товарыщи и тот де подголовак учали у них отымать. И они де, убоясь того, тот подголовок взломили, и что в том подголовке было денег и рухледи, и то все после принесли к воеводе в съезжую избу. А иных де у них никаких животов не осталось.

Богородицкого монастыря крестьянин Гришка Герасимов сын Пуговочник роспрашиван, а в роспросе сказал: в заводе и убойстве Костянтина Теглева запирался и животов де Костентиновых не грабливал.

Соборной церкви бобыль Антипка Чеишов роспрашиван, а в роспросе сказал: как де Костентина Теглева убили, он де в те поры был у лошедей в етаде. А хто де Костянтина бил и животы ево грабил и от ково завод учинился, про то, сказал, не ведает.

Да сверх воеводцкой росписи присланы к сыску из Пречистенского монастыря их монастырские крестьяне Макарка Петров да Ивашка Ботурин Малик.

И Пречистенской крестьянин Амельянка Петров в роспрося сказал, высылали де их государевы грамоты слушеть, и они де государевы грамоты слушев пошли вон из города. А Костентина он не бил и животов ево не грабил. А после де тово звали ево в монастырь на совет, и старцы де ево взяли и сковали.

Пречистенского монастыря крестьянин Ивашка Батурин Малик в роспросе сказал: их де монастырской десятник Ивашка Каргин им и извещал, чтоб им итить государевы грамоты слушать. И оне де государевы грамоты слушев, и учали говорить заводчики тово монастыря крестьяне — Макарка новописной стрелец: «Убьем де Костентина Теглева». Иные де люди учели говорить, что оне не хотят убивать. И после тово он побежал из города, а иные залегли по завалью. И прибежал де к ним в слободу их же монастырской малой Яшко Белевцов, а сказал, что де Костентина Теглева убили. И он де пришол в город с Сергушкою Брагиным, а Костентин де убит лежит. И оне де пришли на двор к воеводе к Федору Лодыженскому с Макаркою вместе пьяни и просили пить. И Макарка де воеводе гразил, а он Ивашка воеводе не граживал, и Костентина не бивал и животов не грабливал. И, опричь тово, никакова заводу он не ведает.

И Якушка Белевцов збежал безвесно.

Малой Стенька Сергеев сын Брагин про отца роспрашиван, а в роспросе сказал, что он про отца, где он ныне, не ведает, а слышал он, что де отец поехал к Москве.

Макаркова жена новописнаво стрелца Агафьица Сергеева дочь роспрашивана, а в роспросе сказала: муж де ее поехал к Москве, а отпустила де ево игуменья. А Костентина де Теглева муж ее грабил ли и ево бил ли, и про то, сказала, не ведает. А животов де он к ней никаких не принашивал, и от ково де воровской завод учинился, про то, сказала, не ведает.

Федькина жена Слона Офимьица Кирилова дочь роспрашивана, а в роспросе сказала: муж де ее Федька поехал к Москве с Макарком вместе. Про то де она слышала от людей. А Костентина де Теглева муж ея убил ли и животы ево грабил ли — про то, сказала, не ведает и животов де к ней муж ее никаких не принашивал, и от ково воровской завод учинился, про то, сказала, не ведает.

В роспросе ж курской кабацкой голова белагородец Данила Лаврентьев Иконник скозал: воевода де к нему никого не присылывал, и чтоб кобак запереть и мужиков на кобак не пускать ни с кем не приказывал. А скозал де ему целовальник Федотко Москалев, что присылал воевода, и он де, Данилко, к воеводе приходил и воевода де Федор Лодыженской ему говорил, чтоб запер кобаки. И он де Данилка ему сказал, чтоб он послал запереть и запечатоть мимо их, ково пригож, а он де запереть не смел. И воевода де кобаков запереть и запечатоть никово не послал. А заводу де у них на кобаке скопу мужиком никакова не было. И хто де Костентина Теглева убил и животы ево грабил и от ково воровской завод учинился, того, скозал, не ведает.

В роспросе же кобацкой целовальник пречистенской крестьянин Титко Кожевник сказал: как де голову Костентина Теглева убили, и воевода де Федор Лодыженской к голове на кобак присылал, чтоб он кобаки запер. И голова де скозал, чтоб де он Федор прислал ково и кобаки велел запечатоть, а ему де голове кобаков самому печатать и запирать не уметь. А они де целовальники даны под начал голове, и положена государева казна и кобацкой сбор на нево. А хто де Костентина убил и животы ево грабил и от ково воровской завод учинился, про то, скозал, не ведает.

В роспросе ж кобацкой целовальник Троицкой крестьянин Федотка Иванов сын Москолев скозал: как де голову Костентина Теглева убили, и воевода де Федор Лодыженской к ним на кобак присылал, чтоб они кобак заперли, и они де говорили, чтоб он кобак запечатать ково прислал: сами де они кобаков запереть не смели, и мужики де ево с кобака не выпустили.

Целовальник Пушкарской слободы Фомка Юдин в роспросе скозал: как де Костентина убили, и он де в те поры на кобаке за стойкою был. А мужики де при нем на кобаке не пивали и от воеводы де заказу не слыхал.

Целовальник же Пречистенской крестьянин Прохорка Павлов в роспросе скозал против Фомкиных речей Юдина: а был де он в те поры на поварне.

Целовальник же того ж монастыря крестьянин Филка Тимофеев сын Колмаков в роспросе скозал те же речи, что Фомка да Прохорка.

Целовальник же пречистенской крестьянин Куземко Леонов сын Дабрынин в роспросе скозал те же речи.

Целовальник же Девичьа монастыря крестьянин Ивашко Лукьянов сын Ветчинкин в роспросе скозал: как де Костентина убили, а он де был на винокурне за стойкою. И воевода де к ним присылал, чтоб кобак заперли. И голова де и они воеводе говорили, чтоб он велел каму мимо их запечатоть. И он де никово не прислал, а они кобаков запереть не смели, и мужики де у них не пивали.

Целовальник де Дворницкой слободы Мишка Власьев сын Докукин в роспросе скозал: как де Костентина убили, а он де в те поры сидел за стойкою на кобаке у Костентина двора Теглева, и мужики де у него на кобаке не забирались, и не пили, и заводу не заводили. И воевода де к нему, чтоб кобак запереть, не присылывал.

Целовальник же Девичья монастыря крестьянин Васка Иванов сын Моринин в роспросе скозал: что он сидел на кобаке и говорил те же речи, что товарыщ ево Мишка Власьев Докукин.

И 156 году августа в 8 д. стольник Василий Васильевич Бутурлин тех колодников у пытки роспрашивал порознь, и те колодники пытаны, а в роспросе и с пытки сказали:

Богородицкого монастыря крестьянин Кузька Воденицын пытан и с пытки винился: идуче де он к приказной избе з государевою грамотою, мирским людем Богдашку Иконнику с товарыщи говорил: как пойдем з государевою грамотою к воеводе, и мы убьем голову Костентина Теглева. Да говорила де ему игуменья, велела убить голову Костентина Теглева. А во всем де заводе она игуменья да протопоп Григорей. И дарогою де едучи с Москвы ему Кузьке игуменья ж говорила при старице Татарке: «Убейте де Костянтина Теглева. На Москве де и не таких побивают». А как де были они перед съезжею избою и кричали и просили убить Костянтина Теглева, а он де Кузька с ними ж кричал и убить просил. И присылал протопоп Григорей сына своево попа Ивана к ним мирским людем. И тот поп Иван говорил Макарку новописному стрельцу да Федьке Слонову: отец де ево протопоп велел убить Костентина Теглева и ево не упускайте. А как оне от избы отступят прочь, и рукою тот поп Иван им замахает, и они де станут больши тово к приказной избе приступать и дверь де у избы выбили и Костянтина вытаща убили до смерти. А убили де Костянтина Макарка новописной

стрелец да Федька Слонов, Кирюшка Онпилогов, Богдашка Иконник, Якушко Копейкин, Коська Филшин и иные их товарыщи. И Макарко де да брат ево Кузькин Кудинка поехали к Москве повинною челобитною. А как брат ево поехал и к нему к тюрьме заходил прощатца и сказывал, что послали их попы к Москве с повинною челобитною. А хто имяны попы, тово, сказал, и не ведает. И про губнова старосту про Кондратья Беседина говорил прежние свои речи, что в роспросе на него сказывали.

А Троетцкого Девичья монастыря старица Евдокея Татарка с ним Кузькою на очной ставке сказала: едучи де игуменья Феодора с Москвы при ней тому Кузьке говорила: «Как де приедем в Куреск и пойдем в съезжую избу з государевою грамотою и возмем де с собою мужиков с ослопами». А про убойство Костентина Теглева она не слыхала, потому что они говорили тихонко.

Того ж монастыря крестьянин Костька Филшин пытан, а с пытки винился и сказал, что он у приказной избы кричал и Костянтина убить прошал, и двери выбивал с Макарком да с Богдашком Иконником, с Ывашком Батуриным да с Кирюшкою Онпилоговым. И вытаща голову Костентина убили до смерти. А Кузька де им говорил как они шли к съезжей избе: убьемте Костентина Теглева. А он де Костянтинову убойству будет починщик. И у Костянтина на дворе он был и вино пил и на лошади ево ездил. А что де он в роспросе сказал на воеводу на Федора Лодыженсково, что он посылал россылщика Филку Шилова мужиков ворочать, и то де он Костька на воеводу затеял, потому что воевода их в том убойстве имает. И к протопопу де на двор приходил и говорил: «Хорони де изменника Костянтина Теглева. Атаманы де молодцы миром велели ево схоронить».

Анисимко гончар Девича де монастыря крестьянин пытан и с пытки в заводе и в убойстве Костянтина Теглева и в грабежных животах запирался. Сказал: не бивал и не грабливал и заводу никакова не ведает.

Девича монастыря крестьянин Якушко Копейкин пытан и с пытки винился в том, что к съезжей избе приступал и Костянтина Теглева убить прошал и ево бил. А убойство де учинилось от игуменьи да от Куземки Воденицына, что убить велели они. А слышал де он про то от людей. А животов де Костентиновых не грабливал, а убил де Костентина и животы его грабили миром.

Богородицкого монастыря крестьянин Ивашка Батурин прозвища Малик пытан и с пытки винился: у съезжей избы кричал и голову Костентина Теглева убить прошал.

А у съезжей избы двери выбивал и Костянтина мертвого бил. А после сказал, что Костянтина бил живого палкою трожды. Да с ним же де Костянтина били Савоска Фирсов да Орешка Рубцов и иные их товарыщи — весь мир, а имян их, сказал, не упомнит, что их было много. А убить де им велела игуменья и говорила всем мирским людем: «Не убиви де Костентина не ходите». А воевода де высылал протопопа уговаривать, и протопопов де сын, поп Иван, выходя, им говорил, чтоб убили Костянтина Теглева. А приказывал де ево убить отец ево протопоп Григорей. И убили де Костянтина Кирюшка Онпилогов, Кузька Воденицын, Ивашка Ильин, Васька Белевцов Божедомские слободы, Ивашка и Васька не сысканы.

Новописной стрелец Левка Офонасьев пытан и с пытки говорил: посылал де по них воевода Федор Лодыженскай, а велел быть им старым мужикам к съезжей избе разговаривать. А Костянтина он де не бивал и животов не грабливал, и от ково завод учинился, сказал, не ведает.

Богородицкого монастыря крестьянин Федька Офонасьев Демин пытан и с пытки во всем запирался: Костянтина де он не бивал и животов его не грабливал, заводу никакова, сказал, не ведает.

Того ж монастыря крестьянин Архипко Гаврилов пытан и с пытки в заводе и в убойстве Костянтина Теглева и в грабеже не винился и на себя не говорил.

Того ж монастыря Мишка Плотников пытан и с пытки говорил: учинился де завод от игуменьи да от Макарка стрельца да от Кузьки Воденицына с товарыщи. А Костянтина де Теглева он не бивал, а животов взял седло и принес к воеводе. А ныне де у нево Мишки простыня, что лошеди покрывают.

Богородитцкого ж монастыря крестьянин Кирюшка Потапов сын Анпилогов пытан и с пытки винился: перед съезжею избою кричал и Костентина убить прошал и двери выбивал и в ызбу кинулся он третей человек. А весь де завод учинился от протопопа, да от игуменьи, да от Кузьки Воденицына. И тот де Кузька им говорил, как шли к съезжей избе: «Подем де убьем Костянтина Теглева. Я де вам и починщик. На Москве де и не таких побивают». Да приходил де к ним протопопов сын, поп Иван, и говорил им мирским людем у приказной избы: отец де ево протопоп Григорей приказал убить Костянтина Теглева. А животов де у нево Костянтиновых дома лоскут кафтанной да лисица. И Костянтина де он убил. И как пошли они было из съезжой избы, и рукою де махал им поп Иван, и они де назад поворотились. А убили де они

Костянтина с Макарком да с Костькою и с мирскими людми.

Того ж монастыря Пронка Трухин пытан и с пытки в убойстве Костянтина Теглева и в грабежных животах не винился и заводу никакова, сказал, не ведает.

Богородитцкого ж монастыря Онтошка Беляев пытан и с пытки говорил в заводе на Макарка стрелца да на Федьку Слонова. А в убойстве Костянтина Теглева и в грабежных животах на себя не говорил.

Того ж монастыря Изотка Чеботарь пытан и с пытки винился: к съезжей де избе с мужиками он приходил, Костянтина убить просил, и приступал с Макарком вместе, и Костянтина Теглева бил палкою, и убили с мирскими людьми до смерти. А животов его, сказал, не грабливал.

Того ж монастыря Савка Рудаков пытан и с пытки в заводе и в убойстве Костянтина Теглева и в грабеже не винился и на себя не говорил.

Новописной стрелец Федька Чюрюпин пытан и с пытки винился: Костянтина де Теглева он бил. И велел им убить протопоп Григорей. Да с ним же де бил Федотка Харин. И животов де Костянтиновых не грабливал. А после сказал: убили де Костянтина миром, а не по протопопову веленью. Федотка Харин не сыскан.

Новописной же стрелец Орешко Рубцов пытан и в бою Костянтина Теглева и в грабеже запирался и заводу никакова, сказал, не ведает.

Новописной стрелец Богдашка Иконник пытан и с пытки винился: у приказной избы кричал и Костянтина убить прошал, и двери выбивал, и с Кирюшкою Онпилоговым да с Костькою Филшиным, да с Ывашком Батуриным с Малейком, с Федькою Чюрюпиным, с Макарком стрелцом, с Федькою Слоновым и с мирскими людми Костянтина убили до смерти. А животов де Костянтиновых взял он Богдашко сковородку белою да косу да лоскут однорядочной. Да с ним же де грабил Савоска Фирсов и все мирские люди. А велел де им убить Костянтина Кузька Воденицын да протопопов сын, поп Иван им говорил же: убейте де Костянтина Теглева. А велел де убить отец ево протопоп Григорей.

А на Куземку Воденицына в воровском заводе говорил прежние свои речи.

Новописной стрелец Ивашка Чеботарь пытан и с пытки в воровском заводе и в убойстве Костянтина Теглева и в грабеже не винился и говорил прежние свои речи, что и в роспросе говорил.

Драгун Ивашко Лагодяев Пяторезенок пытан и с пытки

в воровском заводе и в убойстве Костянтина Теглева не винился и говорил прежние свои речи, что и в роспросе говорил.

Стрелец Кирюшка Мощин Куров пытан и с пытки в убойстве и грабеже, и в воровском заводе не винился и говорил прежние свои речи, что и в роспросе говорил.

Стрелец Стенька Ефимов пытан и с пытки говорил, что он к съезжей избе не приступал и Костентина не бивал и животов не грабливал.

Стрелец Ивашко портной мастер пытан и с пытки говорил: у съезжей избы кричал и Костянтина убить прошал. А ево Костянтина не бивал и заводу никакова не ведает. А Костянтиновых де животов взял он одеяло теплое котовое, а нашел де ево в пустой избе.

Стрелец Паршик Бочаров пытан и с пытки в убойстве и в воровском заводе и в грабеже не винился.

Орлянин, сын боярской Семен Белой и с пытки в наученьи мужиков, что убить Костентина Теглева, не винился и на себя не говорил. А говорил с пытки: в тюрьме де говорили Кузька Воденицын да Богдашко Иконник про боярина про Бориса Ивановича Морозова да про Петра Траханиотова: на Москве де при нем де при Кузьке и лутче Костянтина Теглева, что над ними учинилось, и тому де сыску не было, Костянтин де не дорог. А заводу Сенька никакова, сказал, не ведает.

И Кузька Воденицын пытан в другой ряд и с пытки винился: в тюрьме он про боярина про Бориса Ивановича Морозова да про Петра Траханиотова такие речи говорил.

А Богдашко Иконник в том винился ж: про боярина де про Бориса Ивановича Морозова да про Петра Траханиотова такие речи он говорил, слыша от Кузьки Воденицына.

Ивашко Меншиков пытан и с пытки сказал: слышал де он, что завод учинился от Макарка стрельца. А в заводе и в убойстве Костянтина Теглева и в грабежи не винился. И говорил прежние свои речи, что и в роспросе говорил.

Воротник Федька Кузмин пытан и с пытки в заводе и убойстве Костентина Теглева и в грабеже не винился и на себя не говорил.

Россылщик Филка Золотарев Шила пытан и с пытки винился: мужиков де он в город ворочал и кричал спроста безумьем, а не по воеводцкому велению. А говорил ему про то и велел ворочать россылщик Бориско Лыков. А слышал то слово Федька Вязмин монастырской мужик, ныне сидит в тюрьме.

А россылщик Бориско Лыков в роспросе и с Филкой на очной ставке сказал: на головине де дворе он был и

вино пил. А животов не грабливал и Филку Шилу мужиков ворочать не веливал и заводу никакова не ведает.

И россылщик Бориско Лыков пытан и с пытки в научанье не винился ж.

Богородитцкого монастыря крестьянин Агапка Потапов десятник пытан и с пытки винился, а сказал: у съезжие де избы он кричал и Костянтина убить прошал и ево бил и мужиком повещал. А велел им повещать слуга монастырской Сенька Тотарин. А для убойства ли, или слушать государевы грамоты — тово сказал не ведает.

А животов де Костянтиновых был у нево один платок. И напился де он на Костянтинове дворе, и тот потерял. А убойство де у них учинилось от игуменьи да от Кузьки Воденицына.

А Богородитцкого монастыря слушка Сенька Тотарин роспрашиван и пытан и с пытки винился: как де игуменья приехала с Москвы з государевою грамотою и ево де из монастыря посылал старец Моисей по Кузьку Воденицына, чтоб он пришел к ним в монастырь з государевою грамотою. И Огапку де Подкопаеву велел он мужиком повещать слушать государевы грамоты, а не для убойства. А приказал де ему про то их монастыря козначей старец Илья Москолев. И на дороге де ему мужики говорили, чтоб он велел мужиком повещать к приказной избе слушать государевы грамоты.

А черной поп[1] Моисей в роспросе сказал: Сеньку де Тотарина он по Кузьку Воденицына посылал для того, чтоб он пришел к ним в монастырь з государевою грамотою. И Кузька де к ним не бывал.

А казначей старец Илья Москолев в роспросе сказал: тот де день с утра, в которой убили Костентина Теглева, приходил он с келарем в съезжею избу к воеводе с государевою грамотою. И как де отдали государеву грамоту, он де Илья пришел к себе в монастырь. И после де ево Костентина убили мужики миром: Мокарко стрелец, да Кузька Воденицын, да Федька Слон с товарыщи. А сам де он тово не видал, потому что он был в монастыре и слышал про то от людей. А Сеньке де Тотарину он мужиком повещать государевы грамоты слушать не веливал и заводу никакова не ведает и не слыхал, а Сенька де Тотарин не о своем уме.

А на очной ставке Сенька Тотарин с казначеем с Ыльею говорил прежние свои речи. А казначей старец Илья на очной ставке с Сенькою в том запирался, что таких речей

---

[1] «Черный поп» — священник из монахов, монастырский поп.

не говаривал и ево повещать мужиков не посылывал. А он де Сенька не о своем уме.

Драгун Вавилка Орехов пытан и с пытки винился: к съезжей де избе он приходил и Костянтина убить просил и ево убил с мирскими людьми. А от ково завод учинился, про то, сказал, не ведает.

Девича монастыря Гришка Драчев пытан с пытки, в заводе и в убойстве и в грабежи не винился.

Новописной стрелец Савоска Фирсов пытан и с пытки винился: Костянтина он бил, на людей смотря. Да с ним же бил Мокарка стрелец да Ивашко Малик. А животов де у нево Костянтиновых седло да блюд оловяное белое, да кафтан сермяжной. И Костянтина де он убил с мирскими людми вместе.

Стрелец Ларко Черес пытан и с пытки сказал: перед съезжею избою не бывал и Костянтина не бивал и животов не грабливал и заводу никакова не ведает.

Богородицкого монастыря Васька Ефтифеев крошенинник пытан и с пытки говорил прежние свои речи, что в роспросе говорил: перед съезжею избою кричал и Костентина убить прошал, а ево не бивал и животов не грабливал и заводу никакова не ведает. Амелка Петров пытан, а с пытки в воровском заводе и в убойстве головы Костянтина Теглева и в грабежи не винился.

Да августа в 10 д. да в 14 д. колодники пытаны и с пытки сказали:

Кузька Воденицын у пытки роспрашиван и пытан накрепко и огнем зжен. И про протопопова сына про попа Ивана говорил прежние свои речи: тот де поп Иван перед съезжею избою к ним пришод, говаривал: прислал де отец ево протопоп Григорей, убейте де Костянтина и ево не упускайте. А игуменья де ему говорила: «На Москве де и не таких побивают». А завод де учинился от протопопа, да от сына ево попа Ивана, да от игуменьи и от нево Куземки в те поры, как игуменья с ним Куземкою приехала с Москвы. А да тех де мест у них заводу никакова не было. А животов де Костянтиновых он взял два лохтя холстины. А на губного старосту говорил прежние свои речи, что де он мужиков Костянтина убить научал.

А губной староста Кондратей Беседин пытан накрепко и против Кузькиных речей не винился.

Кирюшко Онфилогов пытан накрепко и огнем зжен и с пытки говорил: учинился де завод от протопопа да от сына ево попа Ивана. И тот де поп Иван, вышед к ним, велел убить Костянтина Теглева. И говорил прежние свои речи, что и в роспросе и с первой пытки.

Богдашко Иконник пытан накрепко и с пытки говорил: завод де учинился от игуменьи и от попа Ивана да от Кузьки Воденицына. А как де оне пришли слушать государевы грамоты, и игуменья де велела им итить в город с палками. И говорил прежние свои речи, что в роспросе и с первой пытки: по добро де с палками не ходят.

Протопопов сын, Никольской поп Иван против Кузькиных и Кирюшкиных и Богдашкиных речей у пытки роспрашиван и в роспросе сказал: таких де речей он мужиком не не говаривал, чтоб убить Костентина Теглева, и отец ему протопоп таких речей не приказывал.

И Кузька Воденицын с попом Иваном на очной ставке сказал: тот де поп Иван прибежал из за валу и им мохнул рукою и убить Костянтина велел по отцову велению.

И поп Иван сказал: говорил де он Богдашку Иконнику такие слова: «Братцы, коли де вы возъярились на Костянтина, мочна де не у съезжие избы, а тут ево не замайте».

А Кирюшка Онпилогов на очной ставке с попом Иваном говорил: тот де поп Иван приходил к ним, приходил и шапкою махал и убить Костянтина велел по отцову велению.

А Богдашка Иконник на очной ставке сказал: поп Иван им говаривал у башни: что де вы ево Костянтина не умели убить на дороге, а то де вы рос... рвились.

Протопопов сын поп Иван пытан накрепко и с пытки винился: то де он мужиком говорил: будем им Костянтина убить, и вы де ево тут не бейте, а убейте где инде. А отец ево протопоп не учивал. И говорил то слова спроста, вышед перед съезжею избою, как ходил мужиков уговаривать.

Протопопов же сын поп Иван пытан на другой ряд накрепко и винился: вышед из съезжей избы, мужиком он говорил, что отец ево им Костянтина убить велел, и шапкою мохал. А затеел де он то собою без отцова ведома. А отец ево протопоп о том говаривать мужиком не посылывал.

И протопоп Григорей в роспросе у пытки сказал, что он сына своево попа Ивана к мужиком не посылывал, и Костянтина убить не приказывал. А будет де сын ево такие речи и говорил, толка де он таких речей мужиком не говаривал, и убить не веливал. И сына к ним говарить не посылывал, и чтоб с ним поставить у пытки мужиков с очей на очи: будет де мужики на нево скажут, что такие речи он им говорил и Костянтина убить велел, и в том де он у государя не просит милости.

И у пытки Кузька Воденицын, Богдашка Иконник, Кирюшка Анпилогов с протопопом с очей на очи ставлены и на очной ставке сказали: от протопопа де они на голову на Костянтина в убойстве наученья не слыхали. А говорил

де им приходя, чтоб убить Костянтина, протопопов сын поп Иван. А велел де убить отец ево протопоп Григорей. А по протопопову ль велению он говаривал, про то, сказали, не ведают. От тово де убойства и весь завод учинился, потому де оне на протопопа в заводе и говорили.

Протопоп же Григорей у пытки сказал: толко б де по Костянтина не воевода посылал, не была б де ничево. А мочно б де ево из съезжей избы проволить. А после говарил прежние свои речи, что в роспросе говарил, что воевода по Костянтина посылал по их челобитью.

Девича монастыря игуменья Феодора пытана в роспросе и с пытки винилась в том, что она Макарка новописнова стрельца отпустила. А в заводе и в убойстве Костентина Теглева не винилась.

Костька Филшин пытан накрепко и огнем зжен. И с пытки в убойстве винился и говарил против прежних своих речей, что в роспросе и с первой пытки говарил. А стариц де он Устинью Бралью да Ульенею Осколскою попадью поклепал в роспросе за то, что оне ево били и к Москве не отпустили, и держали ево в железах.

Якушко Копейкин пытан же накрепко и с пытки винился и говарил прежние свои речи, что и с первой пытки: Костянтина де он бил, а животов не грабливал и заводу не ведает.

Федька Чюрюпин пытан накрепко и с пытки винился и говарил прежние же свои речи: Костянтина де он убил с мужиками вместе, а животов не грабливал. А от ково завод учинился, сказал, не ведает.

Ивашка Батурин Малик пытан накрепко и огнем зжен и с пытки винился: Костентина де он убил, а завод стал от игумены да от попа Ивана да от Мокарка. А животов никаких де у нево нет. И Савостка Фирсов с ним бил же. И во всем винился и говарил прежние свои речи, что говарил с первой пытки, что Костянтина били миром.

Орлянин сын боярской Сенька Белой пытан накрепко и с пытки винился: подучав де он Макарка убить Костянтина бес хитрости, и Костянтина не бивал и животов не грабливал.

Россылщик Филка Шило пытан накрепко и винился, что мужиков ворочал. А на Бориска Лыкова говорил прежние свои речи, что велел ему мужиков ворочать он, Бориска.

А Бориска Лыков пытан накрепко и огнем зжен и винился. А сказал, что он мужиков ворочал не по чьему наученью спросто без хитрости. И Филке ворочать велел. А нихто ево не учил. И животов не грабливал, только на Костентиновом дворе пил вино.

Арешко Рубцов пытан накрепко и огнем зжен и с пытки винился, что он к съезжей избе приступал, и кричал, и Костянтина убить прошал. И что он Костентина с Ывашком Ботуриным Маликом и с мирскими людми до смерти убил.

Левко Офанасьев пытан накрепко и с пытки говорил: перед съезжею избою он с мужиками кричал, с мужиками вместе и убить Костянтина прошал. А ево не бивал и животов не грабливал.

Федька Демин пытан накрепко и с пытки винился: перед съезжею де избою с мужиками кричал и убить Костянтина прошал. А ево не бивал. Да он же де поднял Костянтиновых животов хомут.

Пронка Трухин пытан накрепко и с пытки винился, что перед съезжею избою с мужиками вместя кричал и Костянтина убить прошал. А ево не бивал и животов не грабливал. А от ково завод учинился, сказал, не ведает.

Архипка кузнец пытан накрепко и с пытки винился, что перед съезжею избою с мужиками кричал и Костянтина убить прошал. А ево не бивал и про завод не ведает.

Онтошка Беляев пытан накрепко и с пытки винился: перед съезжею избою с мужиками кричал, и Костянтина убить прошал. А ево не бивал и животов не грабливал и заводу не ведает.

Савка Рудаков пытан накрепко и с пытки в заводе и убойстве и в грабежи не винился.

Ивашка Чеботарь пытан и с пытки говорил: перед съезжею избою был в те поры, как уж Костянтин убит. И ево не бивал и животов не грабливал и заводу не ведает.

Карнюшка Мощин пытан накрепко и с пытки в убойстве и в грабежи и в заводе не винился, а взял де телегу одну.

Стенька Ефимов пытан накрепко и с пытки в заводе и в убойстве и в грабежи не винился.

Ивашка Меншиков пытан накрепко и с пытки винился: у съезжей избы кричал и Костянтина убить прошал, а ево не бивал и животов не грабливал и заводу не ведает.

Гришка Драчов пытан накрепко и с пытки в заводе и убойстве и в грабеже не винился.

Омелка Петров пытан накрепко и с пытки винился: у съезжей избы кричал и Костянтина убить прошал, и Костянтина с мужиками вместе бил. А животов не грабливал и заводу не ведает.

Васька Евтифеев Крашенинник пытан накрепко и говорил прежние свои речи: перед съезжею избою кричал и Костентина убить прошал, а ево не бивал и животов не грабливал и заводу не ведает.

Анисимка Гончар пытан и с пытки винился: у съезжей избы он кричал и Костянтина убить прошал, а ево не бивал и животов не грабливал, а убили де Костянтина миром.

Из сборника «Городские волнения в Московском государстве в 1648 г.» (подготовлен к печати Историко-археографическим институтом Академии наук СССР). Подлинник находится в Государственном архиве феодально-крепостной эпохи. Разрядный приказ, Белгородский стол, ст. № 269.

23. Приговор над виновными в участии в восстании в Курске 5 июля 1648 г.

И 156 году августа в 17 д. по государеву... (т.) ...указу, стольник Василей Васильевич Бутурлин, выбрав пущих воров и заводчиков, которые в Курске воровской завод завели и к приказной избе приступали и двери выбивали и вытаща из съезжей избы голову Костентина Теглева убили до смерти и животы ево розграбили. А в роспросе и с пытки они в том винились и сами на себя говорили, Богородицкого монастыря крестьянин Куземку Воденицына, Кирюшку Онпилогова, Ивашка Ботурина Малика да Девича монастыря крестьянина Костьку Филшина да новописнова стрелца Богдашка Иконник пети человек велел вершить и перевешать по дорогам. А достольных товарыщей их воров же и заводчиков, которые к съезжей избе гилем приходили, и приступали, и Костентина Теглева убить просили, и двери выбивали ж и Костентина Теглева били ж и животы ево грабили, а иные мужиков ворочали и на убойство научали, велел бить кнутом по торгом и посадить в тюрьму да государева указу. А игуменья Феодора да протопоп Григорей, да сын его поп Иван и келарь Онтоней и черные попы Хорлампей и Моисей и губной староста Кондратей Беседин отданы за приставов до государева указу.

Из сборника «Городские волнения в Московском государстве в 1648 г.» (подготовлен к печати Историко-археографическим институтом Академии наук СССР). ГАФКЭ, Разрядный приказ, Белгородский стол, ст. № 269.

IV. ВОССТАНИЕ В УСТЮГЕ ВЕЛИКОМ (9 июля 1648 г.)

24. Отписка устюжского воеводы М. В. Милославского с извещением о восстании в Устюге Великом 9 июля 1648 г.

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии холоп твой Михалко Милославской челом бьет.

В нынешнем, государь, во 156-м году июля в 9 день был у меня холопа твоево на дворе подьячей Онисим Михайлов да устюженя посадские люди. И пришли, государь, ко мне в те ж поры земские судейки Ивашко Бубнов да Ивашка Мотохов. А сказали мне, холопу твоему, што мужики воры Устюга Великого посадские и уездные люди бьют у многих церквей в колокола и волнуютца. И земского судейку Федьку Волкова ведут сажать в воду. И я холоп твой, не чая от них таково воровского заводу, выехал к ним, чтоб их от такова дурна унять. И им почал розговаривать, штобы оне от такова дурна унялися. И те, государь, воры меня холопа твоево изымали и повели, государь, меня на мой дворишка. И как, государь, меня привели на мой дворишка, и у дворишка, государь, моево ворота выломлены и на дворишке моем сени и клети и чюланы людские все розломаны, и животишка мои все пограблены. И почали у меня спрашивать подьячево Онисима Михайлова. И я холоп твой сказал им, что я про нево не ведаю. И те, государь, воры вывели меня холопа твоево к церкви Рождества христова и приводили к реке двожды, и хотели меня кинуть по два пойма с обруба в воду. И поворотя, государь, меня от реки, привели на мое дворишко. И нашли подьячево Анисима Михайлова у меня на дворишке. И убили ево в сенях до смерти и тело ево кинули в Сухону реку. И воротяся, государь, опять на мое дворишко, почали у меня спрашивать подьячево Григорья Похабова. А у меня, государь, его Григорья в те поры не было. И привели меня холопа твоево к образу, что у меня Григорья Похабова нет. И пошли, государь, те воры грабить посадских людей. И многих, го-

сударь, посадских лутчих людей дворы розграбили и хоромы розломали и иссекли. И посадских лучших и середних людей розогнали врознь. И похваляютца, государь, те воры меня холопа твоево и подьячево Томила Арсеньева и лутчих посадских людей побить до смерти. И я холоп твой в съезжую избу ездить и подьячие ходить не смеют, боясь смертного убойства. И твои, государь, всякие дела стали.

Милость, государь, свою государскую надо мною холопом своим покажи, вели, государь, про тот воровской завод сыскать и от тех воров меня холопа твоево оборонить.

На л. 1 помета:

156 году августа в 4 день Государь сей отписки слушал указал: послать сыскивать ис Посольского приказу думному дьяку Михаилу Волошанинову с товарыщи князь Ивана княж Григорьева сына Ромодановского.

Из сборника «Городские волнения в Московском государстве в 1648 г.» (подготовлен к печати Историко-археографическим институтом Академии наук СССР). ГАФКЭ, Приказные дела нового разбора, № 955.

25. Показания бежавшего в Москву подьячего устюжской съезжей избы Г. Похабова

156 г. августа в 5 день устюжской съезжие избы подьячей Гришка Похабов в допросе сказал:

В нынешнем во 156-м году июля в 9 день был я на Устюге в гостях гостинные сотни у торговых людей у Ивана Усова з братьею. И тово числа в 6-м часу дни почали бить в колокола на Верхнем посаде у Николы чудотворца и после того у Рождества христова. И послыша то, гостинные сотни Иван Усов, и брат ево Сила, и я Гришка и чаели, что горит. И поехали они улицею, а я побежал берегом в город к своему дворенку. И как буду против приходу Петра и Павла, в то время идут с верхнево посаду люди. И я у них спросил: «Для чево в колоколы бьют?». И они мне сказали: «Собираютца грабить Анисима Михайлова и иных людей. И тебя де поминают имянем, что грабить». И я, блюдясь того, чтоб не убили, и взяв с собою их Ивановых и Силиных дву человек — Ондрюшку Резина и Тренку, прозвищем Костыля, и переехал за реку за Сухону. И ушел с ними за Морозовскую слободку на бор, и был на бору.

И идут с Устюга, после того спустя многое время, волосные крестьяне. И у них спросил, что делаетца на Устюге на посаде. И они мне сказали, что Анисима Ми-

хайлова убили и бросили в реку в Сухону, и ныне де грабят твой двор. А воеводу Михайла Васильевича Милославского приводили де у Рождества христова у храму на обруб к реке к Сухоне двожды и хотели ево убить. И как мне оне то сказали, и пошел я оттуда вверх по Югу с тем Ивановым человеком Ондрюшкою в Троецкую деревню во Лнениково, и оттуду Архангелского монастыря в Фешево село, и был до вечера. И вечером пришел за Троецкой монастырь на поскотину. И сыскал меня тут детина мой Филя и сказал мне, что дворишко мой розграбили, божие милосердие образы, и животишка мои ларчишка, и сундучишка, и коробьишка, и погребчишка, и деньги, и платье, и суды серебряные, и посуду оловянную и медную и железную и деревянную, и запас домовной и всякой в погребишках и в онбаришке, что опричь двора особь, и письма придрали. И во дворишке моем все хоромишка, и оконницы, и посуду многую и онбаришко иссекли и изломали. И иное платишко драли, и замки и запоры железные все выломали и розорили до конца.

И после того посадцких людей грабили 4 двора.

А как убойство был и дворы грабили, и в то время у тех приходех били в колокола сполох. А задворной онбаришко указала грабить Овдотьица Иванова жена Григорьева. И на том грабежу, как дворишко мой грабили, узнал он Филя в лица имяны да устюжане Давыд Ширкин, да Ивашко Петров грабещиков устюжан Мосю Чагина кузнеца, Мишку Микитина Решетова, Тереху мясника, Якуню Филипова Яглина, Басу Максимова кузнеца, Фетьку Кузовлева, Кузю Баранова, Фомку Зеленово, Ивашка Прокопьева шапошника, Ивашка Сыскина, Евдокимка Шелковникова, Ортюшку Шастина, Федька Офонасьев Ощеул, деревни Барсукова Сенька Барсуковской, Мося Иванов сын Ляпин, Архангельского монастыря дьячек Васька Иванов Шипков, Шумко Степанов прозвищем Железные бабы, Усольского уезда Петровского сельца Данилко Скрыпин, Сухонского Нововышлого стану Ивашко Ворон, Ивашко Морткинской, Игнашка Яхлаков, устюжские стрельцы Ивашко Онаньин, Костя Пупышев, Кирилко Романов по прозвищу Таска, Трошко Прохоров сын прозвищем Полуказачье, Симанко Аникиев.

И начевал тое ночи тут на поскотине. И в понедельник съехал к Соле Вычегоцкой. И после того тот детина мой Филя писал ко мне: сказывал ему воевода Михайло Васильевич Милославской, говорили ему воры, которые убили Онисима Михайлова, что у него на дворе я Гришка, и меня б им отдать, что им убить. И он Михайло им

сказал, что меня у него на дворе нет, и на том ево Михайла и жену ево приводили к образу. И от Соли Вычегоцкие поволокся на Двину, блюдясь смертново убийства. И приволокся к Николе на Шиленге. И оттуда ехал через Вагу к Вологде и к Москве.

Скаску писал я Гришка своею рукою.

Из сборника «Городские волнения в Московском государстве в 1648 г.» (подготовлен к печати Историко-археографическим институтом Академии наук СССР).

26. Показания устюжан — посадских людей Дмитрия и Ивана Котельниковых

157 году сентября в 11 день. По государеву... (т.) ...указу стольнику князю Ивану Григоревичу Ромодановскому устюжаня посацкие люди Митька да Ивашко Котельниковы сказали по Государеву... (т.) ...крестному целованью: как на Устюге посаде в прошлом во 156-м году июля в 9 день сполох был и в тое поры я, Митька, был в гостях у Федоры Игнатевы жены Протопопова. А как стали на посаде в колокола бить, и яз, Митька, задними воротами убежал в рожь. А забежал рожью против Воскресенья Овыденного и лежал во рже до вечера. А изо ржи вечером прибежал в Архангельской монастырь задними воротами в келью к черному попу Моисею да и ночевал. И назавтрее от страху сидел в келье во весь день. А я, Ивашко Котельников, как в колокола сполох почали бить из дворишка своего на огород побежал. И с огорода на заполье, а з заполья на бор за Ивана Предтечю в лес, да и ночевал. А хто подьячего Онисима Михайлова убил, и хто воеводу Михайла Васильевича Милославского за груди на обруб водили и судью Федора Волкова хотели убить, и хто подьячего Григория Похабова двор грабили и наше дворишко розграбили того мы не ведаем. А в тое поры на Устюге на посаде многим людем съезд был[1]. А граблёному нашему животу роспись под сею скаскою[2].

Из сборника «Городские волнения в Московском государстве в 1648 г.» (подготовлен к печати Историко-археографическим институтом Академии наук СССР). ГАФКЭ, Приказные дела старых лет, 1648 г., № 87.

---

[1] 8 июля, накануне восстания, в Устюге праздновался день «Прокопия праведного, устюжского чудотворца». В этот день в Устюге ежегодно бывала ярмарка, привлекавшая многолюдный съезд крестьян и торговых людей из других городов.

[2] К показанию приложена роспись разграбленного имущества.

27. Показания устюжского земского судейки И. И. Бубнова

157 г. декабря во 2-й день по государеву... (т.) ...указу сказал прошлого 156-го году устюжской земской судейка Иванко Игнатьев сын Бубнов по государеву... (т.) ...крестному целованью: в прошлом во 156-м году июля в 9-й день в воскресной день после обедни седим мы в земской избе—я, Ивашко, с товарыщи своими з земским судьею с Федором Волковым да с ружным старостою с Иваном Мотоховым. И собрався много устюжан черных уездных всяких незнаемых людей. И прибежали к нам в земскую избу устюжаня кузнец Мося Чагин да Игнашка Яхлаков, Васька Шамшурницын да Шумко Бабин с товарыщи своими со многими незнаемыми людьми. И, прискоча, взяли за руки и за груди земского судью Федора Волкова он Мося Чагин, Игнашка Яхлаков и поволокли из земские избы вон. А Васька Шамшурницын и Шумко Бабин с товарыщи в шею толкать и бить и с мосту прямо хотели на землю бросить. И с мосту ево сволокли, а хотят ево убить и в воду посадить, и водят ево по площаде. А меня, Ивашка, они ухватили же и мало до смерти не убили. И я у них вырвался из рук с товарыщем с ружным старостою с Ываном Мотоховым и побежали к воеводе к Михайлу Васильевичю Милославскому на двор и, прибежав, про то ему сказали. И он Михайло Васильевич от себя из дому тотчас поехал к приказу[1]. И сказав, я Ивашко, убоясь такой мирской шатости и смертию убийства от того Моски с товарыщи, убег з двора и побежал в деревню Галащево и на дороге сустиг племянника своего Сеньку Васильева сына Бубнова. И прибежали с ним вь их деревню Галащево за болото, и тут жил и ночевал две ночи. И пришел на Устюг после той шатости в третей день. А какими обычаи и хто имяны устюжаня посацкие или уездные люди, и для чево скопом и заговором к воеводе Михайлу Васильевичю Милославскому ко двору приходили и ворота выломили и на дворе сети и чюланы людцкие все розломали ли и животы ево розграбили ли, и сколко каково живота ево взяли и хто имяны к реке ево Михайла приводили и в воду с обруба кинуть хотели, и подьячево Анисима Михайлова у нево Михайла в сенях хто убил до смерти и тело ево в Сухону реку вкинули, и подьячево Григорья Похабова у нево Михайла хто спрашивал ли и хотели ль ево убить до смерти, и

---

[1] К съезжей избе.

ево Михайла, и жену ево, и тещу к вере привели ль, что у него Григорья Похабова не было, и чьи дворы посадцких людей розграбили, и сколько каково живота их взяли, и на него Михайла и на подьячево Томила Арсеньева и на посадцких на лутчих людей хто хвалился ли побить до смерти и на ково имянем, и хто имяны в том воровстве завотчики, и хто сполошно у церквей в колокола звонил, про то про все я Ивашко не ведаю, потому что от таковые мирские смуты и убоясь от того Моски Чагина и товарыщев его смертного убийства, был в побегах и домишка своего в то время не спознал. И как пришел из деревни на Устюг и после того слышил у воеводы у Михайла Васильевича Милославского, что к нему ко двору приходили скопом и заговором устюжане черные и уездные многие и иногородные люди, а с ними устюжанин Мося Чагин кузнец, Ивашко Белой с товарыщи своими, и ворота выломали и двор и животы пограбили, и подьячево Анисима Михайлова у нево в сенях до смерти убили и в реку бросили, и к вере приводили ево Михайла. А хто Анисима убил, и тово я Ивашко от него не слышил. А на дворе у него воеводы видял крыльцо изломано. А про грабленые дворы я Ивашко слышил у теж же грабленых людей у Дмитрея Своробова, у Василья Бубнова, у Григорья Губина, что грабили дворы подьячево Григорья Похабова у Меркурья Обухова и их дворы.

Из сборника «Городские волнения в Московском государстве в 1648 г.» (подготовлен к печати Историко-археографическим институтом Академии наук СССР).

28. Показания сотника устюжских стрельцов Е. Я. Маркова

157-го сентября в 19 д.... сотник устюжеских стрельцов Елизарей Якимов сын Марков сказал... В прошлом во 156 году июля в 9 д. был я в съезжей избе и из съезжие избы пришел домовь. И прислал ко мне воевода Михайло Васильевич Милославской да Томило Арсеньев деньщика Илюшку Карпова: велел де тебе быть воевода в съезжую избу тотчас с стрельцами и с оружьем. И в то время был звон большей сполошной. И я тотчас в съезжую избу побегл. И встречю мне Томило Арсеньев бежит на лошади. И я его спрошал: «Что ты, Томило, бежишь?». И он мне сказал: «Не до тобя мне стало!». И как я буду против Николы чюдотворца, и из Николской улицы ведут воеводу Михайла Васильевича Милославсково многие мир-

ские люди. А имян, и отцов и прозвищ не ведаю, потому что я на Устюге человек приезжей. И как буду с воеводою у Рожества против воевоцково двора, и ему воеводе говорят мирские многие люди: «Отдай де нам Онисима Михайлова!». И он им говорит: «У меня де Онисима нет. Неведомо где». — «А не отдашь де Онисима, и мы де тебя убьем и в воду посадим». И водили его к обрубу и от обруба к воеводцкому двору, и ворота выломили, и крильцо и двери у сеней розломали, и тиском в сени и в горницу пошли. А меня с крыльца два человека, взяв: «Отойди де ты от нас покаместа жив» и толкнули меня на воевоцкой огород. И оттоле я ушел к себе на подворьишко. А то мне говорили: «Станешь де збиратца стрельцами и с оружьем, и мы де вас всех побьем и в воду посажаем!». А Онисима Михайлова на воевоцком дворе убили и с обруба бросили и в воду кинули. А что грабежем взяли живота у воеводы Михайла Васильевича Милославсково, и того я не ведаю. И как Онисима в воду кинули и пошли от обруба и говорят многие люди: «Пойдем де мы к меншему воеводке Григорью Похабову [1]. Его де убьем и животы розграбим». А у посацких людей у Дмитрея Своробова, да у Василья Бубнова, да у Григорья Губина животы их грабили. А что их живота взяли — и того я не ведаю. То за мною и речи по государеву... (т.) ...кресному целованью в правду. А скаску писал сотенной дьячек Семейка Артемьев.

Из сборника «Городские волнения в Московском государстве в 1648 г.» (подготовлен к печати Историко-археографическим институтом Академии наук СССР).

29. Статейный список сыскного дела стольника кн. И. Г. Ромодановского и подьячего К. Львова о восстании в Устюге Великом 9 июля 1648 г.

Выписано в статьи из сыскного дела стольника князя Ивана Григорьевича Ромодановского [2].

В нынешнем во 157-м году сентября в 7-й д. по государеву... (т.) ...указу стольник князь Иван Григорьевич

[1] Подьячего съезжей избы Григория Похабова, являвшегося ближайшим помощником воеводы, называли «меньшим воеводой».

[2] После того как в Москве через подьячего Григория Похабова были получены первые известия о восстании в Устюге Великом, 6 августа 1648 г. состоялся царский указ о посылке в Устюг Великий для расследования и наказания стольника кн. И. Г. Ромодановского и подьячего К. Львова. С ними был послан отряд московских стрельцов в 150 чел. под командой сотника Б. Тайдакова. В Вологде было велено присоединить к отряду 50 вологодских стрельцов.

Ромодановской, приехав на Устюг Великий для ево государева... (т.) ...сыскного дела, и воров сыскивал и роспрашивал. И по розпросу, которые пытаны и огнем зжены и которые довелись вершены по их винам, и им статьи писаны в сем статейном списке:

Устюжеской посадцкой человек Артюшка Шастин говорил в роспросе и с пытки, по оговору посадцкого ж человека Фомки Зеленого: в прошлом во 156-м году июля в 9-й день у воеводы он Артюшка у Михайла Милославского был с Москою Чагиным, с Ывашком Белым, с Ыгнашкою Яхлаковым, с Терешкою Мясником, с Фомкою Зеленым и с ыными многими устюжскими с посадцкими и с уездными людми, имян их не упомнит. И у подьячево у Григорья Похабова на грабежу с воровскими людьми с теми ж и со многими мирскими людьми был же. А было до тех воров устюжан и посадцких и уездных людей не одна тысеча, имян им не помнит. А что грабежу у ково взял, про то розпрашиван порознь против всех статей, и он не говорил. Да на нево ж Ортюшку в скаске написал отец ево духовной Мироноситцкой поп Максим, что он Артюшка был на воровстве.

Устюжанин посадцкой человек Фомка Зеленой говорил в роспросе и с пытки на себя и на товарыщей своих: во 156-м году июля в 9-й день с воровскими людьми с Москою Чагиным, с Ыгнатком Яхлаковым, с Терешкою Мясником, с Якушком Филиповым, с Куземкою Борановым, с Артюшкою Шастиным, с Шумилком Бабиным, с Федкою Кузовлевым на воровстве были у воеводы у Михайла Васильевича и говорили воеводе Михайлу Васильевичю Милославскому, чтоб он отдал подьячево Анисима Михайлова, и Анисима убили. И воеводу Михайла Васильевича Милославского к воде и к вере приводили со многими устюжаны посадцкими и уездными людьми, имян им не знает, потому что де их было на том воровстве не одна тысеча. И у Григорья Похабова двор ломали, и иные дворы, то он видел, как ломали и грабили тот же Моска Чагин с товарыщи со многими людьми. А он с ними был, а ничево он грабежных животов ни у ково не имал. А с пытки посажен в тюрьму, и в тюрьме умер с угару.

Оговорной человек Федька Кузовлев кузнец говорил в роспросе и с пытки по оговору Фомки Зеленого, говорил, что он во 156-м году июля в 9-й день с воровскими людьми с Москою Чагиным и с ыными многими людьми с устюжаны, имян им не помнит, был пьян и к воеводе Михайлу Васильевичю Милославскому с воровскими людьми был, того не помнит, потому что был гораздо пьян.

А больши того ничего не знает и заводу не ведает. Бит кнутом, посажен в тюрму до государева указу.

Вор и завотчик устюжанин посадцкой человек Моска Чагин, по скаскам и по обыском устюжан посадцких людей, и товарыщи ево многие говорили, что он во 156-м году июля в 9-й день на Устюге Великом завел большой мятеж, и у всех воров был в заводе в головах он с Ыгнашкою Яхлаковым, с Ывашком Белым, с Терешкою Мясником, с Ваською Шамшуриным, с Ывашком Салдатом и с ыными многими устюжаны с посадцкими и с уездными людьми, земского судейку Федьку Волкова волокли в воду, и у съезжево двора ворота выломили, и у воеводы у Михайла Васильевича Милославского ворота выломили ж и хоромы разломали, ево и людей ево грабили, и подьячево Анисима Михайлова убили до смерти, и тело ево в реку Сухону бросили, и дворы подьячево Григорья Похабова и посадцких лутчих людей грабили они ж Моска с товарыщи. И он Моска, узнав свою вину, до приезду стольника князя Ивана Григорьевича Ромодановского, с Устюга з женою и з детьми збежал безвестно, а двор свой оставил пуст. Только у нево во дворе взято коренья и травы, а рухледишка ево и запас запечатано. А коновал Ивашка Мезенец, смотря тех (трав)[1] сказал — не знает, только де он лечит лошеди.

Товарыщ Моски Чагина устюжского Нововышлого стану церковной дьячек Игнашка Яхлаков. Говорили на него в роспросе и с пытки товарыщи ево Терешка Мясник с товарыщи и в обысках те ж речи что на Моску ж Чагина. А в речах своих в роспросех и с пыток прибавили на него: как учинился на Устюге от них воров мятеж, и он Игнашка носил бумагу согнута, а говорил во весь мир, что де пришла государева грамота с Москвы, а велено де на Устюге по той государеве грамоте 17 дворов грабить. И тот Игнашка збежал безвестно, узнав вину свою, до приезду стольника князя Ивана Григорьевича Ромодановского.

Вор и завотчик Ивашко Белой, товарыщ Моски Чагина. Говорили на него в роспросех и с пыток товарыщи ево Терешка Мясник с товарыщи, что он во 156-м году июля в 9-й день своими товарыщи с ворами гилем к воеводцкому двору Михайла Васильевича приступали, и животы ево грабил, и подьячево Анисима Михайлова в сенех убил до смерти, и ево ж воеводу Михайла Васильевича к обрубу дважды к воде водил, и к вере ево ж воеводу Михайла Васильевича и жену ево и тещу приводил, что у него

---

[1] В подлиннике нет.

подьячево Григорья Похабова нет. И хотел он с товарыщи своими ево Григорья убить до смерти, и дворы Григорья Похабова и посадцких лутчих людей грабил. И, узнав свою вину, с Устюга збежал до приезду стольника князя Ивана Григорьевича Ромодановского, и не сыскан.

Оговорной человек Куземка Баранов говорил в роспросе и с пытки по язычной молке[1] Фомки Зеленово. Говорил на него Фомка Зеленой: видел ево Куземку он Фомка во 156-м году июля в 9-й день с ворами с устюжаны с посадцкими и с уездными многими людьми — у воеводы у Михайла Васильевича Милославского на дворе был. И на грабежу у Григорья Похабова видел, а что он грабежу имал, того не сказал. А на очной ставке Куземка Баранов с Фомкою в роспросе и с пытки во всем запирался, а сказал, что он был в тот день у Силы Садилова у посадцкого человека во весь день. А Сила с ним Куземкою на очной ставке (сказал)[2], что он Куземка во 156-м году июля в 9-й день был у него Силы на время, а не во весь день. И Фомка Зеленой в тюрьме умер. А Куземка пытан и огнем зжон и наказанье — в проводку бит кнутом. И посажен в тюрьму до государева указу.

Оговорной человек устюжанин посацкой человек Андрюшка Колмаков, по оговору Фомки Зеленово, говорил в роспросе, и с пытки, и на очной ставке с Фомкою: во 156-м году июля до 9-го числа за неделю или меньши, был он с мирскими многими людьми с устюжаны с Анисимком Рошкиным, с Федькою Ногиным Горохом в судебне, и то слышал, думали как и советовали з земскими судейки с Федькою Волковым он Онисимко Рошкин да Федко Ногин Горох с товарыщи, чтоб взяли у Анисима Михайлова деньги[3]. А он с ними не советовал. А был он с ворами июля в 9-й день воеводы на Михайлове дворе Васильевича Милославского со многими людьми, а была де тут на дворе не одна тысеча, а ничево не грабил, имян товарыщем своим не помнит, потому что было многолюдно. А больши того, ничево не ведает. И по государеву указу было ему поученье и посажен в тюрьму до государева указу.

---

[1] «По язычной молке» — по устному показанию.

[2] В подлиннике нет.

[3] Подьячему Анисиму Михайлову была поднесена «почесть» в размере 260 руб., собранная с посадских людей и с крестьян по сошной раскладке. Накануне восстания и в день восстания в Земской судебне обсуждался вопрос об отобрании у Анисима Михайлова данных ему денег. С этим решением несколько раз ходил к воеводе и к подьячему Анисиму Михайлову крестьянин А. Рошкин. Однако получить обратно деньги не удавалось.

Оговорной человек Ивашко Прокопьев сын шапочник. Говорил на него в роспросе и с пытки Фомка Зеленой: видел ево Ивашка у Григорьева двора Похабова, как его Григорьев двор ломали и грабили. И Ивашко Прокопьев шапочник говорил в роспросе и с пытки: во 156-м году июля в 9-й день, как учинился мятеж на Устюге, и он бежал мимо двор Григорья Похабова, и видел Моску Чагина: у горницы окна ломает. А больши того ничево не ведает, с ворами к воеводе не прихаживал, и подьячево Анисима Михайлова хто убил не ведает, и никого не грабил. И он Ивашко бит кнутом в проводку, и посажен в тюрьму до государева указу.

Оговорной человек Моска Ляпин кузнец, написан по скаске Григорьева человека Похабова Филки, — говорил в роспросе: во 156-м году июля в 9-й день как учинился на Устюге от воровских людей мятеж, и он Моска в ту пору был дома спал пьян. И в то мятежное время жена ево замкнула в клети, и про то де ведомо соседом ево Сеньки Шашину, Мишке Архипову. А от ково такой завод учинился, ничево не ведает и ни от ково не слыхал. А Сенька Шашин и Мишка Архипов и ево Москина жена и сын ево роспрашиваны порознь и они все сказали, что в ту пору был пьян и был замкнут в клети. И он Моска посажен в тюрьму до государева указу. А языки на него ничево не говорили.

Деревни Барсуковы крестьянин Сенька Барсуковской написан в скаске Григорьева человека Похабова Филки. Говорил в роспросе: во 156-м году июля в 9-й день учинился на Устюге от воровских людей мятеж, и он в те поры на Устюге не был, а был за Сухоною рекою на Дымкове, сидели на берегу. Про то де ведомо Дмитриевскому дьячку Куземке Леонтьеву, Митьке Мазалову, Полунке Васильеву, Левке Куракину, Петруньке Папыле. И про нево Сеньку сыскивано и общая правда доспрашиваны. И в допросе ево Сеньку очистили, что он в ту пору на Устюге не был, а был на Дымкове с ними за Сухоною рекою. А Григорей Похабов сказал, что он ему, Сеньке, не истец. А языки на него нихто ни в чем не говорили. Дан на поруку в статье до государева указу.

Устюжанин Шумилко Степанов сын Бабин по росписи Григорьева человека Похабова Филки, — говорил в роспросе и с пытки: во 156-м году июля в 9-й день учинился на Устюге от воровских людей мятеж, и он был в ту пору у подьячево у Томила Арсеньева, и побежал от нево. И как будет мимо воеводцкого Михайла Васильевича Милославского двора на обрубе, и ево де поимал Силы

Якимова половник Микишка Фалков, и ево зашиб и назвал ево изменником, что к подьячему к Томилу вести носит. И у воеводцкого двора людей видел много, а имян не знает. Да он же Шумилко на площаде отнял у устюжанина ж Быкокурского стану у Максима Мезенцова блюдо белое да ендовку медную и отнес в съезжую избу. А он де к ворам не приставал и дворов ничьих не грабливал. И то блюдо и ендовка отдана Григорью Похабову. Бит кнутом и посажен в тюрьму до государева указу.

Оговорной человек Микишка Фалков в роспросе говорил по оговору Шумилка Бабина: во 156-м году июля в 9-й день, как учинился на Устюге мятеж, и он в ту пору в Левонтьевском конце спал пьян, ничево не ведает, и Шумилка не встречал и ничево ему не говаривал, а нихто на него в воровстве не говорил. Бит кнутом и посажен в тюрьму до государева указу.

Ивашко Морткинской по Григорьеве скаске Похабова, в роспросе сказал: во 156-м году июля в 9-й день на Устюге Великом от ково мятеж учинился и хто заводчиков, того ничего не ведает, потому что он в ту пору был в Архангельском монастыре за трапезою хлеба ел, за то что на Сухоне монастырской ез[1] делал. И в том слался Архангельского монастыря на келаря старца Иосифа и на всех, которые в те поры были, имян не помнит. А келарь старец Иосиф допрашиван и он сказал по иноческому обещанью, что он Ивашко в трапезе за работу в тот день в монастыре хлеба ел, да и пошел с монастыря. И Ивашко бит кнутом по торгам и посажен до государева указу в тюрьму.

Устюжанин посадцкой человек Ларка плотник — написан в росписи у земских судеяк у Федьки Волкова с товарыщи, в воровстве воеводе Михайлу Васильевичю Милославскому. А в роспросе Ларка сказал: во 156-м году июля в 9-й день, как учинился мятеж на Устюге и он в те поры был дома пьян, ничево не ведает, из двора не бывал. А после сказал: был де в те поры у посадцкого человека у Силы Садилова, от воров животы ево хоронил, а больши того ничего не ведает. А Сила Садилов сказал, что он Ларка по дружбе был у него на время. Бит кнутом и посажен в тюрьму до государева указу.

Устюжанин посацкой человек Ивашко плотник Чермной, написан в росписи земских судеяк Фетьки Волкова с товарыщи, что он во 156-м году июля в 9-й день с воровскими людьми был в мятеж. И он не сыскан, бегает.

---

[1] Устройство для рыбной ловли.

Устюжанин Гришка Левкас написан в росписи земских судеяк Федьки Волкова с товарыщи, что он во 156-м году июля в 9-й день с воровскими людьми был в мятеж. И он не сыскан, збежал.

Володка Корелин — в росписи написан у земских судеяк у Федьки Волкова с товарыщи, что он во 156-м году июля в 9-й день с воровскими людьми был в мятеж. И он не сыскан, збежал.

Костька кузнец — в росписи написан у земских судеяк у Федьки Волкова с товарыщи, что он во 156-м году июля в 9-й день с воровскими людьми был в мятеж. И он не сыскан, збежал.

Устюжского уезда Подосиновской волости Данилко Скрыпин, по Григорьевой росписи Похабова и по скаске воеводы Михайла Васильевича Милославского, говорил в роспросе и с пытки, что он во 156-м году июля в 9-й день на Устюге Великом был и спал на кабаке, ничево не знает, ни ведает. А на очной ставке целовальники сказали, что он был на кабаке на время, а не во весь день. И Данилко сказал, что он в мятеж был с воровскими людьми на воеводском дворе и Анисима убили. И по ыным дворам с теми ж ворами ходили толко де у Григорья Похабова бочки розсекали с питьем. И напився пьян, спал дома, а ничего не грабил. В тюрьме умер с угару.

Устюжской стрелец Спирка Федоров Воробей. Прислал ево в приказ сыскных дел к столнику ко князю Ивану Григорьевичю Ромодановскому воевода Михайло Васильевичь Милославской с салдатом с Пронкою Исаевым, а сказал Пронка: послал де ево Спирку в приказ сыскных дел[1] для того, что он Спирка во 156-м году на Устюге с воровскими людьми был вместе. А Спирка в роспросе и с пытки в воровстве на себя ничего не говорил. Посажен в тюрьму и в тюрьме умер.

Устюжанин посадцкой человек Сергушка пугвишник. Говорил на него и в скаске написал стрелец Андрюшка Хохлов: во 156-м году июля в 9-й день видял ево Сергушку он Ивашка в мятежное время у Вознесенской колокольни. И Серешка в роспросе и с пытки говорил: был он Серешка на Двине удил рыбу, и пошел на посад купить хлеба. Аж де учинился сплошной звон, и бегут устюжане посадцкие и уездные многие люди с ослопьем не одна тысеча. И ево Сергушку встретил стрелец Андрюшка Хохлов, и с ним подрался и побежал домой. Больши

---

[1] В данном случае «приказ сыскных дел» — место производства расследования и пыток стольником князем И. Г. Ромодановским.

того ничего не ведает. Бит кнутом и посажен в тюрьму до государева указу.

Устюжеского уезда Верхопушемской волости крестьянин Анисимко Рошкин говорил в роспросе и с пытки: во 156-м году июля в 9-й день сидел он с судьями с Федькою Волковым с товарыщи, с Мишкою Русиновским, да с Ывашком Тупиковым, да з Гришкою с Муромцовым, да с Первушкою Тихоновым, да з Гурком с Федотовым и приговорили, что у Анисима Михайлова деньги взять 260 рублев. И о тех деньгах ходил он Анисимко по многие дни от мирских людей ото всего города. И в ту пору был, как Моска Чагин в съезжую избу к земским судьям пришед, говорил: «Есть ли у них промысел такой, чтоб у Анисима взять деньги?». И при нем же судейку Федьку Волкова Моска Чагин да Игнашко Яхлаков со многими людьми поволокли в воду. А он ушел к приставу к Ваське Осиновику. Да подал он Онисимко роспись:

157 г. сентября в 12 день сказал Верхопушемские волости крестьянин Анисим Прокопьев Рожкин, хто с ним был мирских людей в совете на Устюге Великом в судебне: Утмановские волости Федор Васильев Ногин, Яхренские волости Ивашко Петров Тупиков, Алексей Коровин, Фома Коковин, Верхопушемские волости Полуянко Аврамов, сухонец Потапко Климовской, Подосиновские волости Иван Алексеев Момотов, Анциферко Мохин, Михайло Гаврилов, Шолские волости Лука Иванов Момотов, Михайло Юрьев Русиновской, Килченские волости Сенька Микитин Кривошея, Сараевские волости Захарко Иевлев, Дутмановской волости Усолского уезда Нечай Алексеев[1]. А говорил тот Нечайко: хотели де вас в воду миром посадить, а вы де здесь в судебне.

Устюжского уезда Ерогоцкой волости Потапко Климовской. Говорил на него в роспросе и с пытки Анисимко Рошкин, что он с ним в судебне во 156-м году июля в 9-й день советывал, чтоб у него мирские деньги взять. И Потапко Климовской в роспросе и с пытки говорил, что он с Анисимком Рошкиным к воеводе к Михайлу Васильевичю Милославскому ходили, чтоб он говорил подьячему Анисиму Михайлову о деньгах и к Анисиму

---

[1] Часть названных участников заседания в Земской судебне несомненно принадлежала к зажиточному слою торговых крестьян. Мамотовы имели большое число купленных деревень и вели крупную торговлю с Сибирью. Крестьянин Полуянко Аврамов торговал хлебом в Устюге и Холмогорах. Имя М. Русиновского находим вместе с именами Мамотовых в списке подьячего Павла Давыдова, «лучших» людей, от которых страдали «средние и мелкие крестьяне».

с ним же Анисимком ходил же, чтоб он отдал деньги. А посылали де ево по деньги земской судейка Ивашко Бубнов да Федька Ногин Горох. И он Потапко Климовской бит кнутом, посажен в тюрьму до государева указу.

Устюжанин Ивашко Баран. Бил челом на него государю словесно Анисимов человек Михайлова Куземка Иванов, что он Ивашко хотел ево посадить в воду в ту ж пору, как Анисима убили. А Ивашко Баран в роспросе и с пытки говорил: во 156-м году июля в 9-й день как учинился на Устюге мятеж, и он был у двора воеводы Михайла Васильевича Милославского. А видел на дворе Моску Чагина, Костю кузнеца, Терешку Мясника и иных многих устюжан посадцких и уездных людей. А Анисимова де человека Михайлова Куземку он Ивашко таскал к воде с ворами, а с кем имянем не помнит, потому что был пьян. И он Ивашко бит кнутом и посажен в тюрьму до государева указу.

Устюжской стрелец Безсонко Водинской. Говорил на него сотника стрелецкого Елизарья Маркова сын Митька Марков да устюжеской стрелец Костька Пупышев, что он с ворами у воеводы был и Григорья Похабова двор грабил и взял котел медной. И того котла послано выимать, и котла не выняли. А в роспросе и с пытки Безсонко ни в чем не винился; сказал: ничего не ведает, был все дома пьян. Бит кнутом и посажен в тюрьму до государева указу.

Анисимка Ананьин площадного подьячего по Якушкове скаске Бутусова, что он был на воровстве во 156-м году июля в 9 день. А Аниска в роспросе и с пытки говорил: в тот день, как учинился мятеж, и он побежал з двора своего пьян. И пал на улице за озером, ничево не помнит. Бит кнутом и посажен в тюрьму до государева указу.

Устюжской стрелец Костька Семенов сын Пупышев по скаске Григорьева человека Похабова Филки говорил в роспросе: во 156-м году, как учинился от воровских людей мятеж и учали в колокола всполошно бить, и он побежал к Григорью Похабову для береженья. А видел на том дворе Григорьеве на грабеже Аниску Гоголева, Федьку Берендеева, Ивашку Кошкина кузнеца, Гришку Подборского, Безсонка Водинского, Пятунку Долматова шапочника, Ивашка Натальина, Логинка Григорьева, церковного дьячка Ивашка Кудрина, да дву жонок Федорку да Устинку. А больши тово ничево не ведает и в воровстве в думе ни с кем не бывал. Бит кнутом и посажен в тюрьму до государева указу.

Оговорной человек Пятунка Долматов шапочник, по оговору стрельца Кости Пупышева, говорил в роспросе:

во 156-м году июля в 9-й день, как учинился на Устюге воровских людей мятеж, и он выбежал на улицу и видел: бежат воры Моска Чагин, Игнашка Яхлаков, Ивашко Белой, Терешка Мясник, Ивашко Салдат и иные многие люди устюжане посадцкие и уездные, имян их не знает. И с нево де Пятунки, неведомо какой уездной человек схватил с нево Пятунки шапку и побежал в город. И он Пятунка побежал за ним же в город для шапки. И видел — Григорьев двор Похабова ломают и грабят те ж воры Моска Чагин, Игнашка Яхлаков, Терешка Мясник и иные многие устюжане посадцкие и уездные люди. Бит кнутом и посажен в тюрьму до государева указу.

Устюжанин посадцкой человек Ивашко Кошкин. Говорил на него устюжской стрелец Костка Пупышев, что он был у Григорья Похабова во дворе и животы его грабил. А в роспросе Ивашко Кошкин говорил, что он во 156-м году июля в 9-й день, как на Устюге учинился мятеж, и он в ту пору пробыл в кузнице, ничево не ведает. Бит кнутом и посажен в тюрьму до государева указу.

Устюжанин посадцкой человек Ивашко Кудрин. Говорил на него в роспросе устюжской стрелец Костка Пупышев, что он был на воровстве Григорья Похабова двор грабил. А Ивашко Кудрин в роспросе и с пытки говорил: как у подьячего Григорья Похабова двор розломали воры и животы ево розграбя поносили в кучю, и он у кучи стоял, и хто что взял, ничего не ведает, и сам ничего не имывал, а болши того ничего не знает и товарыщей никого не помнит. Бит кнутом и посажен в тюрму до государева указу.

Устюжской посадцкой человек Игнашка Бахута говорил в роспросе и с пытки: во 156-м году июля в 9-й день, как учинился на Устюге мятеж, и он в те поры с ворами с Москою Чагиным с товарыщи был на дворе у воеводы у Михайла Васильевича Милославского. И ево ж Михайла Васильевича к вере привели Моска Чагин со многими людьми, имян им не помнит. А у Григорья Похабова, и у Василья Бубнова, и у Григорья Губина, с теми же ворами на грабеже был же, а ничего не грабил. А видел на тех дворех Моску Чагина, Терешку Мясника, Артюшку Шастина, Архангельского монастыря слушку Ваську Шипкова, Ивашка Белово, Ивашка Ворона и иных многих имян не помнит. А в заводе он не был и никого не грабил. Бит кнутом, посажен в тюрьму до государева указу.

Овдокимко Шелковников, написан в росписе Григорья Похабова человека ево Фильки в роспросе. А в роспросе у пытки говорил, что он во 156-м году июля в 9-й день, как был на Устюге от воровских людей мятеж, и он Овдо-

кимко был все дома, спал пьян, ничего не ведает. А язык на него нихто не говорил. Бит кнутом и посажен в тюрьму до государева указу.

Устюжанки Васькина жена Колодезникова Устюшка да Ивашкова жена Фролова Федорка. Говорил на них в роспросе устюжской стрелец Костька Пупышев: во 156-м году июля в 9-й день видел он Костя тех жонок, как учинился мятеж, и они на Григорьеве дворе Похабова были. А в роспросе Устюшка и Федорка сказали: как учинился на Устюге мятеж, и они были в ту пору у тюрьмы у Федоркина мужа у Ивашки Фролова: посажен в напойных деньгах[1]. И как учали грабить воры Григорьев двор Похабова, взошли и взяли солоду немного на квас. И за то они биты кнутом и посажены в тюрьму до государева указу.

Ивашко Сыскин. Написан в росписе Григорьева человека Похабова Фильки, прислан с Тотмы, говорил в роспросе и с пытки: был он во 156-м году июля в 9-й день в мятежное время у Григорья Похабова с Шумилком Бабиным. А опричь того ничего на себя не сказал и животов ничьих не грабливал. Бит кнутом и посажен в тюрьму до государева указу.

Верхопушемской волости Полуянко Аврамов, по Анисимове скаске Рошкина, что он был в судебне и с судьями советовал о деньгах, чтоб взять у Анисима деньги 260 рублев, которые ему были даны с сошек в почесть. А в роспросе Полуянко сказал те ж речи, был он на Устюге в судебне и с судьями думал о деньгах, чтоб у Анисима Михайлова деньги назад взять. А во 156-м году июля в 9-й день, как учинился мятеж, и он в тот день лежал болен. Бит кнутом и посажен в тюрьму до государева указу.

Игнашкина жена Яхлакова Наташка в роспросе и с пытки говорила: во 156-м году июля в 9-й день муж ее Игнашка Яхлаков на Устюге на воровстве был, а грабежных животов не видала, потому что она с ним живет не в совете, воровал с ыными жонками а ее не любил, а назавтрее мятежного времени збежал безвесно. И она посажена в тюрьму до государева указу.

Вместо вора Моски Чапина взяты дядя ево родной Фомка Ондреев да двоюродные братья Матюшка да Моска Лукины. А в роспросе сказали: то они слышали ото многих людей, что он во 156 году июля в 9-й день на Устюге мятеж завел, и воеводу к обрубу, к воде водил, и подьячево Анисима Михайлова с товарыщи убил до смерти, и тело ево в Сухону реку бросил, и дворы грабил, и збежал.

---

[1] «Напойные деньги» — долг за взятое в кабаке вино.

А они того ничево не ведают, живут в розделе, а на Устюге они в те поры не были. Посажены в тюрьму до государева указу.

Устюжанин посадцкой человек Федька Печацын. Говорил на него в роспросе и с пытки Федька Ногин Горох: слышил он ото многих людей, что была у него государева грамота, как он приехал во 156-м году июля в 8-й день, а о чем та государева грамота, того не ведает[1]. А Федька Печацын говорил в роспросе и у пытки: государевы грамоты с ним ни о чем не было и никому не говаривал, разве де на него Федька Ногин зговорил по недружбе, что у него во 156-м году на Москве в Устюжской чети была у него тяжба. А на очной ставке Федька Ногин и Федька Печацын говорили те ж речи. Федька Ногин не зговорил, а Федька Печацын запирался. А иной нихто на него в роспросех и с пыток ничево не говорил. И он Федька посажен в тюрьму до государева указу.

Устюжского уезда Юрьевского наволока крестьянин Гурка Федотов сын Гусельников в росписи написан у Анисима Рошкина, что он с ними советовал в судебне, чтоб взять у подьячево Анисима Михайлова деньги, что ему даны со всего миру в почесть. А Гурка Федотов в роспросе и на очной ставке сказал: во 156-м году июля в 9 день был он на Устюге в судебне с Анисимком Рошкиным, и советывали, чтоб послать челобитчика ко государю к Москве о всяких делах. А про то он не слыхал, чтоб у Анисима деньги взять и он о том не советывал. А ходил де о тех деньгах Анисимко Рошкин собою к Анисиму Михайлову. И он Гурка на поруках до государева указу.

Шолской волости Мишка Гаврилов — по скаске Анисимка Рошкина, что он был в судебне и советывал о деньгах, что дано было в почесть подьячему Анисиму Михайлову, чтоб отдал деньги назад. А в роспросе Мишка сказал: был он в судебне июля в 8-й день, советывал, чтоб у Анисима Михайлова деньги взять. А назавтрея июля в 9-й день был он на Сухоне на плоту продавал рожь, от Устюга далеко, и в судебне не был, ничево не ведает. Бит кнутом и посажен в тюрьму до государева указу.

Устюжской стрелец Спирка Воробей, — прислал ево воевода Михайло Васильевич Милославской для того, что он во 156-м году июля в 9-й день с воровскими людьми с Москою Чагиным с товарыщи был у него воеводы Михайла Васильевича Милославского и хоромы ломал, и к

---

[1] Устюжанин, посадский человек, Федор Печацын возвратился 8 июля из Москвы.

воде и к вере ево водил, и подьячево Анисима Михайлова убили они ж Спирка с товарыщи. И он Спирка пытан и огнем зжен, а в роспросе и с пытки ни в чем не винился, сказал: был дома пьян. Посажен в тюрьму, и в тюрьме умер.

Яхре́нской волости крестьянин Якимка Кузнецов — по Анисимкове скаске Рошкина, что он был во 156-м году июля в 8 день на Устюге в судебне, и то слышил, что советывали на подьячево на Анисима Михайлова, чтоб у него деньги взять, которые даны ему были от мирских людей в почесть, да у него ж взять образной оклад. А в роспросе и с пытки Якимка сказал, что он во 156-м году июля в 9-й день на Устюге в судебне был и то слышил от Анисимка Рошкина и от Федьки Ногина с товарыщи, чтоб у подьячево у Анисима Михайлова деньги взять. А оклад образной ево Якимков, и за тот оклад устюжане, которых дворы грабили, нихто не имался. Бит кнутом, посажен в тюрьму до государева указу.

Подосиновской волости крестьянин Ивашко Момотов — по Анисимкове скаске Рошкина, что он был в судебне во 156-м году июля в 8-й день, и советывали о том, что у подьячево у Анисима Михайлова деньги взять, которые даны ему деньги в почесть. А Ивашко Момотов сказал, что де он был в судебне с подымными деньгами, а ни с кем не советывал. А назавтрее июля в 9-й день, как учинился на Устюге мятеж, и он из двора своего побежал через Сухону в Троицкой-Гледен монастырь и был в монастыре у старца Баланды. А Баланда сказал на очной ставке по иноческому обещанью, что ево, Ивашка, у себя не видал. И тот Ивашко бит кнутом и посажен в тюрьму до государева указу.

Яхренской волости Ивашко Тупиков — по Анисимкове скаске Рошкина. Говорил на него, что во 156-м году июля в 9-й день был он, Ивашко, на Устюге в судебне советовал, чтоб у подьячево у Анисима Михайлова взять деньги, которые ему в почесть даны, и по те деньги к Анисиму Михайлову с ним Онисимком Рошкиным ходил. А Ивашко Тупиков в роспросе и с пытки говорил те же речи, что он в судебне о том со многими мирскими людми и с судьями советывал, чтоб у Анисима Михайлова деньги взять. А Моска Чагин говорил в судебне: «Будет Анисим Михайлов денег не отдаст, и ево убить до смерти». И Ивашко бит кнутом, посажен в тюрьму до государева указу.

Устюжской стрелец Ивашко Ананьин в росписи написан по скаске Григорьева человека Похабова Фильки, что он на грабеже видял. А Ивашко в роспросе сказал: во 156-м году июля в 9 день был он Ивашко в мятеж в съезжей

избе с товарыщи своими с устюжскими стрелцами, да с приставом, да сторожем с семью человеки. И те люди, на ково он слался, на очной ставке сказали, что он в те поры был с ними в съезжей избе. И он Ивашко дан на поруки до государева указу.

Сараевской волости крестьянин Захарко Иевлев, — написан в росписи Анисимка Рошкина, что он с ним Анисимком во 156-м году июля в 8 день, на Устюге в судебне был и советывал, чтоб у подьячево у Анисима Михайлова деньги взять, которые были даны ему в почесть. А Захарко Иевлев в роспросе говорил: во 156-м году июля в 8 день в судебне он был для того, что заплатил в государеву казну подымные зборные деньги. А о Анисиме Михайлове, чтоб у нево деньги взять, не советовал. Болши того ничего не знает. Онисимко Рошкин с пытки не говорил. И он Захарко бит кнутом, посажен в тюрьму до государева указу.

Устюжского уезда сухонец Потапко Климовской — по Анисимкове скаске Рошкина говорил в роспросе и с пытки: во 156-м году июля в 8 день был он на Устюге Великом в судебне с судьями и со всеми мирскими людьми, советывал, чтоб у Анисима Михайлова деньги взять, которые даны ему с мирских людей в почесть. А больши того ничево не ведает. Бит кнутом, посажен в тюрьму до государева указу.

Устюжской стредец Васка Васильев сын Сурин — по памяти воеводы Михайла Васильевича Милославского. Написано, что он Васька у него воеводы во 156-м году июля в 9-й день с ворами с Москою Чагиным у него в хоромах был. А Васка Сурин в роспросе и с пытки говорил: во 156-м году июля в 9-й день был он Васка у воеводы у Михайла Васильевича в хоромех со многими с устюжаны с посадцкими и с уездными людьми и у него в хоромех при нем и Анисима Михайлова убили. А в те поры у воеводы просил вино пить. А никому ворам имян не помню, потому что был пьян. А их воров было тысеч с пять и болши. И воеводу и иных никово не грабливал, опричь того ничево не ведает. И он Васка бит кнутом и посажен в тюрьму до государева указу.

Ярославец Васька Степанов. Во 156-м году июля в 9 день поиман Васька с поличным з грабежными животы Григорья Похабова, а поличново с ним: 4 блюда да 2 торели белых. А Васька в роспросе и с пытки говорил: июля де в 9-й день, как учинился на Устюге мятеж, а он в те поры был в ярышках плот тянул. И побежал он з берегу к рядом. Аж де бежит жонка, имяни не знает, и несет те блюда и торели, и он у нея отнял. И ево, поимав, привели в приказ. А больши тово ничево не ведает и никово не знает,

потому что он чюжегородец. И те блюда и торели отданы Григорью Похабову с роспискою. А ярославец Васька бит кнутом и посажен в тюрьму до государева указу.

Колмогорские стрельцы десятник Исачко Красовцов. По язычной молке Фомки Зеленого говорил на него с пытки и на товарыщей ево, а колко ево товарыщей было и что им имян — не ведает, толко де видел их во 156-м году июля в 9-й день, как учинился мятеж, и те стрельцы были с устюжскими посадцкими и уездными людьми со многими на грабежу. А хто что у ково те стрельцы взяли не упомнит. И для подлинного сыску писано с Устюга ис приказу сыскных дел от стольника от князя Ивана Григорьевича Ромодановского на Двину к околничему и воеводе ко князю Василью Григорьевичю Ромодановскому да к дияку к Григорью Углеву, чтоб того десятника Исачка Красавцова с товарыщи, которые с ним были в те поры, как во 156-м году июля в 9 день на Устюге учинился мятеж, прислать к сыскному делу для подлинного сыску. И окольничей и воевода князь Василей Григорьевич Ромодановской писал на Устюг к стольнику ко князю Ивану Григорьевичю Ромодановскому и прислал колмогорских стрельцов десятника Исачка Красавцова с товарыщи 34 человека. И те стрельцы про грабеж роспрашиваны порознь. А в роспросе Исачко Красавцов с товарыщи 34 человека сказали: во 156-м году июля в 9-й день на Устюге они были, а к воеводе к Михайлу Васильевичю Милославскому на двор не прихаживали, и подьячево Анисима Михайлова не убивывали, и к ворам не приставали, и ничьих животов не грабливали. А были де они все у карбаса, а иные ходили для хлебной скудости в Архангельской монастырь. Да того ж дни с Устюга и поплыли. А остались де от них ото всех стрелцов 2 человека Микитка Глаткой да Федька Мартемьянов, а сугнали их от Устюга за 5 верст. А принес де к ним Микитка Глаткой крашенину лазореву, а Федька принес двуденежной хлеб. И они де их спрашивали, где он Микитка крашенину взял, и он им сказал, что купил на Вологде, а Федька сказал, что он хлеб купил на Устюге. И Исачко Красавцов с товарыщи посажены в тюрьму до государева указу. А на них в роспросех и с пытки в воровстве нихто не говорил.

Колмогорской стрелец Микитка Глаткой в роспросе и с пытки говорил на себя: принес он к товарищем своим крашенину, и ту де он крашенину купил на Вологде из лавки, а у которой лавки, того не знает. А после сказал: оставался он от товарыщев своих для хлебной покупки, и ту крашенину отнял на Устюге у мужика на берегу. Су-

хоны реки, как был мятеж. А болши того на себя и на товарыщев своих на колмогорских стрельцов ни на кого ничево не говорил. Бит кнутом и посажен в тюрьму до государева указу.

Колмогорской стрелец Федька Мартемьянов в роспросе у пытки сказал: остался де он от товарыщев своих для хлебные покупки и, купя хлеб, пошел сугонять до карбаса товарыщей своих, и сугнал Микитку Глатково, и видял у него одну крашенину. И они, двое их, сугнали товарыщей своих. И в том шлетца на всех своих товарыщей, что он к ним с одним хлебом пришол, опричь хлеба ничего не было. И за то он Федька, что оставался в то время, бит кнутом и посажен в тюрьму до государева указу.

Устюжского уезда церковной дьячек Завьялко Клементьев. Говорил на него в роспросе устюжской стрелец Костька Пупышев: во 156-м году июля в 9-й день учинился на Устюге мятеж. И он побежал в город подьячево к Григорьеву двору Похабова, и видел: воры пришли к нему Григорьеву двору и двор весь розломали и розграбили. А видел на воровстве воров Моску Чагина, Терешку Мясника, Ивашка Салдата, Шумилка Бабина, Ваську Щипкова, да Комаритцкого стану Моторкою зовут, Ивашка Белого, да устюжских стрелцов Спирку Воробья, Ивашка Онаньина, дву жонок и иные многие воры, имян не упомнит, потому что было на том воровстве не одна тысеча. А тот де дьячек Григорья Похабова у грабленых животов стоял караулил с посохом. А Завьялко дьячек в роспросе и на очной ставке и с пытки говорил: был он у Григорьева двора Похабова во 156-м году июля в 9-й день со многими людми. А видел тех же людей, что Костя Пупышев сказывал: Моску Чагина с товарыщи, да Комарицкого стану Девятка Творогова, Васька Щипкова, да Моторкою зовут и иных многих устюжан посадцких и уездных людей, имян иным не помнит, потому что была их не одна тысеча. И то он Завьялко с Москою Чагиным говорил, чтоб те Григорьевы животы грабленые разделить меж собою; те де животы изменниковы, а толко де тех животов не делить, ино их зжечь. А то де слышил, что говорили всем миром, что было Григорья Похабова убить до смерти за то, что он из ямских денег мирских людей на правеж бил без милости[1]. А больши того ничево не ведает. И тот Завьялко бит кнутом и посажен в тюрьму до государева указу.

---

[1] За населением Устюжского уезда вследствие тяжелых налогов числились большие недоимки. Сбор последних с обычной системой правежа (см. объяснительный словарь) производился в съезжей избе

Оговорной человек Устюжской волости Сергунка Яковлев. Говорил на него в роспросе и с пытки дьячек Завьялко Клементьев: во 156-м году июля в 9-й день видял ево Сергунку с воровскими людьми с Москою Чагиным с товарыщи на Григорьеве дворе Похабова. А иного ничево на него не ведает и грабежу не видал. А на очной ставке Сергунка с Завьялком сказал, что он, Сергунка, нигде не бывал, во весь день спал у вдовы Анны Хлебницы пьян. А Завьялко с него не зговорил. А вдова Анна на очной ставке сказала, что Сергунка у нее не сыпал: как учинился мятеж и он с Третьячком Маношиным сходили з двора. И Сергунка бит кнутом, посажен в тюрьму до государева указу.

Оговорной человек Устюжской волости Третьячко Маношин. Говорил на него в роспросе и с пытки дьячек Завьялко Клементьев: во 156-м году июля в 9 день видел ево Третьячка он Завьялко с воровскими людьми с Москою Чагиным с товарыщи на Григорьеве дворе Похабова. А грабежем что взял—или нет, того не видал. А Третьячко Маношин з Завьялком на очной ставке сказал те ж речи, что Сергунка: в тот во весь день спал пьян у вдовы Анютки Хлебницы с товарыщем своим с Сергункою Яковлевым. А Завьялко с него не зговорил. А вдова Анютка на очной ставке сказала: в тот день как на Устюге учинился мятеж, и он Третьячко у нее не сыпал, сошли з двора с товарыщем своим с Сергункою Яковлевым. И он Третьячко бит кнутом и посажен в тюрьму.

Комарицкого стану Трифонко Остафьев Моторка. Говорил на него в роспросе и с пытки дьячек Завьялко Клементьев: во 156-м году июля в 9-й день видел он Завьялко того Моторку с воровскими людьми с Москою Чагиным с товарыщи на Григорьеве дворе Похабова видел. А Трифонко Моторка сказал: в тот день, как учинился на Устюге мятеж, и он в ту пору был все у лотки своей, а у Григорья Похабова не бывал. И как учинился на Устюге мятеж, и он от лотки видел: по Устюгу бегают много людей, тысячи з две или с три, а сам он с ними не хаживал и никово имян не ведает. И он Моторка бит кнутом, посажен в тюрьму до государева указу.

Устюжской стрелец Трошко Полуказачье — написан в росписи Григорья Похабова. Говорил: во 156-м году июля в 9 день учинился на Устюге мятеж, и послышал он сполошной звон, и он чаял, что пожар, и взяв топор побежал

при ближайшем участии подьячих Анисима Михайлова и Григория Похабова. «Ямские деньги» — деньги, собиравшиеся с населения на ямскую гоньбу.

на съезжей двор, и тут весь день пробыл. И видел что много людей бегут, а никого не знает. А се де у него в то время глаза болели. И он Трошка дан на поруки до государева указу, потому что на него нихто не говорил.

Устюжанин Якушко Яглин — написан в росписи подьячево Григорья Похабова. Говорил в роспросе у пытки: во 156-м году июля в 9 день учинился на Устюге мятеж. И он из двора своего выбежал и стоял от посаду далеко. И побежал опять домой, был все дома, потому отец ево в тот день лежал болен при смерти. И он Якушко бит кнутом и посажен в тюрьму до государева указу, потому что очистки и ссылок ни на ково себе не сказал.

Устюжанина посадцкого человека Ивашка Петрова Кривова в скаске написано: устюжанин же Петрушка Сорокин во 156-м году июля в 9 день был с ворами на Григорьеве дворе Похабова: ис паперти из окна видял Петрунку Сорокина с товарыщи на том воровстве на Григорьеве дворе Похабова. А Петрунка Сорокин сказал: как учинился мятеж, и он был у Григорья Похабова, толко посмотрил как ломают его Григорьев двор. А вором имян не знает, потому что была не одна тысеча, а он ничево не грабил, а больши того ничево не ведает. И он Петрушка бит кнутом и посажен в тюрьму до государева указу.

Устюжского уезда Яхренские волости оговорной человек Гаврилко Гагарин. Говорил на него в роспросе и с пытки Федька Ногин, что он Гаврилко во 156-м году июля в 9 день на Устюге с воровскими людьми у воеводы у Михайла Васильевича Милославского на дворе был и похвалялся: говорил, что он за то Анисима убил, что он с него лишные деньги взял. И на очной ставке Федька с него не зговорил. А в роспросе и с пытки Гаврилко Гагарин говорил: во 156-м году июля в 9-й день на воровстве он нигде не бывал, ни у воеводы у Михайла Васильевича и ни у ково: в тот день во весь был он у плота своего, продавал рожь и отойти было нелзе. И тово ему Федьке не говаривал, что он подьячево Анисима Михайлова убил. И в судебне не бывал, и ни о чем не советывал. Да бил челом с пытки, чтоб поставить ево Федьку Ногина для того, что ему недруг и з двора ево выжил и в том на нево даваны явки поимянные. И Федька Ногин против того пытан, и с пытки з Гаврилка Гагарина зговорил, а сказал: говорил на него Ганку по недружбе. И с пытки Гаврилка посажен в тюрьму до государева указу.

Устюжанин Тимошка колодезник, написан в росписи у Григорья Похабова, что он во 156-м году июля в 9-й день, как учинился от воровских людей мятеж, и он с во-

ровскими людьми на дворе ево был. А в роспросе Тимошка говорил: в ту де пору июля в 9-й день на Устюге он не бывал, а был на Тотме: наймовался колодезей копать. А язык на него нихто не говорил, а он ни на кого не слался. И он Тимошка бит кнутом, посажен в тюрьму до государева указу.

Яхренские волости крестьянин Федька Иванов. Привез ево на Устюг пристав Ермола Козмин, а с ним привез пистолишко без замка, ключ железной тисковой, стопку оловянную, кафтанишко песцовой под крашениною. А сказал пристав: взял де он того Федьку по извету Силы Усова прикащика Ермолы, что де у него Федьки объявилось то поличное недавно. И Федька роспрашиван, где он то поличное взял. И он сказал в роспросе: был он на Устюге во 156-м году июля в 9-й день. А как учинился мятеж, а он Федька в ту пору от плота не отшел. А как плот продал и после мятежу пошол домой и то де поличное все лежит на Мироносицкой площадке под лоткою, и он ево взял. А на грабежу и на воровстве ни у ково в тот день не бывал, был все у плоту. И Федька пытан в воровстве и в ыных грабежных животах против всех статей. А с пытки говорил те ж речи, что и в роспросе. И он Федька бит кнутом и посажен в тюрьму до государева указу. А поличное — кафтанишко песцовое — узнал Дмитрей Котелников. И ему отдан с роспискою. А достальное отдано целовалником, покаместа истец будет.

Ентальской волости Сенька Никитин сын Кривошея, по Анисимкове скаске Рошкина, что он был с ним Анисимком во 156-м году июля в 8 день в судебне и советовал, чтоб у подьячево у Анисима Михайлова деньги взять, которые ему даны были от мирских людей в почесть. А Сенька Кривошея в роспросе говорил: июля в 8 день в судебне он был, а о том не советовал, что у подьячево у Анисима Михайлова деньги взять. А на очной ставке Онисимко Рошкин с него Сеньки не зговорил. Бит кнутом и посажен в тюрьму до государева указу.

Сухонского Черного стану Ивашко Ворон в скаске написан у воеводы у Михайла Васильевича Милославского и в ыных во многих местех, что он с товарыщи своими с Москою Чагиным и с Ыгнашком Яхлаковым, с Терешкою Мясником, с Ывашком Салдатом и с ыными с устюжаны посадцкими и уездными многими людьми к воеводцкому двору приходили и ворота выломили, и розграбили и к воде и к вере приводили, и подьячево Анисима Михайлова убили до смерти и дворы грабили. А в роспросе и с пытки Ивашко Ворон на себя и на товарыщей своих ничево не

говорил, а пытан и огнем жжон накрепко. И он ничево не говорил, языка не допытались. И он Ивашко посажен в тюрьму и в тюрьме умер.

Яхренской волости Фомка Коковин — по Анисимкове скаске Рошкина, что он во 156-м году июля в 8-й день был он на Устюге в судебне, и з земскими судьями и с ним Анисимком и со многими мирскими людьми советывал, чтоб у подьячево у Анисима Михайлова деньги взять, которые даны были ему в почесть. А Фомка сказал: того де дни был он в судебне и о тех деньгах советывал, чтоб у Анисима Михайлова деньги взять. А на завтрее на Устюге не был. Бит кнутом, посажен в тюрьму до государева указу.

Яхренские волости Алешка Коровинской по Анисимкове скаске Рошкина, что он во 156-м году июля в 8-й день был он на Устюге Великом в судебне и с земскими судьями, и с ним Анисимком, и со многими мирскими людьми советывал, чтоб у подьячево у Анисима Михайлова деньги взять и о мирских о всяких делах, выбрав посыльщика, послать к государю к Москве бить челом о всяких мирских делех. И в тот же день судьи при нем, Алешке, посылали Анисимка Рошкина к воеводе к Михайлу Васильевичю Милославскому, чтоб подьячей Анисим Михайлов отдал деньги, которые ему деньги даны были от миру в почесть, а больши того ничего не ведает. Бит кнутом и посажен в тюрьму до государева указу.

Шолской волости Мишка Русиновской, по Анисимкове скаске Рошкина, что он во 156-м году июля в 8-й день был на Устюге в судебне и советывал в судебне и с мирскими людьми, чтоб у подьячего у Анисима Михайлова деньги взять. И он Мишка в роспросе и у пытки говорил: был он того дни в судебне, и советывали о деньгах, что у подьячево у Анисима Михайлова деньги взять. А июля в 9-й день отчево мятеж учинился, и он про то не ведает: забежал в ту пору к приставу к Васке Игнатьеву. А как сидел он у пристава, и в ту де пору заглянул к ним в ызбу неведомо какой человек, а говорил ему Мишке: хто де надобен, тот де здесь. И он Мишка бит кнутом и посажен в тюрьму до государева указу.

Шолской волости Лучка Иванов сын Момотов, по Анисимкове скаске Рошкина, что он во 156-м году июля в 8-й день был он на Устюге в судебне и с судьями с мирскими людьми советовал о том, чтоб у подьячево у Анисима Михайлова деньги взять, которые были даны ему в почесть. И Лучка в роспросе говорил, что он в судебне был и о деньгах советовал, чтоб у Анисима Михайлова

деньги взять, а больши того ничево не ведает. И он Лучка бит кнутом и посажен в тюрьму до государева указу.

Подосиновской волости крестьянин Онцыфорко Мохин, по Онисимкове скаске Рошкина, что он во 156-м году июля в 8-й день был он, Онцыфорко, на Устюге в судебне. А Анцыфорко в роспросе говорил: июля в 8-й день был он в судебне, ни о чем не советовал, сидел далеко, ничево от судей и ни от ково не слыхал, и до мятежново времяни уехал с Устюга к себе в волость домой, ничево не знает. И он Онцыфорко бит кнутом и посажен в тюрьму до государева указу.

Устюжского уезда с Синеги крестьянин Тренка Порошин, по Анисимкове скаске Рошкина, что он во 156-м году июля в 9-й день в судебне с мирскими людьми в совете был, чтоб у Анисима Михайлова деньги взять. А Тренка запирался, что в судебне не бывал и ни о чем не советывал, в тот день спал пьян, ничево не помнит. А Анисимко Рошкин с него не зговорил. И он, Тренка, бит кнутом, и посажен в тюрьму до государева указу.

Кивокурской волости крестьянин Первушка Тихонов, по Анисимкове скаске Рошкина, что он во 156-м году июля в 8-й день в судебне был и с судьями и с мирскими людьми советывал, чтоб у подьячево у Анисима Михайлова деньги взять, которые даны были в почесть. А Первушка Тихонов в роспросе сказал, что он в тот день в судебне был и о том советовал, чтоб у подьячево у Анисима Михайлова деньги взять. А от чево мятеж учинился июля в 9-й день, не ведает ничево, в тот день был дома. Бит кнутом и посажен в тюрьму до государева указу.

Устюжской посадцкой человек Мишка Решетов, написан в росписи по скаске Григорьева человека Похабова Филки. Говорил в роспросе и с пытки: во 156-м году июля в 9-й день, как учинился мятеж на Устюге на посаде, и он из-за Сухоны реки переплыл на Устюг из двора своего. И на воеводцком дворе Михайла Васильевича Милославского с веслом стоял и видял устюжан посадцких и уездных людей много, ломают хоромы, была не одна тысеча. А хто именем не знает. Да он же был с теми ж воровскими людьми у подьячево у Григорья Похабова был же и видел, как ево Григорьев двор Похабова ломали и грабили те ж воры, а он к ним не приставал, и ни у ково ничево не грабливал, и больши того ничево не ведает. Толко де он в том виноват перед государем, что смотрил, а никово именем не знает. И за то он Мишка бит кнутом и посажен в тюрьму до государева указу. И по челобитью таможенного и кабацкого головы Мартемьяна Констянтинова выпущен на

время на поруки, для того что он, Мишка, был в кабацких целовальниках и многих напойных денег не выбрал[1], чтоб те государевы деньги не пропали, а ему голове затем мотчанья не было.

Устюжской стрелец Федька Ильин. По памяти из приказу сыскных дел от стольника от князя Ивана Григорьевича Ромодановского прислал ево в приказ сыскных дел воевода Михайло Васильевичь Милославской с приставом с Осипком Орловым, что в нынешнем во 157-м году сентября в 24 день Утмановской волости крестьянин Алешка Лукьянов бил челом государю словесно и подал посыльную грамоту, а в грамоте написано от нево Федьки Ильина ко брату ево Утмановские волости к Федьке Васильеву Ногину Гороху, что он на Устюге мятеж завел да и збежал и то он доспел не гораздо, и чтоб ему домой не ездить. И по той грамотке сыскан площадной подьячей, которой ту грамотку писал, — Ивашко Григорьев. А Ивашко, смотря грамотку, сказал, что рука ево, а велел ту грамотку писать стрелец Федька Ильин к брату своему к Федьке Гороху. А стрелец Федька Ильин в роспросе и с пытки говорил, выслушав тое посыльной грамотки, сказал, что он к брату своему к Федьке Ногину такову грамотку велел писать, что от ево Федькина заводу воеводу к обрубу к воде водили и подьячево Анисима убили и дворы розграбили, да с Устюга збежал. А писал к нему потому, что многие люди говорят про нево такие речи всем Устюгом городом, а хто имянем, того не помнит. А сам он во 156-м году июля в 9-й день на воровстве не был: все был на съезжем дворе, ничего не видал, спал пьян. С пытки посажен в тюрьму, и в тюрьме умер с угару.

Сентября в 24 день в приказе сыскных дел стольнику князю Ивану Григорьевичю Ромодановскому Утмановской волости Алешка Лукьянов бил челом словесно а сказал: сентября в 8 день шол он с Устюга к себе в волость домой, и как будет в деревне Строшкове, и на улице де лежит посыльная грамотка не запечатана, а хотел зделать к пищали заряд. И ту де грамотку увидел у нево подьячей Григорей Похабов и велел ее отнести и подать в приказе сыскных дел стольнику князю Ивану Григорьевичю Ромодановскому. И он, Алешка, ту грамотку и подал, чтоб ее принять и записать. И ту грамотку стольник князь Иван Григорьевичь Ромодановской принял, а в грамотке пишет:

---

[1] После окончания года целовальники, выбранные населением для продажи вина в кабаках, должны были собрать «напойные деньги», т. е. долг за взятое вино.

«Государю моему братцу Федору Васильевичю с Устюга Великого Федька Ильин челом бью. Да пожалуй, братец, оставил ты меденик и яйца у Фомы Коковина. А Василей меденик выкупает з деньгами лезет. А Фома меденика не отдает и яиц. И ты о том отпиши или сам буди в тотчас. А большаки[1] и воевода и все посадцкие люди несут на тобя кручину и писать хотят на тебя, бутто ты такое дело завел да и збежал. Так ты доспел не гораздо, что было домой не ездить. И ты о всем отпиши. Здравствуй о Христе на многие лета. (*На обороте:* «Дать грамотка в Утманове Федору Ногину».)

Утмановские волости крестьянин Федька Ногин в роспросе и с пытки говорил на себя: во 156-м году июля в 8 день о прокопьеве дни праведного, был он Федька на Устюге в судебне и советовал с Анисимком Рошкиным и с ыными многими устюжаны с посадцкими и с уездными людьми, имян не помнит, потому, что о празднике о прокопьеве дни был болшей съезд, была не одна тысяча. А призывали ево и иных мирских посадцких и уездных людей земские судейки Федька Волков с товарыщи и советовали, что подьячему Анисиму Михайлову даны деньги в почесть 260 рублев, — взять, а буде не отдаст, и ево Анисима велим убить до смерти. И по ево Федькину совету посылали по те деньги Анисима Рошкина к воеводе к Михайлу Милославскому и к нему к подьячему к Анисиму Михайлову, чтоб он деньги отдал им. И Анисим денег не отдал. И он Федька Моске Чагину с товарыщи велел мятеж учинить и Анисима убить, а сам ушел с Устюга нароком, чтоб на него нихто не говорил. А грамотку де писал к нему брат ево Федька Ильин, потому что на него несут ренку земские судьи неведомо за что. А назавтрие того совету, июля в 9-й день в судебне он о таком ж заводу говорил, и то знатно учинилось, что он такой воровской завод учинил, и брата ево грамотка обличила. И за то он Федька по государеву... (т.) ...указу казнен смертью: повешен на усть Юга и Сухоны декабря в 18-й день.

Вор и завотчик и убийца Терешка Мясник, написан в росписи Григорья Похабова, по скаске человека ево Фильки и по иным скаскам. Сыскавш многажды, ведая свою вину, покиня двор свой, с Устюга збежал. И об нем Терешке в окольные городы посыланы к воеводам отписки, чтоб ево с товарыщи поимав, прислать для государева сыскного дела на Устюг. И ево Терешку сыскал устюжской стрелец Ситко Михайлов. И Терешка в роспросе и с пытки говорил: во

[1] «Большаки» — «лучшие», т. е. богатые, люди.

156-м году июля в 9-й день он Терешка с товарыщи своими с Москою Чагиным, с Ыгнашком Яхлаковым, с Ывашком Белым, с Ывашком Салдатом, с Фомкою Зеленым, с Шумилком Бабиным, с Ывашком Вороном, с стрельцом Спиркою Воробьем и с ыными многими устюжаны с посадцкими и с уездными людьми, на дворе у воеводы у Михайла Васильевича Милославского были, и двор ево розломали, и Онисима Михайлова он, Терешка, в синех у Михайла Васильевича с теми ж своими товарыщи убил до смерти, и в воду ево кинули, и ево воеводу и жену ево и тещу к вере приводили в горнице, что у него Григорья Похабова нет, и хотели ево Григорья убить до смерти. И та ево вина учинилась перед государем явна. И за ту вину, по государеву указу, он Терешка вершен: повешен по Сухоне на берегу против того места, где они убив подьячево Анисима Михайлова в воду бросили.

Устюжской посадцкой человек Ивашко прозвище Салдат. Говорил на него в роспросе и с пытки устюжанин же Васька Шамшурин, что он во 156-м году июля в 9-й день был на воровстве с Москою Чагиным и с ыными товарыщи со многими людьми. А Ивашко Салдат в роспросе и с пытки говорил на себя, что он с Москою Чагиным, с Ыгнатком Яхлаковым, с Ывашком Белым, с Терешкою Мясником и с ыными многими с устюжаны с посадцкими и с уездными людьми, иным имян не помнит, потому что их было на воровстве мало не все устюжане посадцкие и уездные люди тысяч с пять или болше, на дворе у воеводы у Михайла Васильевича Милославского были, ворота выломили, и в хоромех ево подьячево Анисима Михайлова, выхватя из горницы, в синех убили до смерти, и убив в воду кинули. И воеводу Михайла Васильевича Милославского, и жену ево и тещу к вере привели в том, что у него Григорья Похабова нет, и хотели ево Григорья убить до смерти. А по ево язычной молке вынят у него лоскут однорятки Анисима Михайлова сукно вишневое с аршин, да 5 пугвиц муской однорятки серебряны золочены Дмитрея Котельникова, да у него ж Ивашка на пытке вынят ис под пяты камень. И про то он роспрашиван, а сказал: учил де ево ведовству из розбойной тюрьмы разбойник Микитка Бубен, а наговаривал ему на воск, и велел ему съесть, чтоб ему от пытки оттерпеться. А сидел он в ту пору в тюрьме с ним с Микиткою в том же деле, как они завели мятеж. А разбойник Микитка Бубен с очей на очи ставлен и роспрашиван про ведовство: отчево было ему Ивашку Салдату от пытки оттерпеться? И Никитка сказал: как тот Ивашко сидел в розбойной тюрьме с ним вместе в том деле, как он в мя-

тежное дело был на воровстве, и чтоб ему от пытки отстерпеться, и он ему наговаривал на воск, а приговор был над воском: «небо лубяно и земля лубяна, а как в земле мертвые не слыщат ничево, так б он, Ивашко, не слыхал жесточи и пытки». И тот Ивашко Салдат по государеву указу вершен: повешен по Сухоне реке на Жылкине, что ево объявилась вина перед государем явна.

Устюжанин Васка Шамшурин прислан в приказ сыскных дел по памяти от воеводы от Михайла Васильевича Милославского, что он во 156-м году июля в 9-й день был на воровстве и земского судейку в воду волок с Москою Чагиным с товарыщи. И как он воевода Михайло Васильевич выехал из двора своего и их уговаривал, и тот де Васка ухватил ево Михайла Васильевича за лошадь за узду, и водил, хотел с своими товарыщи убить до смерти. А Васька в роспросе и с пытки говорил: во 156-м году июля в 9-й день он Васька с товарыщи своими с Москою Чагиным, с Ыгнашком Яхлаковым, с Терешкою Мясником, с Ывашком Белым, с Ывашком Салдатом, с Ывашком Вороном и с ыными многими устюжскими с посадцкими и уездными людьми, имян им не помнит, потому что было устюжан посацких и уездных людей много, не одна тысяча, пришод в судебню, поволокли земского судейку в воду. А вел ево за руки Моска Чагин да Игнашка Яхлаков. А он Васька ево земского взашеи бил. И как учинилась весть к воеводе к Михайлу Васильевичю Милославскому, и Михайло де Васильевич, выехав, учал их унимать. И он Михайла Васильевича в ту пору за лошадь ево за узду схватил и хотел ево убить до смерти. И ево де Ваську схватали стрелцы по веленью Михайла Васильевича и посадили их в съезжую избу в колоду. И он де в те ж поры ис колоды выдрался и на всех воровствех был, и подьячево Анисима Михайлова убили и в воду бросили, и воеводу Михайла Васильевича и жену ево и тещу к образу приводили, и Григорья Похабова убить хотели, и дворы раззорили, на Устюге завел большей мятеж и воровство. И та ево вина сыскана и за ту ево вину он Васька вершен: повешен по большей дороге Усолской и Сибирской.

Из сборника «Городские волнения в Московском государстве в 1648 г.» (подготовлен к печати Историко-археографическим институтом Академии наук СССР. ГАФКЭ, Приказные дела старых лет, 1648 г., № 87).

ПРИЛОЖЕНИЯ

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ

БЕЛОМЕСТЦЫ. Люди, жившие на участках земли, освобожденных от государственного тягла в силу принадлежности их владельцев к привилегированным категориям (дворянам, церкви и служилым людям). По этому признаку «белые» участки противополагались «черным», на которые падали обычные повинности.

БОБЫЛЬ. Человек, вышедший из своей тяглой общины, обедневший крестьянин, не имеющий пашни (обезземелившийся), но часто сохранявший усадебную оседлость. Известны также «пашенные бобыли» — маломощные крестьяне с небольшими участками земли. Тягло посадское или крестьянское для бобылей заменялось особым «бобыльским оброком». В деревне безземельные бобыли занимались мелкими промыслами и торговлей. В городах также имелись бобыли, не входившие при разверстке налога в состав посадской общины. Большинство бобылей можно отнести к обедневшему населению, однако в XVII в. среди бобылей наблюдалась большая экономическая диференциация, и некоторые из них (преимущественно на севере), занимаясь торговлей, имели значительное состояние. Известны случаи, когда бобыли вели самостоятельно крупную торговлю и были связаны с внешним рынком.

БОЯРСКАЯ ДУМА. В XVII в. высший феодальный совет при царе, состоявший из представителей старой аристократии и вновь выдвинувшихся при первых Романовых дворянских фамилий. В Думе принимали участие так называемые думные люди: бояре, окольничие, думные дворяне и думные дьяки. Круг ведомства Боярской думы не был точно определен. Как высшее правительственное учреждение (учреждение в условном смысле, так как определенной постоянной организации Боярская дума не имела) Боярская дума была классовым орудием крупных феодалов-землевладельцев. Ее политическая роль отразилась в обычной формуле московских актов: «царь указал и бояре приговорили». Ленин определял монархию XVII в. как «монархию с боярской думой». Из специальных работ о Боярской думе см. *М. Н. Покровский,* статья о Боярской думе в Большой советской энциклопедии; *В. О. Ключевский,* Боярская дума древней Руси.

ВЕСТОВЩИК. Посылавшийся с вестью (известием).

ВОЕВОДА. Высшее административное лицо в местном управлении. Воеводское управление становится повсеместным с начала XVII в. Воеводы назначались царем из числа бояр, окольничих и стольников, а также московских дворян, в зависимости от значения и размера города. В большие города иногда посылались двое воевод. Воеводы вместе со своими помощниками, дьяками или подьячими, осуществляли все функции административного управления: судили, собирали налоги, командовали местными гарнизонами и пр. Воеводы были подчинены тем московским приказам, в ведении которых находились их города с уездами.

ВОРОТНИКИ. Сторожа крепостных ворот. Они являлись подобно стрельцам и пушкарям служилыми людьми «по прибору», т. е. по вербовке, в противоположность дворянам, которые были служилыми людьми «по отечеству». Подобно стрельцам, воротники занимались одновременно мелкой торговлей и промыслами и пользовались фискальными привилегиями. По социальному и экономическому положению они близко стояли к мелким слоям торгового и ремесленного населения посада, но противостояли ему как беломестцы.

ГИЛЬ — возмущение, восстание.

ГОЛОВА КАБАЦКИЙ. Ведал продажей вина в «государевых кабаках» и сбором денег за проданное вино. Назначался или выбирался населением из зажиточных посадских людей. Его помощниками были выборные целовальники. Иногда сбор таможенного и кабацкого доходов поручался одному и тому же лицу — таможенному и кабацкому голове.

ГОЛОВА ОСАДНЫЙ. Назначался из детей боярских для подготовки города на случай осады. В XVII в. осадные головы были только в пограничных уездах.

ГОРОД. В XVI—XVII вв. городом называлась укрепленная часть поселения, обнесенная стеной с воротами и рвом. В городе находились двор воеводы, съезжая изба, склады с порохом и оружием, житницы с запасами хлеба на случай осады, осадные дворы и избы, принадлежавшие дворянству, духовенству, служилым людям и более состоятельной части торгового населения. Владельцы осадных дворов и изб укрывались в них со своими людьми во время нападения неприятеля. Таким образом город являлся военным и административным центром. В XVII в. военное значение сохраняли преимущественно пограничные города. Из городов, о которых идет речь в настоящем сборнике, сюда следует отнести Курск и Козлов. В большинстве случаев укрепленный город был окружен посадом и слободами, в которых жило мелкое ремесленное и торговое население.

От термина город в указанном узком смысле надо отличать общий термин города как социально-экономическую категорию, охватывающую город и посад. (См. *Посад.*)

ГОСТИ, ТОРГОВЫЕ ЛЮДИ ГОСТИНОЙ И СУКОННОЙ СОТЕН. Во второй половине XVI в. высший слой купечества был наделен привилегиями и получил правильную организацию. Он разделялся на три группы: гостей, гостиную сотню и суконную сотню. Число гостей было ограничено и повидимому в XVII в. не превышало 15 чел. Каждая из торговых сотен имела от 100 до 150 чел. Их привилегии касались области суда и обложения. Гости и торговые люди гостиной и суконной сотен должны были исполнять разнообразные казенные поручения финансового и торгового характера, причем наиболее ответственные и важные поручения давались гостям и торговым людям гостиной сотни (продажа царских товаров внутри страны и за границей, заведывание чеканкой монет, сбор чрезвычайных налогов и таможенных пошлин и др.). Гости являлись самыми крупными представителями купеческого капитала XVII в., экспортерами русских товаров на заграничный рынок. За ними следовали торговые люди гостиной и суконной сотен. Однако следует иметь в виду, что в составе этих торговых сотен наблюдалась значительная экономическая диференциация в силу тех изменений, которые происходили в имущественном положении отдельных торговых людей: разорения, неудач в торговых сделках и других причин. Малоимущие слои мелкого ремесленного и торгового населения видели в привилегированном купечестве своих угнетателей. Швед Кильбургер, побывавший в Москве в 1674 г., по этому поводу заметил, что «если произойдет восстание, то головы всех гостей будут свернуты чернью».

ДВОРЕЦКИЙ. В XVII в. управлял приказом Большого дворца, в ведении которого находилось обширное дворцовое хозяйство, обслуживавшее потребности царского дворца. В дворецкие назначались наиболее близкие царю бояре.

ДВОРНИКИ. Сторожа в «осадных дворах», находившихся в «городах» за стеной острога и служивших местом укрытия людей и имущества в военное время. Иногда в дворники сажались холопы и крепостные крестьяне владельцев осадных дворов; в других случаях в дворники поступали посадские люди. Дворники занимались от себя мелкой торговлей и ремеслом. Дворники не входили в посадскую общину.

ДЕТИ БОЯРСКИЕ. Провинциальные дворяне делились на выборных дворян, детей боярских дворовых и детей боярских городовых. Дворовые дворяне могли участвовать в дальних походах; дети боярские городовые несли военную службу в своем городе. Особенно много детей боярских из стратегических соображений было поселено на южной пограничной полосе. По размеру земельных владений они являлись мелкими помещиками. Многие городовые дети боярские совершенно не имели крепостных крестьян и сами обрабатывали свои небольшие участки земли (однодворяне). Часть их занималась торговлей и мелким ремеслом. В южных городах дети боярские торговали хлебом, рыбой, сапогами, солью, мылом, дегтем и другими мелкими товарами. Социальный состав детей боярских был сложным; наряду с мелким провинциальным дворянством «по отечеству» в дети боярские попадали служилые люди «по прибору» (казаки, стрельцы) и даже в некоторых случаях черносошные (государственные) крестьяне.

ДРАГУНЫ. Кавалеристы «иноземного строя», сражавшиеся в пешем и конном строю. Первый драгунский полк был сформирован во время Смоленской войны (1632—1634 гг.). В драгуны набирались малопоместные и беспоместные дети боярские.

ДУМНЫЕ ЛЮДИ. Высшее звание, дававшее право участвовать в заседаниях Боярской думы.

ДЬЯКИ. Ближайшие помощники судей (начальников) московских приказов. На них фактически лежала вся текущая работа в приказах. В больших городах дьяки были помощниками воевод. Большинство дьяков происходило из подьячих, часть — из провинциальных дворян, а также крупных купцов. Примером последних может быть убитый 2 июня 1648 г. думный дьяк Назарий Чистый, происходивший из ярославских торговых людей. В середине XVII в. было 75—80 приказных дьяков.

ДЬ ЯКИ ДУМНЫЕ. Звание, жаловавшееся царем дьякам за заслуги и дававшее им право участвовать в заседаниях Боярской думы. В первой половине XVII в. было около 4—5 думных дьяков одновременно. Во второй половине столетия число их увеличилось. Увеличение числа думных дьяков в Боярской думе следует рассматривать как проникновение в нее бюрократических элементов.

ДЬЯЧОК ТАМОЖЕННЫЙ. Вел делопроизводство таможенной избы.

ДЬЯЧОК ЦЕРКОВНЫЙ. Младший служитель религиозного культа.

ЕНДОВА, ЕНДОВКИ. Сосуд в форме чашки.

ЖИВОТ. Движимое и недвижимое имущество.

ЗАКЛАДЧИКИ. Люди, отдавшиеся под власть и покровительство феодала и вследствие этого «заложившиеся» (отсюда название — закладчик) за монастыри, патриарха или крупных светских землевладельцев. Большинство закладчиков происходило из посадских людей. Становясь

закладчиками, последние выходили из посадской общины и освобождались от участия в несении посадских натуральных повинностей и денежных налогов. В то же время они продолжали заниматься разными промыслами и торговлей и в области торговли являлись конкурентами посада. В течение первой половины XVII в. правительство неоднократно предпринимало сыск и возвращение бывших посадских тяглецов, ставших закладчиками, обратно в посады. Уложение 1649 г. окончательно вернуло всех закладчиков в посад и упразднило самый институт закладчиков.

ЗЕЛЕЙНАЯ КАЗНА. Пороховой склад.

ЗЕМСКИЙ СОБОР. Введен во второй половине XVI в. как объединение феодальных сил для поддержки самодержавия. В состав Земского собора входили крупное боярство (Боярская дума), верхушка церковной иерархии (освященный собор), представители служилого дворянства и зажиточного купечества. Абсолютное большинство в Соборе и политическое преобладание принадлежали служилому дворянству. Первый Собор, о котором мы имеем точные сведения, относится к 1566 г. В середине XVII в. с укреплением самодержавия Земские соборы упраздняются. Последний Земский собор состоялся в 1653 г. Большое значение имел Земский собор 1649 г., на котором было принято Уложение. Специальные работы о Земских соборах: *В. О. Ключевский*, Состав представительства на Земских соборах в древней Руси; *В. Латкин*, Земские соборы древней Руси; см. соответствующий термин в БСЭ.

ЗЕМСКИЙ СТАРОСТА. См. земское самоуправление.

ЗЕМСКИЙ СУДЬЯ, СУДЕЙК 1. См. земское самоуправление.

ЗЕМСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ. Появилось в некоторых уездах в половине XVI в. Первая уставная грамота, выданная Иоанном IV на земское самоуправление, относится к 1551 г. (крестьянам Плесской волости). В Устюге Великом в первые три четверти XVII в. орган всеуездного (посад с уездом — волостями) самоуправления представлял собою выборную коллегию из трех земских судей и судецкого старосты. Один из земских судей был главным (головою). Они выбирались одним посадским сходом, без участия волостных крестьян, из числа «лучших» (зажиточных) посадских людей.

ЗЕРНЬ. Азартная игра, распространенная в XVII в.

ИЗБА ЗЕМСКАЯ, или СУДЕБНЯ. Местное учреждение, являвшееся присутственным местом для органов земского самоуправления.

ИЗБА СЪЕЗЖАЯ, или ПРИКАЗНАЯ. Канцелярия воеводы, провинциальное административное учреждение.

ИЗВЕТ. Донос.

КАЗАКИ. Название происходит повидимому от тюркского слова «казак» — вольный человек. В широком бытовом употреблении казаками назывались обедневшие вольные люди, не входившие в состав тяглого населения (крестьянского или посадского). В узком смысле казаками называлось вольное население, жившее на окраинах Московского государства, а также за его границей, и организовавшееся на началах самоуправления (донские, терские и яицкие казаки). Население это состояло из людей, вышедших из феодальной зависимости, из бежавших от крепостного гнета крестьян. Казаками назывались также служилые люди южной окраины, организованные в особые части московской армии, обязанные полковой и сторожевой службой.

КАЗАК 1 ПОЛКОВЫЕ. Вместе с детьми боярскими они несли «полковую службу», работали над постройкой и исправлением городских укреплений и посылались против татар. В организационном отношении они разделялись на приказы, подобно стрель-

цам. В обеспечение своей службы они получали небольшие поместные дачи.

КАЗАКИ СТОРОЖЕВЫЕ. Несли службу по обереганию южной границы от нападения крымских татар. Они имели небольшие земельные наделы и получали денежное жалованье. По своему экономическому положению они близко стояли к детям боярским тех же районов. Известны случаи, когда дети боярские поступали в сторожевые казаки. В широком бытовом употреблении казаком назывался обедневший вольный человек, живший преимущественно черной работой по найму.

КАРБАС. Речное судно.

КЕЛАРЬ. Монастырский казначей.

КЛЕПАТЬ. Оговорить, ложно показывать.

КОЛОДНИКИ. Арестанты. Название происходит от слова «колода», в которую заковывались ноги. В XVII в. на ноги колодникам надевались железные кандалы с цепями.

КОНОВАЛ. Ветеринар XVII в.

КРАШЕНИНА. Окрашенная грубая льняная ткань, служившая материалом для одежды несостоятельных слоев населения.

КРЕЧЕТНИКИ. См. сокольники.

КРУЖЕЧНЫЙ ДВОР. Двор, на котором производилась казенная продажа вина.

КУЗНЕЦЫ КАЗЕННЫЕ. Исполняли казенные заказы и получали от казны денежное жалованье. Примыкали к низшим категориям служилых людей, стояли вне посада и были освобождены от посадского тягла.

МЕДЕНИК. Медный кувшин.

МУШКЕТ. Кремневое ружье с длинным стволом.

ОГОВОРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Обвиняемый на основании показания свидетелей.

ОДНОРЯДКИ. Верхняя широкая одежда.

ОКОЛЬНИЧИЙ. Второй «думный» чин ниже боярина. Представители старых родовитых фамилий непосредственно получали окольничего.

ОРДЫНСКАЯ СЛОБОДА, или СОТНЯ. Находилась в Москве за Москва-рекой. Считалась «черной» слободой. Название произошло повидимому от поселенных «ордынцев».

ОСЛОПЬЕ — палки.

ОТКУПЩИК КАБАЦКИЙ. Человек, взявший на откуп кабак. Откупщик уплачивал в царскую казну договорную сумму откупа и собирал в свою пользу деньги за проданное вино. Откупщиками были посадские торговые люди.

ПАТРИАРХ. Высшее духовное лицо. Патриаршество введено в России в 1589 г. В 1648 г. патриархом был Иосиф (1640—1652 гг.). Патриарх был одним из крупнейших землевладельцев.

ПИЩАЛЬ. Старинное кремневое ружье, заряжавшееся с дула. На полку насыпался порох, который воспламенялся от искры, высекавшейся кремневым курком. Пищалями назывались также небольшие пушки.

ПОДГОЛОВОК. Небольшой сундучок, ставившийся на лавку, на которой спали, «под головы». В нем хранились ценные документы и драгоценности.

ПОДЬЯЧИЕ. Основные канцелярские работники приказов. Набирались преимущественно из посадских людей. Различались «старые» и «молодые» подьячие, пользовавшиеся ризличными правами и получавшие разные оклады хлебного и денежного жалованья. Старшие подьячие при воеводах заведывали сбором налогов и податей и были влиятель-

ными лицами в своих городах и уездах. Часто они имели земли и занимались ростовщичеством.

ПОДЬЯЧИЕ ПЛОЩАДНЫЕ. Сидели на площадях и за плату составляли жалобы, крепости и другие частные документы. За это они платили в царскую казну особый оброк. Иногда площадные подьячие привлекались для письменных дел в правительственные учреждения.

ПОЛОВНИК. Крестьянин, работающий на землевладельца за половину урожая.

ПОСАД. Часть территории городского поселения, население которой участвовало в платеже посадских налогов. Посад был средоточием мелкого ремесленного производства и торговли. На нем находился торг, на который приезжали каждый день или в определенные дни недели крестьяне с товаром. Более крупная торговля купцов других городов производилась в гостином дворе. Лавочная торговля происходила в рядах. Посад противополагался, с одной стороны, «городу», являвшемуся по преимуществу крепостью и административным центром, и, с другой стороны, «белым» частновладельческим слободам, население которых хотя и занималось промыслами и торговлей, но до 1649 г. не участвовало в несении посадского тягла.

ПОСАДСКИЕ ЛЮДИ. Часть городского населения, входившая в состав посадской общины, положенная в посадское «тягло», т. е. участвовавшая в несении посадских повинностей и в платеже налогов. К посадским людям принадлежало торговое и ремесленное население, жившее на «черной» посадской земле.

ПРАВЕЖ. Наказание за невзнос налогов или долга, состоявшее в том, что обвиняемого ставили днем перед приказом в Москве или перед съезжей избой в городах и били по икрам ног палками, а на ночь сажали на цепь. Это наказание длилось до тех пор, пока обвиняемый не платил требуемой с него суммы денег. Правежом «вымучивали» государственные налоги, а также долги частным лицам.

ПРИКАЗЫ (административные). Высшие центральные учреждения в Москве в области народного хозяйства, финансов, суда и управления, появившиеся в начале XVI в. Строгого разграничения функций между приказами не было. В середине XVII в. в Москве насчитывалось около 40 приказов (число их постоянно менялось).

ПРИКАЗ ЗЕМСКИЙ. Ведал московским посадом и некоторыми городами. По отношению к Москве он являлся высшим полицейским учреждением.

ПРИКАЗ ИНОЗЕМНЫЙ. Ведал иноземцами (преимущественно иностранными офицерами), находившимися на царской службе.

ПРИКАЗ РАЗРЯДНЫЙ. По основным функциям имел военный характер, ведал служилыми людьми и был центром военного командования во время войны. Постепенно, в течение XVII в., в его частичном или полном ведении оказалась большая территория, лежавшая в южной части государства. В эту территорию входили Козлов, Курск, Воронеж, Старый Оскол, Ливны и другие города.

ПРИКАЗ СТРЕЛЕЦКИЙ. В его ведомстве находились стрельцы московские и городовые. В этот же приказ собиралась с населения подать на содержание стрелецких войск («стрелецкие хлебные запасы» и «стрелецкие деньги»). Не смешивать со «стрелецкими приказами» (полками).

НОВГОРОДСКАЯ ЧЕТВЕРТЬ. Принадлежала к числу так называемых территориальных приказов, ведавших определенной территорией в административном, финансовом и судебном отношениях. В территорию, подведомственную Новгородской четверти, входили следующие города с уездами: Великий Новгород, Псков, Нижний-

Новгород, Архангельск, Вологда и другие северные и северо-западные города.

УСТЮЖСКАЯ ЧЕТВЕРТЬ. Приказ такого же территориального характера, как и Новгородская четверть. Ему были подчинены города: Устюг Великий, Соль Вычегодская, Тотьма.

НОВАЯ ЧЕТЬ, или КАБАЦКАЯ ЧЕТЬ. Ведала доходом с кабаков в Москве и во многих других городах.

ПРИКАЗНЫЕ ЛЮДИ. Канцелярский состав (подьячие) административных приказов.

РАКА. Гробница, в которой находились «мощи» святого.

РАССЫЛЬНЫЕ. Находились для посылок при воеводах и съезжих избах.

РУХЛЯДЬ. Движимое имущество.

СОКОЛЬНИКИ. Обслуживали царскую соколиную охоту. Они получали денежное жалованье и наделялись небольшими поместьями и вотчинами. При дворе Алексея Михайловича было около 100 сокольников и более 100 кречетников и их помощников.

СОТНИ ЧЕРНЫЕ. Московское торговое и ремесленное население жило в слободах и сотнях, являвшихся территориально-административными единицами. В их числе насчитывалось около 25 черных сотен и слобод, находившихся на «черной» посадской земле. Большинство их было сосредоточено в пределах Белого и Земляного города (внутри кольца Б). Остальные слободы и сотни были: дворцовые, казенные, монастырские, церковные, стрелецкие, пушкарские, иноземческие и др.

СОТСКИЕ В СЛОБОДАХ. Выбирались населением слобод из числа «лучших», т. е. зажиточных, людей в качестве представителей слободского самоуправления. В действительности использовались в качестве низших агентов административной власти.

СПОЛОХ. Тревога.

ССЫЛОЧНЫЕ ЛЮДИ. Свидетели, на которых делались ссылки.

СТАРОСТЫ ГУБНЫЕ. Избирались всем населением из дворян и детей боярских для борьбы с уголовными преступлениями. В действительности круг их обязанностей был шире и включал чисто административные функции. Кроме того под уголовные преступления подпадали и акты классовой борьбы. Поэтому находившийся в руках местных дворян институт губных старост был прежде всего направлен против крестьян.

СТАРОСТА РУЖНЫЙ. Выборный из посадских людей, заведывал сбором денег с населения на содержание церквей (руга, ружные доходы), тюрем. Он же производил мелкие расходы по мирскому приговору.

СТРЕЛЬЦЫ. Появились в начале XVI в. В первой половине XVII в., до сформирования полков иноземного строя, составляли основную массу регулярной московской армии. Стрельцы селились около посадов в особых стрелецких слободах, получали участки земли, а также денежное и хлебное жалованье. Они вербовались главным образом из посадского населения, а также из черносошных (государственных) крестьян. В городах они занимались помимо несения военной службы разными промыслами, ремеслом и мелкой торговлей. До Соборного уложения 1649 г. они пользовались фискальными привилегиями. В социально-экономическом отношении стрельцы в основной своей массе близко стояли к мелким слоям посадского населения. Основным войсковым подразделением стрельцов был стрелецкий приказ, состоявший из 800—1 000 стрельцов. Приказ делился на сотни и полусотни. Высшие командные должности в приказе (стрелецкие головы, полуголовы и сотники) назначались из дворян и детей боярских. Под командой сотников были пятидесятники и десятники.

назначавшиеся из рядовых стрельцов. Приказы назывались по имени голов (начальников).

СТРЕЛЬЦЫ НОВОПИСНЫЕ, или НОВОПРИБОРНЫЕ. Люди (крестьяне, посадские), вновь записанные в стрельцы; сравнительно со старыми стрельцами получали пониженный оклад.

СТРЕЛЬЦЫ СТРЕМЯННЫЕ. Выборный стрелецкий приказ, составлявший личную охрану царя, его гвардию.

СТРЯПЧИЙ. Второй по старшинству московский служилый чин, следовавший за стольниками. Ниже стряпчих были дворяне московские и жильцы.

СУКОННАЯ СОТНЯ. См. привилегированное купечество.

СЫЩИК. Лицо, производившее «сыск», расследование по поручению центральной административной власти. В сыщики назначались московские дворяне, стряпчие и окольничие. Цели «сыска» могли быть различные: расследование причин запустения земель, разыскание бежавших крестьян или ушедших от посадского тягла посадских людей, расследование политических преступлений и пр.

ТЮРЕМНЫЕ СИДЕЛЬЦЫ. Арестанты.

ХОЛОПЫ. Лично несвободные люди. В XVII в. различались полные холопы, которые переходили по наследству и могли стать объектом продажи, и кабальные холопы. Холопство последних прекращалось со смертью господина. Источником кабального холопства был первоначально заем денег с обязательством службы за рост (служилая кабала). Другим видом кабального холопства было добровольное холопство, когда вольный человек давал на себя запись в холопство без займа.

ЦЕЛОВАЛЬНИКИ. Выборные от населения для исполнения тех или иных повинностей (служб) по продаже вина в кабаках (кабацкие целовальники), по сбору торговых пошлин в таможенных избах (таможенные целовальники) и пр. Перед началом службы они приводились к присяге и целовали крест, откуда произошло и само название целовальников.

ЧЕРНЫЕ ЛЮДИ. Сельское и городское население, жившее на государственной земле (не освоенной частными землевладельцами) и положенное в податной оклад. Крестьяне, жившие на государственной земле, назывались черносошными, посадские люди — черными.

ШИРИНКА. Платок.

ЯМЩИКИ. Возили по «проезжим грамотам», выдававшимся московскими приказами, служилых людей и гонцов. Ямщики жили в особых слободах, имели пашню и огороды и частично вели мелкую торговлю. «Ямская гоньба» представляла собою почтовую систему, обслуживающую потребности централизованного феодально-крепостного государства

ЯРЫЖНЫЕ, ЯРЫЖКИ. Беднейший слой посадского населения, живший случайной работой. Они работали грузчиками, бурлаками, гребцами на речных судах, исполняли различную мелкую работу.

ПОЯСНЕНИЯ К ЛИЧНЫМ ИМЕНАМ

БОБОРЫКИН Роман Федорович, окольничий. В 1636 г. строил Тамбов и был в нем воеводой, в 1644 г. был воеводой в Яблоновом, в 1647—1648 гг. — воеводой в Козлове.

БУКГОФЕН Корнелий, голландский офицер. Прибыл на русскую службу в чине капитана в 1648 г. Принимал деятельное участие в формировании полков иноземного строя.

БУТУРЛИН Василий Васильевич, стольник. Производил расследование (сыск) по делу о восстании в Курске 5 июля 1643 г.

БУТУРЛИН Емельян Иванович, стольник. Производил расследование (сыск) по делу о восстании в Козлове 11 июня 1643 г.

ГОЛИЦЫН князь Иван Андреевич. В 1647—1648 гг. (до августа) управлял Владимирским судным приказом, которому были подсудны высшие светские чины — бояре окольничие и вообще думные люди.

ГУСИН Григорий, посадский человек Устюга Великого. Занимался крупной торговлей и винокурением. Вывозил из Сибири пушнину на большие суммы.

ГУСЕЛЬНИКОВ Гурий Федотов, один из представителей разбогатевшей крестьянской семьи Устюжского уезда Гусельниковых-Федотовых. Особенно известен его брат, гость Василий Федотов, по прозвищу «Скорая Запись». Федотовы вели очень крупную торговлю.

ДАЛМАТОВ-КАРПОВ Федор Борисович. В 1637—1638 гг. был назначен товарищем (помощником) дядьки (воспитателя) царевича Алексея Михайловича. Воспитателем был Б. И. Морозов.

КОТЕЛЬНИКОВЫ Дмитрий и Иван Емельяновы (братья), посадские люди Устюга Великого, участвовали в сибирской торговле.

ЛЬВОВ князь Алексей Михайлович, боярин, дворецкий. Стоял во главе приказа Большого дворца и заведывал обширным дворцовым хозяйством. В ведении приказа Большого дворца находились около 40 городов и 8 московских слобод с торговыми и ремесленными людьми.

МИЛОСЛАВСКИЙ Илья Данилович, боярин, тесть царя Алексея Михайловича и Бориса Ивановича Морозова.

МИЛОСЛАВСКИЙ Михаил Васильевич, воевода в Устюге Великом. Прибыл в Устюг Великий в конце апреля или в начале мая 1648 г.

МИХАЙЛОВ Анисим, подьячий Устюжской съезжей избы.

МОРОЗОВ Борис Иванович, боярин, воспитатель (дядька) царя. Вскоре после воцарения Алексея Михайловича Б. И. Морозов стал главою правительства. Непосредственно управлял приказом Большой казны, Стрелецким приказом и Новой четью. В 1648 г. Б. И. Морозов женился

на дочери И. Д. Милославского и сестре царицы Анне Ильинишне. Крупнейший землевладелец (см. «Хозяйство крупного феодала XVII века», издание Историко-археографического института Академии наук СССР, 1933 г.).

МОРОЗОВ Глеб Иванович, брат Бориса Ивановича Морозова.

ОДОЕВСКИЙ князь Никита Иванович, ближний боярин. Зять боярина Ф. Н. Шереметева. В 1643—1646 гг. был судьей (начальником) Сибирского приказа. В начале 1646 г. в связи с падением Шереметева и приходом к власти Б. И. Морозова был переведен воеводою большого полка на Украину. Вернулся в Москву после июньского восстания и ссылки Морозова. В 1648—1649 гг. состоял председателем комиссии по составлению Соборного уложения.

ПЛЕЩЕЕВ Леонтий Стефанович. С 15 августа 1647 г. судья Земского приказа. Убит во время восстания 3 июня 1648 г. Не смешивать с его братом, тоже Леонтием Плещеевым, сосланным в 1641 г. в Нарымский край.

ПОЖАРСКИЙ князь Семен Романович, окольничий. В 1648 г. был в Новой чети и в Пушкарском приказе вместе с боярином кн. М. П. Пронским.

ПОРСЕРСКИЙ. Назван в «анонимном» шведском сочинении о восстании в Москве в 1648 г. (стр. 59), скорее всего испорченная фамилия Пожарского.

ПОХАБОВ Григорий, подьячий Устюжской съезжей избы. Вместе с отцом, стрелецким сотником, и братом занимался крупным ростовщичеством. Владел деревнями в Устюжском уезде. Посадские люди и крестьяне неоднократно жаловались на его злоупотребления, насилия и взяточничество. По словам Гр. Похабова, его еще в 1640 г. грозили «убить и в воду посадить».

ПРОНСКИЙ князь Михаил Петрович, боярин. С 7 июня 1648 г. начальник Пушкарского приказа и Новой чети. При отъезде царя 17 мая 1648 г. на богомолье в Троице-сергиевскую лавру ему было поручено совместно с кн. И. И. Ромодановским и думными дьяками Н. Чистым и М. Волошениным управление столицей.

ПРОТОПОПОВА Феодора Игнатьевна, жена устюжского торгового человека.

ПУШКИН Григорий Гаврилович, боярин и ружейничий. С начала 1647 г. заведывал Оружейной палатой и Ствольным приказом.

РОМАНОВ Никита Иванович, боярин. Дядя царя. Один из крупнейших землевладельцев. По переписной книге 1646 г. за Романовыми числилось 7012 дворов крестьян и бобылей, в том числе 1602 двора в 27 городах (22,9%). Самые крупные земельные владения Романовых лежали в южных уездах. Им принадлежали два вотчинных города (Романово городище и Скопин городок) и ряд слободок и подгородных сел. Под Москвой им принадлежали села Измайлово, Бутырки и Пушкино. В городских дворах Романовых жили в большом числе беломестцы и закладчики, вышедшие из посадской общины.

РОМОДАНОВСКИЙ князь Иван Григорьевич, стольник. Производил расследование (сыск) в Устюге Великом по делу о восстании 9 июля 1648 г.

ТЕМКИН-РОСТОВСКИЙ князь Михаил Михайлович, боярин. С 14 июня 1648 г. заведывал Разбойным приказом.

ТРАХАНИОТОВ Петр Тихонович, окольничий. С июня 1646 г. управлял Пушкарским приказом. По сведениям Поммеренинга, он был родственни-

ком (шурином) Б. И. Морозова. Повидимому П. Т. Траханиотов был женат на его сестре. На сестре П. Т. Траханиотова был женат Л. С. Плещеев. Траханиотов казнен во время восстания 5 июня 1648 г.

ЧЕРКАССКИЙ князь Дмитрий Мамстрюкович. Приближенный царя Михаила Феодоровича. В 1634 г. во время осады Смоленска поляками был послан на помощь Шеину, защищавшему город.

ЧЕРКАССКИЙ князь Иван Борисович, боярин. Двоюродный брат царя Михаила Феодоровича, играл выдающуюся политическую роль в его царствование. В его управлении находились приказы: Стрелецкий, Иноземный, Аптекарский и Большой казны. Умер в 1642 г.

ЧЕРКАССКИЙ князь Яков Куденетович, боярин. Двоюродный брат князя Ивана Борисовича Черкасского. Один из самых крупных землевладельцев середины XVII в. По переписной книге 1646 г. за ним числилось 5 207 дворов (третье место после бояр Морозовых и боярина Н. И. Романова). В Москве кн. Я. К. Черкасскому принадлежал обширный боярский двор. Во время чумной эпидемии 1654 г. в московском дворе умерло 423 и осталось в живых 110 человек. Черкасский одновременно занимался эксплоатацией поташных заводов и вел торговые операции. После ссылки Б. И. Морозова в июне 1648 г. стал главою нового правительства, соединяя в своем непосредственном управлении приказы Большой казны, Стрелецкий и Иноземный. Вскоре после возвращения Б. И. Морозова кн. Я. К. Черкасский подвергся опале. Приказы, находившиеся в его управлении, получил Илья Данилович Милославский. Впоследствии, во время войны с Польшей, кн. Я. К. Черкасский командовал московской армией.

ЧИСТЫЙ Назарий, думный дьяк. Происходил из ярославских купцов. В 1621 г. ему было дано звание гостя. В последующее время, не бросая окончательно торговых занятий, он сделал крупную административную карьеру, получив звание думного дьяка. В начале 1647 г. был поставлен во главе Посольского приказа и Новгородской четверти. Иностранцы его называли «канцлером». Его брат Алексей в 1648 г. под начальством Б. И. Морозова управлял приказом Большой казны. Назарий Чистый убит во время восстания 2 июня 1648 г.

ШЕРЕМЕТЕВ Федор Иванович, боярин. Глава московского правительства в конце царствования Михаила Феодоровича. После воцарения Алексея Михайловича принужден был уступить это положение Б. И. Морозову.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

ЗЕРЦАЛОВ А. Н., Новые данные о Земском соборе 1648—1649 гг. («Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1887 г., кн. 3 и отдельно).

ЗЕРЦАЛОВ А. Н., О мятежах в гор. Москве и в селе Коломенском в 1648, 1662 и 1771 гг. («Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1890 г., кн. 3 и отдельно).

ЗЕРЦАЛОВ А. Н., К истории мятежа 1648 года в Москве и других городах («Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1896 г., кн. 1).

ПЛАТОНОВ С. Ф., Московские волнения 1648 г. Статья впервые появилась в «Журнале министерства народного просвещения», 1888 г., перепечатана в «Статьях по русской истории» в первом и во втором изданиях.

СМИРНОВ П. П., О начале Уложения и Земского собора 1648—1649 гг. («Журнал министерства народного просвещения» № 9, 1913 г.).

СМИРНОВ П. П., Несколько документов к истории Соборного уложения и Земского собора 1648—1649 гг. («Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1913 г., кн. 4).

СМИРНОВ П. П., Правительство Б. И. Морозова и восстание в Москве 1648 г., Ташкент 1929 г., изд. Среднеазиатского государственного университета.

БАХРУШИН С. В., Московский мятеж 1648 г. (Сборник статей в честь М. К. Любавского, 1917 г.).

БОГОЯВЛЕНСКИЙ С. К., Московские смуты в XVII в. (Москва в ее прошлом и настоящем, вып. 6).

СТАШЕВСКИЙ Е. Д., Народные волнения в Московском государстве («Русская история в очерках и статьях» под редакцией М. В. Довнар-Запольского, т. III).

ТХОРЖЕВСКИЙ С. И., Народные волнения при первых Романовых изд. «Сеятель», 1924 г.

БАЗИЛЕВИЧ К. В., Мятеж в Великом Устюге в 1648 г. (Ученые записки Института истории РАНИОН, т. V).

НОВИЦКИЙ Г. А., Восстание в Курске в 1648 г. («Историк-марксист» № 6, 1934 г.).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Введение 5

ДОКУМЕНТЫ

I. Восстание в Москве

1. Донесения шведского резидента в Москве Поммеренинга 35
2. Челобитная, поданная царю Алексею Михайловичу 2 июня 1648 г. 46
3. Анонимное шведское сочинение о восстании в Москве в 1648 г. 52
4. Лейденская брошюра 59
5. Описание восстания в Москве в 1648 г. Адама Олеария 63
6. Описание восстания в Москве в 1648 г. (из сборника Ленинградской публичной библиотеки бывш. собрания гр. Ф. А. Толстого) 73
7. Описание восстания в Москве в 1648 г. (из Псковской первой летописи) 76
8. Описание восстания в Москве в 1648 г. (из Нового летописца по списку Оболенского) 77
9. Описание восстания в Москве в 1648 г. (из «Летописи о многих мятежах») 78
10. Описание восстания в Москве в 1648 г. (из хронографа третьей редакции по списку В. Ундольского) 79
11. Рассказ о побеге и поимке П. Т. Траханиотова из «Книги о чудесах пр. Сергия» Симона Азарьина 79
12. Письмо Семена Колтовского 82
13. Сказка томского казака Ивашки Лаврентьева 82
14. Сыскное дело Андрюшки Ларионова 83
15. Сыскное дело Савинки Корепина 86

II. Восстание в Козлове (11 июня 1648 г.)

16. Челобитная города Козлова сына боярского В. Движкова, пушкарей В. Чеботаря, Карпика и Сеньки Милицыных, О. Бораборина и попа Якова о разграблении их во время восстания в Козлове и выписка из очных ставок 93
17. Челобитная города Козлова сына боярского И. Северова о разграблении его во время восстания в Козлове и выписка из очных ставок 99
18. Челобитная города Козлова сына боярского М. Филатова и стрельца И. Шеболдина об освобождении их из тюрьмы и выписка из сыскного дела 101
19. Челобитная города Козлова сторожевых казаков С. Деева и Г. Тишенина о разграблении их во время восстания в Козлове и выписка из очных ставок 102

Стр.

20. Отписка стольника и воеводы В. С. Волынского 104
21. Отписка козловского воеводы Р. Боборыкина 105

III. Восстание в Курске (5 июля 1648 г.)

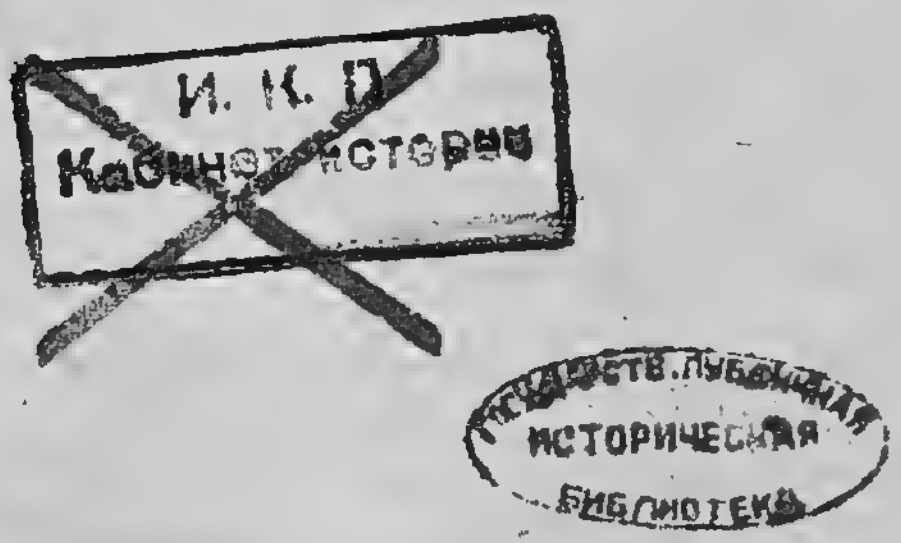
22. Перечневая выпись из допросных речей привлеченных к ответственности за участие в восстании в Курске 5 июля 1643 г. . . 109
23. Приговор над виновными в участии в восстании в Курске 5 июля 1648 г. 134

IV. Восстание в Устюге Великом (9 июля 1648 г.)

24. Отписка устюжского воеводы М. В. Милославского с извещением о восстании в Устюге Великом 9 июля 1648 г. 135
25. Показания бежавшего в Москву подьячего устюжской съезжей избы Г. Похабова 136
26. Показания устюжан — посадских людей Дмитрия и Ивана Котельниковых 138
27. Показания устюжского земского судейки И. И. Бубнова 139
28. Показания сотника устюжских стрельцов Е. Я. Маркова 140
29. Статейный список сыскного дела стольника кн. И. Г. Ромодановского и подьячего К. Львова о восстании в Устюге Великом 9 июля 1648 г. 141

ПРИЛОЖЕНИЯ

Объяснительный словарь 169
Пояснения к личным именам 177
Основная литература 180



Редактор Н. Рубинштейн
Технический редактор Е. Этингоф
Корректора Е. Коростелева и С. Горбатова

Сдано в набор 27/II 1936 г. Подписано к печати 29/V 1936.
Формат 62×94/16. 11 1/2 печ. л. 39744 зн. в печ. л. Огиз № 1705
Заказ 1067. Тираж 10 тыс. экз. Уполномоченный Главлита Б—20617
Цена книги 2 руб. 30 коп., переплет 60 коп.

1-я Образцовая типография Огиза РСФСР треста Полиграфкнига,
Москва, Валовая, 28.

Цена 2 руб. 90 коп.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ И КИОСКАХ КОГИЗа

Почтовые заказы направлять: Москва, Когиз, „Книга-почтой", а также в „Книга-почтой" всех областных (краевых) отделений Когиза.

Склад издания: Москва, Маросейка, 7, Сектор партийной литературы Когиза.